
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. **2025. Том 9. № 4** Выходит 4 раза в год
Сквозной номер выпуска – 36

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4. Журнал вошел в российскую часть Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка–2025» (ЕГПНИ)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Лапаева Ангелина Вячеславовна** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), главный советник отдела внутриполитического анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Демичев Алексей Андреевич – д.ю.н., к.и.н., профессор. Нижегородская академия МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса; Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Тамбовской области (г. Тамбов, РФ), судья
Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Махина Светлана Николаевна – д.ю.н., профессор. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – д.ю.н., профессор. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Редкоус Владимир Михайлович – д.ю.н., профессор. Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ), ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

Романовская Ольга Валентиновна – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского права и процесса

Романовский Георгий Борисович – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Туманова Анастасия Сергеевна – д.и.н., д.ю.н., профессор. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, ведущий научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ), профессор факультета гуманитарных наук

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. 152 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: apgospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: 8(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта: apgospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <https://journals.rcsi.science/2587-9340/>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>

Подписано в печать 27.11.2025. Дата выхода в свет 10.12.2025

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 19,0. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 1000 экз. Заказ 25262. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Оформление, оригинал-макет, редактирование. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017 **2025, vol. 9, no. 4**
Continuous issue number – 36

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4.
The journal has been included in the Russian part of the Unified State Register of Scientific Publications – the “White List–2025”

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Angelina V. Lapaeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Maryna V. Andryashka – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Chief Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Sergey F. Afanasev – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure, Advocacy and Notary Department

Elena V. Blinkova – Dr. Sci. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Alexander F. Voronov – Dr. Sci. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Aleksei A. Demichev – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Professor of Civil Law and Procedure Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Head Researcher of the Science Center

Roman V. Zelepukin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation), Judge

Vladimir P. Kamyshanskiy – Dr. Sci. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Tauzhan M. Klimenko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Aleksander V. Kochetkov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Igor B. Lagutin – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Natalya A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department

Svetlana N. Makhina – Dr. Sci. (Law), Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Head of the Chair of Theory and History of State and Law Department

Igor V. Ovsyannikov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Roman B. Osokin – Dr. Sci. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Kirill K. Panko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Dmitrii A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head Researcher of Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department

Nikolay I. Polishchuk – Dr. Sci. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Vladimir M. Redkous – Dr. Sci. (Law), Professor. The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Sector for Administrative Law and Administrative Process

Olga V. Romanovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation), Professor of the Civil Law and Procedure Department

Georgii B. Romanovskii – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation), Professor of the Criminal Law and Procedure Department

Svetlana V. Rybakova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Vasilii V. Trofimov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Anastasia S. Tumanova – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Leading Researcher; Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Professor of Humanitarian Sciences Faculty

Vera A. Chunyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Andrew V. Yudin – Dr. Sci. (Law), Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2025, vol. 9, no. 4, 152 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФЦ 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editor *N.A. Mikhailova*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web site: <https://journals.rcsi.science/2587-9340/>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>

Signed for printing 27.11.2025. Release date 10.12.2025

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 19,0. Conv. pr. sheet 18,4. Copies printed 1000. Order no. 25262. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2025. Том 9. № 4 Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Дорская А.А.</i> Тема кризисов и антикризисные программы в историко-правовых исследованиях	467
<i>Волкова Н.С., Путило Н.В.</i> Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления	474
<i>Андрияшко М.В.</i> Модельное законотворчество как инструмент правового сотрудничества: опыт для Союзного государства Беларуси и России в сфере социального и демографического развития	485
<i>Александрова А.В.</i> Великая французская революция и развитие пенсионного законодательства	494

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

<i>Талимончик В.П.</i> Проблема обеспечения эффективности международно-правовой охраны изобретений, связанных с искусственным интеллектом	504
<i>Мартыненко И.Э.</i> Новые возможности ресурсного обеспечения культурной деятельности в сфере военно-исторического и культурного наследия посредством реализации проектов государственно-частного партнерства, спонсорства и меценатства	512
<i>Романовский Г.Б., Романовская Е.А.</i> Право и биомедицина: опыт Казахстана	521
<i>Матчанова З.Ш.</i> Проблема реализации нематериальной ответственности в международном праве	532
<i>Садыхина Н.Е., Житнева А.М.</i> Единство публичной власти как принцип российской государственности	539
<i>Краснословцева Н.К.</i> Трансформация компетенции Конституционного Суда РФ	548
<i>Рагозина Н.А.</i> Конституционно-правовые основы понятия «здоровье нации»	557

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

<i>Рейникова Э.Ю., Кузнецов А.А., Макурин П.С.</i> Совершенствование уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики	567
<i>Шуняева В.А.</i> Цифровые девиации представителей цифрового поколения: классификация и виды	577
<i>Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Артемьева Н.М.</i> Проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными	586
<i>Бархозов М.Г., Токбаев А.А.</i> Актуальные вопросы производства следственных действий в условиях цифровизации уголовного судопроизводства	598

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2025, vol. 9, no. 4 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Dorskaia A.A.</i> The topic of crises and anti-crisis programs in historical-legal studies	467
<i>Volkova N.S., Putilo N.V.</i> Denialism as a social deformation and legal means of overcoming it	474
<i>Andryashka M.V.</i> Model lawmaking as a tool of legal cooperation: experience for the Union State of Belarus and Russia in the field of social and demographic development	485
<i>Aleksandrova A.V.</i> The French Revolution and the development of pension legislation	494

ISSUES OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

<i>Talimonchik V.P.</i> The problem of ensuring the effectiveness of international legal protection of inventions related to artificial intelligence	504
<i>Martynenka I.E.</i> New opportunities for resource provision for cultural activities in the field of military-historical and cultural heritage through the implementation of public-private partnership projects, sponsorship, and patronage	512
<i>Romanovskii G.B., Romanovskaya E.A.</i> Law and biomedicine: Kazakhstan's experience	521
<i>Matchanova Z.Sh.</i> The problem of implementing intangible liability in international law	532
<i>Sadokhina N.E., Zhitneva A.M.</i> The unity of public authority as a principle of Russian statehood	539
<i>Krasnoslobodtseva N.K.</i> Transformation of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation	548
<i>Ragozina N.A.</i> Constitutional and legal foundations of the concept of "health of the nation"	557

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Repnikova E.Yu., Kuznetsov A.A., Makurin P.S.</i> Expanding criminal liability for violation of nuclear and radiation safety rules at nuclear power facilities	567
<i>Chunyaeva V.A.</i> Digital deviations of the digital generation: classification and types	577
<i>Latypova E.Yu., Gilmanov R.E., Artemyeva N.M.</i> Problems of bringing minors to criminal responsibility for cruelty to animals	586
<i>Barkhozov M.G., Tokbaev A.A.</i> Current issues of investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings	598

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-467-473>

Шифр научной специальности 5.1.1

Тема кризисов и антикризисные программы в историко-правовых исследованиях

Дорская Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, SPIN-код: [9965-3211](https://orcid.org/0000-0002-8723-8673), РИНЦ AuthorID: [314268](https://orcid.org/0000-0002-8723-8673), Scopus Author ID: [59158152500](https://orcid.org/0000-0002-8723-8673), [https://orcid.org/0000-0002-8723-8673](mailto:adorskaya@yandex.ru), adorskaya@yandex.ru

Аннотация

История государства и права как наука и учебная дисциплина нередко подвергается критике за отсутствие актуальной тематики и оторванность от практики. Цель исследования состоит в демонстрации на конкретном примере актуальности историко-правового материала, на базе которого могут выработаться программы преодоления кризисов в государственной и правовой сферах. В качестве основных методов были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, диалектический метод, дескриптивный метод, а также специальные методы юридического исследования – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования. Проведен анализ темы кризисов в историко-правовых работах российских исследователей дореволюционного, советского и современного периодов. Показано, что тема кризисов открывает перед историками права необходимость изучения таких вопросов, как цикличность государственного и правового развития, создание новых периодизаций истории государства и права, включение материала по истории международного права. Установлено, что историко-правовая наука предлагает такие антикризисные программы, как недопустимость отказа от какого-либо правового учения и создание возможности для параллельного развития разных научных школ, разработка классификации кризисов в государственной и правовой сферах, позволяющие выявить индикаторы различных кризисов. Сделан вывод о том, что кризисная тематика полезна для рассмотрения ее в историко-правовом ракурсе, поскольку позволяет увидеть причины кризисов, их этапность, возможные последствия и предложить апробированные варианты выхода из них.

Ключевые слова

история государства и права, историко-правовая наука, кризис, антикризисная программа, периодизация, цикличность, классификация кризисов, этапы кризисов, актуальность исследований

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

Вклад автора

А.А. Дорская – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Дорская А.А. Тема кризисов и антикризисные программы в историко-правовых исследованиях // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 467-473. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-467-473>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-467-473>

OECD 5.05; ASJC 3308

The topic of crises and anti-crisis programs in historical-legal studies

Aleksandra A. Dorskaia,

Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Research, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, SPIN-code: 9965-3211, RSCI AuthorID: 314268, Scopus Author ID: 59158152500, <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>, adorskaya@yandex.ru

Abstract

The history of state and law as a science and academic discipline is often criticized for its lack of current topics and detachment from practice. The aim of the study is to demonstrate, through a relevant example, how historical-legal data can be used for developing programs to overcome crises in the state and legal spheres. The main methods used were general scientific methods such as analysis and synthesis, the dialectical method, and the descriptive method, as well as special methods of legal research – the formal-legal method, the comparative-legal method, and the method of legal modeling. The analysis of the topic of crises in the historical and legal works of Russian researchers from the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods was conducted. It is shown that the topic of crises presents legal historians with the need to study issues such as the cyclical nature of state and legal development, the creation of new periodizations of the history of state and law, and the inclusion of material on the history of international law. It has been established that historical and legal science offers anti-crisis programs such as the inadmissibility of abandoning any legal doctrine and the creation of opportunities for the parallel development of different scientific schools, as well as the development of a classification of crises in the state and legal spheres, which allow for the identification of indicators of various crises. It is concluded that the topic of crises is useful for consideration from a historical and legal perspective, as it allows us to see the causes of crises, their stages, possible consequences, and to offer proven solutions for overcoming them.

Keywords

history of state and law, historical-legal science, crisis, anti-crisis program, periodization, cyclicity, crises classification, crises stages, research relevance

Funding

This study was prepared with financial support from the Russian Science Foundation under the research project No. 24-28-01860 “Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience”.

Author's contribution

A.A. Dorskaia – research concept development, collection and analysis of normative documents, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Dorskaia, A.A. (2025) The topic of crises and anti-crisis programs in historical-legal studies. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 467-473. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-467-473>

Введение

В последние десятилетия неоднократно звучали упреки в адрес юридического образования в отношении небольшой практической значимости изучения историко-правового материала, неактуальности исследований в области истории государства и права и т. д.

В этой связи представляется интересным обращение к теме кризисов и антикризисных программ в истории государства и права как примеру того, как историко-правовая наука и учебная дисциплина может быть актуальной и иметь широкое практическое значение.

Среди трудов историков права практически нет работ, посвященных непосредственно кризисам и антикризисным программам, поэтому основу изучения кризисных явлений в правовой сфере составляют теоретико-правовые исследования, либо затрагивающие само понятие «кризис в праве» [1], либо классифицирующие правовые кризисы [2, с. 7], либо выделяющие этапы зарождения и развития кризисов [3, с. 14], либо показывающие влияние кризисов на отдельные отрасли права [4], либо раскрывающие потенциал права в преодолении кризисов в других сферах [5], либо предлагающие пути выхода из кризисов в правовой сфере [6]. Особое значение имеют также труды юристов-международников, поскольку тема кризисов лучше всего исследована в науке международного права [7–9 и др.].

Цель исследования состоит в демонстрации на конкретном примере актуальности историко-правового материала, на базе которого могут вырабатываться программы преодоления кризисов в государственной и правовой сферах. К задачам работы относится как выявление того потенциала, который имеет история государства и права в систематизации причин, приводящих к государственным и правовым кризисам, и признакам нарастающего кризиса, так и обобщение антикризисных программ, предлагаемых историками права в различные эпохи.

Методы

Использовались различные общенаучные методы. С помощью анализа и синтеза было выявлено, насколько кризисная тематика активно изучалась и изучается в историко-правовой науке. Диалектический метод

был использован для рассмотрения влияния государственных и правовых кризисов в российской истории на развитие истории государства и права как науки и учебной дисциплины. Deskriptivnyy metod primenyal'sya dlya opisan'ya osnovnykh napravleniy issledovaniy krizisnykh yavleniy istorikami prava. Krome togo, ispol'zovalis' spetsial'nye metody yuridicheskogo issledovaniya – formal'no-yuridicheskii (ssylki na normativnye pravovye akty, konstatirovuyushchie sostoyaniye krizisa ili predlagayushchie anti-krizisnye programmy), sravnitel'no-pravovoy (sravneniye krizisov v mezhdunarodno-pravovoy i vnutrigosudarstvennoy sferakh), metod pravovogo modelirovaniya (vyavleniye tex anti-krizisnykh program, kotorye predlagali istoriki prava v razlichnyye periody).

Результаты исследования

Юридическая наука несколько раз оказывалась в серьезном кризисе, и преодолеть его очень часто помогала именно история, поэтому в конце XIX века профессор Ф.У. Мейтленд (1850–1906), которого на современном этапе называют отцом английской истории права [10], ввел в научный оборот термин «юридическое столетие», назвав таковым XII век, когда целью изучения стало римское право, и XIX век, начало которого ознаменовалось развитием исторической школы права, выведшей юриспруденцию на совершенно новый уровень. Таким образом, история права сама по себе может выполнять роль антикризисной программы для юриспруденции.

Историки права редко используют термин «кризис» в названии своих работ.

Анализ диссертационных исследований, защищенных с 2012 по 2025 г., показывает, что из всех диссертаций по специальности 5.1.5 (12.00.01) только в одной слово «кризис» используется в заголовке. Причем эта работа больше относится к теории государства и права. Речь идет о работе Е.А. Оспенова «Защита правовой системы в условиях кризиса: теоретический аспект», защищенной в декабре 2014 г.¹

¹ Оспенов Е.А. Защита правовой системы в условиях кризиса: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 227 с.

Такая тенденция наблюдалась и в дореволюционный период. Даже в годы Первой российской революции историки права не говорили о кризисе. Однако за несколько лет до революции 1917 г. такие исследования появились. Так, в 1909 г. П.И. Новгородцев издал монографию «Кризис современного правосознания» [11]. Затем появились работы о кризисе в юридической науке. Например, в 1914 г. в свет вышла работа Н.М. Тоцкого «Кризис в науке государственного права» [12].

Необходимо отметить, что наука истории государства и права в данном вопросе отставала от исторической науки. Историки, предчувствуя приближающиеся грозные события, стали проводить параллели между современным для них этапом и самыми драматическими периодами российской истории. Ярким примером этой тенденции служит небольшая по объему работа доктора русской истории Г.А. Максимовича «Кризис перед Смутой в Московском государстве» [13].

После Октябрьской революции 1917 г. ситуация изменилась. О кризисе стали говорить представители различных направлений юридической науки. В связи с тем, что история государства и права вплоть до второй половины 1930-х гг. была «отменена» как буржуазная наука и учебная дисциплина, приведем примеры из других областей юридического знания. Так, известный специалист в области уголовного права М.П. Чубинский, который в том числе писал работы по истории уголовной политики в России, был автором важного историко-правового исследования, посвященного юбилею юридического факультета Харьковского университета, в 1919 г. опубликовал «Кризис права и морали на пути к возрождению России» [14]. В том же году Е.Н. Трубецкой написал работу «Великая революция и кризис патриотизма» [15].

В 1920-е гг. появились научные исследования о кризисе в юридической науке. Так, в 1926 г. А.Н. Трайнин писал о кризисе науки уголовного права. В то же время наметилась тенденция критиковать буржуазные работы по юриспруденции [16]. Например, в 1927 г. в свет вышла работа И.Д. Ильинского «Кризис буржуазной юриспруден-

ции» [17]. В принципе, эта тенденция сохранялась весь советский период.

Рассмотрим, что тема кризисов может дать историко-правовой науке.

Во-первых, это один из примеров, позволяющих увидеть «действие» теории цикличности. К примеру, известный советский и российский историк права О.А. Жидков показывал периодичность кризисов государственной и правовой системы на примере Франции [18].

Во-вторых, кризисная тематика может быть использована при разработке периодизаций отдельных этапов или даже всего государственно-правового развития конкретной страны. В этом случае возможно два варианта. Ярким примером может служить первая половина XIX века в России.

Первый вариант – кризисом заканчивается определенный этап в развитии государства и права. Тогда данный период российской истории можно рассматривать как расцвет абсолютной монархии, но нарастание кризисных явлений в правовой сфере, которая не могла обеспечить ни отмену крепостного права, ни проведение Судебной реформы. Манифесты от 19 февраля 1861 г.², с которых началась крестьянская реформа в России, и Судебные уставы от 20 ноября 1864 г.³ тогда могут рассматриваться как пример выхода из кризиса с помощью юридических средств.

Второй вариант – первая половина XIX века может рассматриваться как новый этап в российской истории государства и права, поскольку была проведена широкомасштабная систематизация законодательства, был подготовлен и введен в действие первый уголовный кодекс России – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1864 г.⁴

² Манифест о Всемилоштивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Санкт-Петербург: Типография Второго Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1863. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36650.

³ Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Санкт-Петербург: Типография Второго Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX. Отделение 2. № 41475.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание зако-

В-третьих, в связи с тем, что кризисная тематика лучше всего разработана в науке международного права, тема кризисов позволяет историкам права устанавливать взаимосвязь в развитии международно-правовой и национальных правовых систем. Например, С.В. Бочкарев показал, как Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. повлияла на появление этатистской модели Конституции Германии, Польши, Австрии и Чехословакии [19, с. 82].

В-четвертых, со второй половины XX века тема кризисов часто связывается с теорией социальной травмы [20, с. 6-7], благодаря которой стали развиваться идеи коллективной памяти, активно подхваченные историками права [21]. Роль историко-правовой науки в развитии таких проблем, как правовые средства сохранения исторической памяти, юридические формы переживания истории, эволюция мемориального законодательства очень велика.

Достижения историко-правовой науки позволяют выделить несколько антикризисных программ, которые неоднократно применялись на различных этапах развития.

Одной из таких «программ» является недопустимость полного отказа от какого-либо правового учения. История права показывает, что развитие любой правовой теории заканчивается кризисом, но при этом ее потенциал не может быть исчерпан до конца. Например, естественно-правовая теория имела большое значение в российской юриспруденции конца XIX – XX веков, а также в конце XX – начале XXI века. Развитие и сосуществование разных учений позволяет не потерять то лучшее, что предлагает каждая научная школа.

Также историко-правовой материал показывает, что отсутствие того или иного нормативного правового акта может порождать кризис в других сферах. Так, отсутствие в Российской империи Гражданского уложения крайне негативно сказывалось на социально-экономическом развитии страны

в начале XX века, что привело в конечном счете к Первой российской революции.

Историки права не раз доказывали в своих работах, что кризисом заканчивается широкое применение государственной властью методов и норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств. Ярким примером являются работы В.А. Рогова, посвященные Первой мировой войне [22].

Специалистами в области истории государства и права также разработана классификация кризисов государственности, позволяющая выявить индикаторы кризиса: династические, бюрократические, национально-территориальные кризисы, кризисы, связанные с местом государства в международно-правовой системе, кризисы, вызванные расхождением официальной политики памяти и коллективной памяти⁵.

Одной из антикризисных программ, которые не раз доказали свою состоятельность, является обязательное сочетание управления и самоуправления, позволяющее либо не допустить нарастающий кризис, либо преодолеть его.

Заключение

Рассмотрение кризисной «тематики» в историко-правовом ракурсе имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет увидеть причины кризисов, их развитие и спрогнозировать возможные последствия.

Именно на историко-правовом материале строятся теоретические выводы о природе кризисов в правовой сфере, их взаимосвязи с кризисами в других областях, соотношении кризисов государственности и права, разрабатываются их классификации.

Практическое значение исследований историков права, затрагивающих тему кризисов, состоит в том, что, даже не имея такой непосредственной задачи, историко-правовая наука представляет собой совокупность антикризисных программ, которые могут применяться как при нарастании кризисных явлений, так и в процессе их преодоления.

нов Российской империи. Собрание П. Санкт-Петербург: Типография Второго Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX. Ч. 1. № 19283.

⁵ Бирюков Н.И. Российская государственность: от кризиса к устойчивому развитию (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 394 с.

Список источников

1. Косых А.А., Кононцева И.А. Теоретико-правовое исследование отдельных аспектов понятия «кризис в праве» // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: Научная книга, 2017. С. 435-437. <https://www.elibrary.ru/zvgahp>
2. Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. Санкт-Петербург: Алетей, 2018. 514 с. <https://www.elibrary.ru/xnxzsp>
3. Игнатьева М.В. Кризис в праве: основные проблемы и пути их решения // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 2. С. 13-15. <https://www.elibrary.ru/jpcebb>
4. Поярков С.Ю. Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма // Юридические исследования. 2025. № 7. С. 40-60. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2025.7.74914>, <https://www.elibrary.ru/judtar>
5. Белов С.А., Гнездилова Д. Сергей Белов: «Право должно удерживать общество от кризисов и катастроф» // Юридический мир. 2023. № 4. С. 2-6. <https://www.elibrary.ru/lnhbgx>
6. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 43-54. <https://www.elibrary.ru/qztjjl>
7. Толстых В.Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 122-133. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-122-133>, <https://www.elibrary.ru/bhtwet>
8. Курчинская-Грассо Н.О. Кризис современного международного права – наиболее проблемный вопрос // Colloquium-Journal. 2019. № 23-9 (47). С. 33-34. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10790>, <https://www.elibrary.ru/euuxnu>
9. Матчанова З.Ш. Международное гуманитарное право в конце XX – начале XXI века в свете исследования кризисов в международном праве // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 2. С. 36-38. <https://www.elibrary.ru/wntcbn>
10. Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд. Историк в контексте времени. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 213 с. <https://www.elibrary.ru/qotyjr>
11. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Москва: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1909. 393 с.
12. Тоцкий Н.М. Кризис в науке государственного права. Санкт-Петербург: Тип. «Правда», 1914. 122 с.
13. Максимович Г.А. Кризис перед Смутой в Московском государстве. Нежин: Типо-литография насл. В.К. Меленевского, 1911. 19 с.
14. Чубинский М.П. Кризис права и морали на пути к возрождению России. Ростов-на-Дону, 1919 // Российский криминологический взгляд. 2010. № 4. С. 141-158. <https://www.elibrary.ru/ozdojj>
15. Трубецкой Е.Н. Великая революция и кризис патриотизма. Ростов-на-Дону, 1919. 26 с.
16. Трайнин А.Н. Кризис науки уголовного права: Борьба школ вокруг германского проекта Уголовного кодекса 1925 г. Москва: Право и жизнь, 1926. 28 с.
17. Ильинский И.Д. Кризис буржуазной юриспруденции: Очерки распада буржуазного права в критическую эпоху капитализма. Москва: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 120 с.
18. Федоров М.В. Жидков Олег Андреевич – человек, ученый, педагог // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 4. С. 665-678. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-4-665-678>, <https://www.elibrary.ru/ixbxrj>
19. Бочкарев С.В. Развитие конституционализма и кризис в праве: тенденции взаимообусловленности // Образование и право. 2020. № 1. С. 80-83. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10111>, <https://elibrary.ru/ojxehy>
20. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40. <https://elibrary.ru/pelchz>
21. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2 (42). С. 7-18. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/vuyrht>
22. Рогов В.А. Право России в период Первой мировой войны. Москва: ВЮЗИ, 1983. 78 с.

References

1. Kosykh A.A., Konontseva I.A. (2017). Theoretical and legal study of certain aspects of the concept of “Crisis in Law”. *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS» = Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Current Problems of the Activities of UIS Units”*. Voronezh, “Nauchnaya Kniga” Publ., pp. 435-437. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvgahp>

2. Denisenko V.V., Belyaeva M.A., Tonkova E.N. (2018). *The Crisis of Law: History and Modernity*. St. Petersburg, Aleteiya Publ, 514 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnxzsp>
3. Ignat'eva M.V. (2021). Crisis in law: main problems and ways of their solution. *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve = Black Holes in the Russian Legislation*, no. 2, pp. 13-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jpcebb>
4. Poyarkov S.Yu. (2025). The crisis of democratic institutions and the weakening of the rule of law as elements of the transformation of modern constitutionalism. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, no. 7, pp. 40-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2025.7.74914>, <https://elibrary.ru/judtar>
5. Belov S.A., Gnezdilova D. (2023). Sergey Belov: "Law should keep the society from crises and catastrophes". *Yuridicheskii mir = The Legal World*, no. 4, pp. 2-6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lnhbgx>
6. Vlasenko N.A. (2013). The crisis of law: problems and approaches to solutions. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 8 (200), pp. 43-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qztjil>
7. Tolstykh V.L. (2022). A crisis of international law: a diagnosis. *Zakon = Statute*, no. 12, pp. 122-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-122-133>, <https://www.elibrary.ru/bhtwet>
8. Kurchinskaya-Grasso N.O. (2019). The crisis of modern international law is the most problem issue. *Colloquium-Journal*, no. 23-9 (47), pp. 33-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10790>, <https://www.elibrary.ru/euuxnu>
9. Matchanova Z.Sh. (2021). International humanitarian law in the late XX – early XXI centuries in the light of the study of crises in international law. *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve = Black Holes in the Russian Legislation*, no. 2, pp. 36-38. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/wntcbn>
10. Sidorova T.A. (2003). *Frederick William Maitland. The Historian in the Context of Time*. Kazan, Kazan University Publ. House, 213 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/qotyry>
11. Novgorodtsev P.I. (1909). *The Crisis of Modern Legal Consciousness*. Moscow, Typo-lithography of the I.N. Kushnerev and Co, 393 p. (In Russ.)
12. Totskii N.M. (1914). *Crisis in the Science of Public Law*. St. Petersburg, "Pravda" Printing House, 122 p. (In Russ.)
13. Maksimovich G.A. (1911). *The Crisis Before the Time of Troubles in the Moscow State*. Nezhin, Typo-lithography of the heirs of V.K. Melenevsky, 19 p. (In Russ.)
14. Chubinskii M.P. (2010). Crisis of the right and morals and a way to revival of Russia. Rostov-on-Don, 1919. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, no. 4, pp. 141-158. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ozdojj>
15. Trubetskoi E.N. (1919). *The Great Revolution and the Crisis of Patriotism*. Rostov-on-Don, 26 p. (In Russ.)
16. Trainin A.N. (1926). *The Crisis of Criminal Law Science: The Struggle of Schools Around the 1925 German Criminal Code Draft*. Moscow, Pravo i zhizn', 28 p. (In Russ.)
17. Ilinskii I.D. (1927). *The Crisis of Bourgeois Jurisprudence: Essays on the Decay of Bourgeois Law in the Critical Epoch of Capitalism*. Moscow, Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 120 p. (In Russ.)
18. Fedorov M.V. (2019). Zhidkov Oleg Andreevich – man, scientist, teacher. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, vol. 23, no. 4, pp. 665-678. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-4-665-678>, <https://www.elibrary.ru/ixbxrj>
19. Bochkarev S.V. (2020). The development of constitutionalism and the crisis in law: trends of interdependence. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 1, pp. 80-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10111>, <https://elibrary.ru/ojxehy>
20. Aleksander Dzh. (2012). Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, no. 3, pp. 5-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pelchz>
21. Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I. (2024). The right to historical memory in the human rights system. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, no. 2 (42), pp. 7-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/vuyrht>
22. Rogov V.A. (1983). *Russian Law during the First World War*. Moscow, VYUZI, 78 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 20.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

Шифр научной специальности 5.1.1

Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления

Волкова Наталья Сергеевна,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель заведующего отделом социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34, SPIN-код: [2304-4020](#), РИНЦ AuthorID: [695368](#), <https://orcid.org/0000-0001-7652-7536>, volkova@izak.ru

Путило Наталья Васильевна,

кандидат юридических наук, заведующий отделом социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34, SPIN-код: [3819-2953](#), РИНЦ AuthorID: [416873](#), Scopus Author ID: [57215691038](#), <https://orcid.org/0000-0001-7148-5875>, social2@izak.ru

Аннотация

Исследована эволюция подходов юридической науки к изучению деформаций правосознания, включая правовой нигилизм и правовой идеализм, дениализм. Особое внимание уделено анализу нового для юриспруденции феномена – дениализму, под которым понимается идеологически мотивированное, иррациональное отрицание объективных фактов и научных знаний, принимающее форму коллективного мировоззрения. Отмечено, что в отличие от нигилизма как индивидуальной поведенческой стратегии, дениализм имеет массовое, более масштабное проявление, что несет угрозу коллективному сознанию и стабильности социума. Проанализированы проявления дениализма в различных сферах и меры правового противодействия ему, которые носят межотраслевой характер и варьируются от просветительских стратегий до жестких запретов и уголовной репрессии. Подчеркнуто, что поиск баланса между защитой публичного интереса и автономией личности является центральной проблемой в условиях кризиса. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые ограничения с активной просветительской деятельностью, повышением уровня образованности населения, особенно в цифровой среде.

Ключевые слова

дениализм, правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, просвещение, профилактика, наука, воспитание

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Н.С. Волкова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование. Н.В. Путило – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Волкова Н.С., Путило Н.В. Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 474-484. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

OECD 5.05; ASJC 3308

Denialism as a social deformation and legal means of overcoming it

Natalia S. Volkova,

Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, SPIN-code: [2304-4020](#), RSCI AuthorID: [695368](#), <https://orcid.org/0000-0001-7652-7536>, volkova@izak.ru

Natalya V. Putilo,

Cand. Sci. (Law), Head of Social Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, SPIN-code: [3819-2953](#), RSCI AuthorID: [416873](#), Scopus Author ID: [57215691038](#), <https://orcid.org/0000-0001-7148-5875>, social2@izak.ru

Abstract

The evolution of legal science approaches to the study of legal consciousness deformations, including legal nihilism and legal idealism, denialism, is investigated. Special attention is paid to the analysis of a new phenomenon for jurisprudence – denialism, which is understood as an ideologically motivated, irrational denial of objective facts and scientific knowledge, taking the form of a collective worldview. It is noted that unlike nihilism as an individual behavioral strategy, denialism has a massive, larger-scale manifestation, which poses a threat to the collective consciousness and stability of society. The manifestations of denialism in various fields and legal measures to counter it are analyzed, which are of an intersectoral nature and range from educational strategies to strict prohibitions and criminal repression. It is emphasized that the search for a balance between the protection of public interest and individual autonomy is a central problem in the context of the crisis. The conclusion is made about the need for an integrated approach combining legal restrictions with active educational activities, increasing the level of education of the population, especially in the digital environment.

Keywords

denialism, legal nihilism, legal awareness, legal culture, education, prevention, science, education

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

N.S. Volkova – concept development, collection and processing of normative documents, selection of literature, writing – original draft preparation, revision. N.V. Putilo – concept development, c collection and processing of normative documents, selection of literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Volkova, N.S., & Putilo, N.V. (2025). Denialism as a social deformation and legal means of overcoming it. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 474-484. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

Введение

Вопросы правосознания и правовой культуры, правомерного и девиантного поведения также прочно вошли в предмет юридической науки, как и выработка решений для повышения уровня правосознания, искоренения негативных поведенческих практик – в предмет педагогики.

Изучение проблемы правового воспитания учащихся представлено в значительном количестве работ, авторы которых рассматривают в качестве одной из задач педагогической деятельности формирование правильного эмоционально-оценочного отношения к праву, передачу таких знаний и развитие таких умений и навыков, которые приведут в дальнейшем к следованию правовым нормам в различных жизненных ситуациях.

Проблема правового сознания раскрывалась на протяжении долгих лет и в теоретических, и в отраслевых исследованиях юридического профиля. Так, в учебнике А.И. Денисова показана связь нормотворчества и правосознания, сделаны важные для дальнейшего становления теории правосознания выводы о том, что правосознание – это, с одной стороны, «предпосылка правотворческой деятельности государства», с другой – инструмент корректировки права «в практическом применении его норм» [1, с. 474]. Несомненный вклад в развитие теории правосознания в послевоенную эпоху внесли работы Е.А. Лукашевой [2], В.А. Туманова [3], И.Е. Фарбер [4].

Создание в 1971 г. Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (ВНИИСЗ) специального структурного подразделения – сектора теории и методики правового воспитания – способствовало проведению разноплановых исследований в области правовой культуры, правового сознания, правового воспитания [5], результатом которых стали идеи о механизме влияния правовой идеологии на правовую психологию, особенностях формирования правосознания в социалистическом обществе, связи правосознания и антикоррупционной деятельности и др.

Методы исследования

Методологию исследования составляют теоретический анализ в части изучения со-

держания и эволюции понятий «правовой нигилизм», «правовой идеализм» и новых деформаций правосознания. Применение сравнительно-правового метода позволило демаркировать смежные категории «нигилизм» и «дениализм». Формально-юридический метод лег в основу анализа правовых инструментов противодействия дениализму в различных отраслях права. Междисциплинарный подход обогатил терминологическую базу, позволив интегрировать в юридический лексикон понятийный аппарат социологической и психологической наук.

Результаты исследования и обсуждение

Наряду с традиционно используемыми в юридической науке терминами (правовой нигилизм и правовой идеализм) в последнее время отмечается расширение понятийного аппарата юриспруденции за счет заимствования терминов из иных отраслей научного знания [6]: правовой инфантилизм (неполнота правовых знаний, несформированность твердых положительных правовых установок при личной уверенности субъекта права в обладании глубокими правовыми познаниями) [7], правовой дилетантизм (небрежное отношение к праву, правовым ценностям, вызванное не умыслом достижения противоправных целей, а отсутствием достаточных правовых знаний), правовая демагогия (обманное намерение субъекта права эффективно воздействовать на правовые чувства, знания и действия людей посредством ложного представления правовой действительности для достижения собственных целей) и др.

Не отрицая важности критической оценки правового идеализма (близкие к нему термины: «юридическая аномия» [8], «правовой романтизм» [9, с. 312]), которому свойственно преувеличивать регулятивные возможности права, считаем, что правовой нигилизм как весьма распространенный в обществе дискурс требует нового осмысления, в том числе с учетом деформаций правосознания, тесно с ним связанных («правовая невменяемость» [10, с. 318-319], правовая безграмотность и др.).

Нигилизм (в переводе с латинского «ничто», «ничего») – это социальное, а не только юридическое явление, поскольку прояв-

ляется в виде негативного отношения к любым социальным нормам. Нигилизм не имеет в своем содержании позитивного момента: создание новых правил взамен отрицательных, иных ценностей, которые могут заместить неприемлемые, не предполагается. В условиях, когда объективная реальность замещается медиатизированной, информационные технологии увеличивают возможность манипулятивного воздействия на сознание, а исходящая от публичных структур информация у большинства граждан не верифицируется и воспринимается как правда [11, с. 70; 12, с. 87], изучение негативного отношения к социальным нормам, и в особенности к правовым, является важнейшей задачей междисциплинарных исследований. Усиливает значимость такого рода исследований и их результата – рекомендаций по преодолению деформаций правосознания – длительность того периода, в течение которого правовой нигилизм ярко присутствовал в жизни российского общества. По мнению исследователей, во многом правовой нигилизм определялся бесправным положением крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны [13, с. 43].

Правовой нигилизм – явление многогранное. По мнению А.С. Пиголкина, это и «глобальное отрицание права как действенного инструмента регулирования общественной жизни, проведения социальных преобразований, пренебрежение его требованиями, ...неверие в то, что закон способен защитить личность, обеспечить ее права» [14, с. 359-360], и оправдание неправомерных, а иногда и вовсе противоправных действий.

В советский период традиционным было использование термина «нигилизм» для характеристики определенных идеологических и социально-психологических тенденций негативного отношения к социальным и культурным ценностям и завоеваниям общества [15, с. 9].

Наступление постмодерна связано с мировоззренческими сдвигами в общественном и индивидуальном сознании, с переосмыслением господствующей системы ценностей, с признанием многовариантности и поликонструируемости социальной реальности. Общество постмодерна – это общество неопределенности, где понятие социальной

полезности правовой нормы [16, с. 23] становится содержательно размытым. Будет ли такое общество в состоянии генерировать идеи, используемые в качестве базы для социальной солидарности? Ответ на этот вопрос важен для юридической науки, поскольку одна из функций права – быть системой, воспроизводящей основные формы социальной солидарности [17, с. 69] – важнейшего принципа построения и нормального функционирования общества, в основе которого лежат ценности, проистекающие из коллективных идей.

Коллективное сознание, как его определил Эмиль Дюркгейм в 1893 г., представляет собой совокупность верований и чувств, общих для большинства членов одного и того же коллектива, притом что эта совокупность обладает достаточно автономным от этих членов существованием («имеет свою собственную жизнь») [17, с. 80]. Современная психология [18] также использует корреляцию между нормативной установкой, типичностью действий и собственно поведением для отграничения нормального поведения от отклоняющегося: под нормальным поведением понимают нормативно-одобряемое поведение, характерное для большинства людей; аномальное поведение, соответственно, характеризуется как нормативно-неодобряемое, нестандартное.

Нормы, убеждения и ценности, то есть то, что составляет коллективное сознание, формируют ту духовно-нравственную основу общества, которая обеспечивает социальную интеграцию, то есть именно коллективное сознание, имеет жизнеобеспечивающее значение для социума, «создает» общество и удерживает его в состоянии единства, и в то же время само коллективное сознание формируется посредством взаимодействий индивидов.

Те действия индивидов, которые оскорбляют, возмущают общественное сознание, признаются неправовыми в ходе деятельности государства, ведь задача государственной власти (символ общественного сознания, его живое выражение) – заставлять уважать верования, традиции, коллективные обычаи, то есть защищать общее сознание как от внутренних, так и внешних врагов [17, с. 84]. Преступление – это не

только нарушение интересов, даже серьезных, это оскорбление авторитета, в своем роде трансцендентного; первыми преступлениями, по мнению Г. Спенсера, Э. Дюркгейма [17, с. 94] и др., были преступления против «скреп» общества – идей, входящих в коллективное сознание. Поэтому рост количества новых, включая деструктивные, правил, убеждений и ценностей способен нарушить достигнутый консенсус в коллективном сознании, привести к деградации и даже разрушению общества.

Одна из деформаций правосознания – дениализм, которому крайне мало внимания уделяется в юридической литературе, однако в последнее время появляются и специальные исследования [19; 20]. Чаще всего под ним понимают «иррациональное отрицание установленных научных фактов по идеологическим позициям» [21].

Разграничение понятий «нигилизм» и «дениализм» представляется непростой задачей – в основе обоих поведенческих феноменов лежит эмоционально предопределенное отклонение (отрицание) объективно существующей реальности (ситуационное или глобальное). Основное различие заключается в том, что в основу дениализма положена идеологическая составляющая – дениальные убеждения не являются самогенерируемыми, они привносятся извне, вплетаясь в формирующиеся/сформированные флуктуации рационального мышления человека, навязывая наиболее простой способ ухода от повседневности и упрощая тем самым встраивание индивида в близкие по убеждениям деструктивные группы людей. Нигилизм же остается персонифицированной поведенческой стратегией, самостоятельным мировоззренческим выбором того или иного индивида ввиду собственных образовательных и культурологических представлений.

Термин «дениализм», который исследовался в аспекте способов распространения дезинформации, стал активно применяться в научном обороте с середины 2000-х гг. Под дениализмом понималось «использование риторических приемов для создания видимости аргументации или спора в их отсутствие» [22, р. 1]. Отмечалось, что это «способ отвлечения от действительно полезных де-

батов с использованием эмоционально привлекательных, но нелогичных утверждений» [22, р. 2].

Однако постепенно дениализм из рядового способа распространения квазинаучных, но, по сути, ложных тезисов трансформировался в особый метод конструирования мировоззрения, в основу которого положено отрицание некоторой «некомфортной» истины или систематическое отклонение эмпирических результатов с целью избежать нежелательных выводов [23, с. 230-231]. Дениализм стал проповедовать отрицание в широком смысле, «когда целый сегмент общества отворачивается от реальности в пользу более удобной лжи» [24, р. 15], превратившись в дениалистскую идеологию мировосприятия. Дениализм может причинять вред как на индивидуальном, так и на общественном уровне, при этом деструктивные последствия ощущаются в первую очередь в науке и академических исследованиях, поскольку «отрицание подрывает целостность научных, основанных на доказательствах знаний и препятствует прогрессу в понимании и решении проблем, актуальных для общества» [25, с. 137].

Дениализм имеет тенденцию становиться социальным фактом, то есть физическим объектом¹ или смыслом, настроением и образом действия, фиксированным или нет, но способным накладывать на индивида внешнее ограничение. Следует отметить, что Э. Дюркгейм ввел понятие «социальный факт» для описания явлений, которые существуют сами по себе, не зависят от действий индивидов, однако оказывают на них воздействие, которое может быть формализовано в виде правового регулирования или осуществляться посредством неформального религиозного или семейного нормирования поведения [26, с. 10].

В основе «отрицания» могут лежать разные факторы: личный интерес, желание избежать чувства незащищенности или потери контроля, необходимость сохранить

¹ Например, физический объект «флаг» представляет ряд нематериальных социальных фактов: «значение флага», «важность флага»; такие индивидуальные и субъективные явления, как любовь, свобода также можно рассматривать в качестве объективных социальных фактов.

свою культурную или политическую идентичность и др. В технологически насыщенном мире усложняются социальные связи – цифровизация коммуникации обуславливает необходимость для индивида погружения в новую реальность с ее техническими обременениями. Поэтому зачастую человек ищет способы бытия вне науки, вне доминирующего общества знаний – отрицание, уход от реальности становится своеобразной стратегией самосохранения. Между тем дениализм – это не обыденная поведенческая реакция. Это трансформация повседневной практики отрицания в новый способ мировосприятия в его коллективном проявлении [27, р. 7-10].

Особенно ярко феномен дениализма проявляется в медицине: медицинское отрицание стало распространенным явлением, а движения ВИЧ-диссидентов [28], ковид-диссидентов [29] ввиду их массовости – фактором, несущим угрозу стабильности функционирования системы общественного здоровья [30; 31]. Необходимость противостояния деструктивным проявлениям в здравоохранении из-за обострения эпидемиологической ситуации предопределила применение в некоторых государствах жестких способов правового реагирования на распространение диссидентских течений. Например, в Уганде Закон 2014 года «О профилактике и контроле ВИЧ и СПИДа» (*HIV and AIDS Prevention and Control Act*) ввел наказание в виде штрафа и (или) тюремного заключения за намеренное распространение недостоверной информации, касающейся лечения, профилактики или борьбы с ВИЧ-инфекцией. Закон Филиппин 1998 г. «О профилактике и борьбе со СПИДом» (*Philippine AIDS Prevention and Control Act of 1998*) предусматривает санкции вплоть до лишения свободы за дезинформацию о профилактике и борьбе с ВИЧ/СПИДом посредством ложной и вводящей в заблуждение рекламы. Такого рода государственный интервенционизм в сферу охраны здоровья обосновывается экстраординарной ситуацией, когда проявления индивидуального выбора создают риски для здоровья популяции. Впрочем, как правило, в этой сфере законотворческая практика, как и правовая доктрина, исходят из презумпции рационального поведения субъекта, предпо-

лагающей осознанное соблюдение баланса между личной автономией и благополучием социума.

Правовые инструменты противодействия дениализму обладают комплексным межотраслевым характером. Одна из ключевых проблем заключается в определении допустимых пределов ограничения государством автономии воли индивида – такие границы по мере усугубления кризисных ситуаций становятся все более подвижными, даже несмотря на то, что применение императивных предписаний, принуждающих к выбору конкретной модели поведения (например, обязательные профилактические прививки в сфере охраны здоровья граждан), зачастую порождает этико-правовой конфликт между публичными интересами и правом личности на самостоятельное поведенческое решение.

В западных правовых порядках подобный конфликт усугубляется общепризнанным приоритетом личной автономии над общественными нуждами, который исторически обусловлен идеологией верховенства индивидуальной свободы [32]. Данная проблематика не нова: поиск баланса между вмешательством государства в частную сферу и объемом индивидуальных прав ведется на протяжении всей истории государственности, особенно обострившись в XX веке, провозгласившем права человека высшей ценностью. Между тем повсеместно в постпандемическом мире, как отмечает академик РАН Т.Я. Хабриева, «состоялась смена приоритетов в правовом регулировании в направлении усиления защиты публичного интереса, произошла коррекция соотношения публичного и частного в праве» [33, с. 26-27].

В современный период вопросы безопасности личности и государства приобретают новые теоретические и практические аспекты, наблюдается тенденция к расширению использования мер, направленных на сдерживание деструктивных практик, противоречащих доминирующей государственной политике, в том числе по ключевым проблемам идеологического и культурно-нравственного контекста [34, с. 4]. Показательны в этом отношении федеральные законы, направленные на блокирование пропаганды отказа от деторождения («чайл-

дфри»)² – одного из проявлений дениализма в отношении института семьи, охраняемого Основным законом (статьи 38, 72, 114 Конституции Российской Федерации).

Некоторые из дениалистских течений в нашей стране пресекаются радикально, в том числе применением мер уголовно-правовой ответственности. Так, санкции статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают наказание вплоть до лишения свободы на срок до трех лет за публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Отрицание Холокоста криминализировано в целом ряде государств (ФРГ, Франция, Австрия, Израиль и др.) [35; 36], и достигнутый общественный консенсус по данным вопросам, основанный на исторических фактах и юридически значимых решениях [37], детерминирует жесткую позицию государств³.

Подобный правовой подход во многом обусловлен теми последствиями для коллективного сознания, которые несут идеи отрицания. Их массивная способность подрывать устоявшуюся систему общественных ценностей, дестабилизируя поначалу небольшие сегменты общества, но постепенно распространяя вредоносное воздействие на все больший круг людей. Представляется возможным рассматривать дениализм не только как разрушительную для общества идеологию, построенную на квазинаучных суждениях по актуальным для социума проблемам, но и как кризисную для правосоз-

нания ситуацию в контексте понимания кризиса как «отклонения от эволюционного развития государства и права» [38, с. 15]. Такая трактовка позволяет признать резонной строгость юридического ответа на «движения отрицателей», поскольку в кризисной ситуации резко сужаются диспозитивность и автономия и расширяются императивность и авторитарность в правовом регулировании [39, с. 96; 40, с. 90].

Впрочем, деликатность некоторых сфер, куда проникают дениалистские течения, позволяет предположить эффективность противодействия им и посредством продвижения, в первую очередь, просветительских идей. Так, для снижения недоверия к медицине, особенно в сфере вакцинопрофилактики, необходимы совместные и системные усилия всех участников системы здравоохранения. Стратегия борьбы может охватывать повышение медицинской грамотности населения; целевое санитарное просвещение, включающее информацию о симптомах, причинах заболеваний, рисках, методах профилактики и эффективности вакцин; формирование навыков поиска достоверных медицинских источников и снижение интереса к псевдонаучным ресурсам. При этом гарантированное получение квалифицированного лечения, грамотное и ответственное взаимодействие медицинских работников с пациентами являются ключевыми факторами, способствующими снижению влияния деструктивных тенденций.

Основное поле борьбы с дениалистскими течениями – информационное пространство: интернет-ресурсы и социальные медиа выступают значимым фактором распространения нигилистских воззрений, поскольку являются одними из самых доступных каналов коммуникации и обладают высокой «проникающей» способностью. Развитие нейротехнологий усугубляет риск стороннего вмешательства в умственную деятельность человека [41] и воздействия на принимаемые им решения, а с учетом псевдонаучности дениалистских убеждений имеется основание предполагать возможность широкого распространения подобных деструктивных течений, их использования для социополитических манипуляций. Тревожным представляется также феномен «дилетант-

² О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 411-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7218; О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 401-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7208.

³ Можно предположить, что такая радикальная позиция государства дает свои плоды – согласно официальной судебной статистике число осужденных по части 1 статьи 354.1 УК РФ (по основной статье) неуклонно снижается: в 2021 г. число осужденных составляло 21; в 2022 г. – 10, в 2023 г. – 6, в 2024 г. – 3.

ской экспертности», когда пользователи рассматривают онлайн-источники как исчерпывающую базу знаний, в связи с чем у них формируется иллюзия компетентности, при этом не учитываются ни достоверность источников, ни полнота содержащихся в них данных.

Заключение

Современная юридическая наука сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных девиаций правосознания, таких как правовой нигилизм, и анализа новых, активно проявляющихся в условиях цифровизации феноменов, в частности – де-

ниализма, который понимается как идеологически мотивированное, иррациональное отрицание объективных фактов и научных знаний, принимающее форму коллективного мировоззрения. Его ключевая опасность заключается в способности подрывать устойчивую систему коллективного сознания, что угрожает социальной стабильности. Правовой инструментарий противодействия дениализму носит комплексный межотраслевой характер и требует поиска баланса между защитой публичных интересов и автономией личности.

Список источников

1. Денисов А.И. Теория государства и права. Москва, 1948. 532 с.
2. Лукашева Е.А. Роль социалистического правосознания народных масс в установлении, развитии и укреплении социалистической законности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1954. 16 с.
3. Туманов В.А. О некоторых чертах правосоциалистической идеологии в области государства и права // Советское государство и право. 1958. № 3. С. 54-66.
4. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1962. 906 с.
5. Мицкевич А.В., Кищин В.А., Тищенко В.В. и др. Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений. Москва, 1985. 240 с.
6. Бондарев А.С. Понятие и структура правовой антикультуры // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 9. С. 3-5. <https://elibrary.ru/nbfqyz>
7. Осипов Р.А. Правовой инфантилизм как деформация правосознания личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 207-214. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214>, <https://elibrary.ru/psjwgd>
8. Липинский Д.А., Иванов А.А. Юридическая аноμία как фактор неопределенности целей социального развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 1. С. 6-29. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-6-29>, <https://elibrary.ru/fvdhvx>
9. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. Москва: НОРМА, 2008. 448 с. <https://elibrary.ru/sdqpgl>
10. Ильин И.А. Теория права и государства. Москва, 2008. 550 с. <https://elibrary.ru/qqokkd>
11. Поворова Е.А. Медиальный поворот в эпоху постправды и судебная власть // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 66-74. https://doi.org/10.52433/01316761_2025_02_66, <https://elibrary.ru/qovpte>
12. Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. Москва, 2005. 230 с.
13. Пашенцев Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 42-45. <https://elibrary.ru/kdmijr>
14. Теория государства и права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. Городец, 2003. 544 с.
15. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты: опыт критической характеристики. Ленинград, 1972. 296 с.
16. Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 22-33. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.064>, <https://elibrary.ru/gpfeho>
17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва: Наука, 1991. 575 с.
18. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). Москва: Академия, 2003. 288 с.
19. Волкова Н.С. Медицинский дениализм: понятие, истоки и возможности права в его преодолении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6 (106). С. 102-110. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.102-110>, <https://elibrary.ru/yvuhlo>
20. Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 6-20. <https://doi.org/10.5840/eps20236011>, <https://elibrary.ru/gzvfah>

21. Аверина К.Н., Подкапилина М.Л., Шамаев Г.П. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2018.
22. Hoofnagle M., Hoofnagle C.J. What is Denialism? Social Science Research Network, April, 2007. P. 1-14. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4002823>
23. Darner R. How Can Educators Confront Science Denial? // Educational Researcher. 2019. Vol. 48. Issue. 4. P. 229-238. <https://doi.org/10.3102/0013189X19849415>
24. Specter M. Denialism: How Irrational Thinking Hinders Scientific Progress, Harms the Planet, and Threatens Our Lives. New York, USA: Penguin Press, 2009. 304 p.
25. Godulla A., Seibert D., Klute T. What Is Denialism? An Examination and Classification of Definitional Approaches and Relevant Actors // Journalism and Media. 2024. № 5. P. 135-147. <https://doi.org/10.3390/journalmedia5010010>
26. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с фр. В. Желнинова. Москва: Изд-во АСТ, 2021. 384 с.
27. Bardón A. The Truth About Denial: Bias and Self-Deception in Science, Politics, and Religion. Oxford: Oxford University Press, 2020. 335 p.
28. Волкова Н.С., Калмыкова А.В., Путило Н.В. Право в борьбе с HIV denialism (ВИЧ-диссидентством) // Власть Закона. 2022. № 3 (51). С. 82-100. <https://elibrary.ru/ebjccx>
29. Ciacchella C., Veneziani G., Bagni C. Escaping the Reality of the Pandemic: The Role of Hopelessness and Dissociation in COVID-19 Denialism // Journal of Personalized Medicine. 2022. № 12 (8). P. 1302. <https://doi.org/10.3390/jpm12081302>
30. Цомартова Ф.В., Путило Н.В. Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 93-109. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.008>, <https://elibrary.ru/iacxrv>
31. Правовая политика государства в сфере общественного здоровья / отв. ред. Н.В. Путило. Москва: Проспект, 2023. 224 с. <https://elibrary.ru/yxsjci>
32. Mello M.M. Vaccine misinformation and the first amendment – the price of free speech // JAMA Health Forum. 2022. № 3 (3). <https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.0732>, <https://elibrary.ru/rsnmzd>
33. Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции. Москва: Норма, 2025. 144 с. <https://elibrary.ru/ockfxy>
34. Чеботарев Г.Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 4-8. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-2-4-8>, <https://elibrary.ru/zcotxf>
35. Нелаева Г.А., Сидорова Н.В., Хабарова Е.А. Криминализация отрицания Холокоста и других международных преступлений: обзор европейской и российской практики // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 33-49. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-33-49>, <https://elibrary.ru/lkakke>
36. Ветошкина Е.Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 11 (168). С. 129-138. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.129-138>, <https://elibrary.ru/epodif>
37. Нудель С.Л. Уголовная ответственность в механизме противодействия реабилитации нацизма // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 73-83. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.1>, <https://elibrary.ru/asporc>
38. Правовое управление в кризисных ситуациях / С.Б. Бальхаева, Х.И. Гаджиев, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Москва: Проспект, 2022. 280 с.
39. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014. 191 с. <https://elibrary.ru/svbikv>
40. Ромашов Р.А., Валиев Р.Г. О правотворческом усмотрении как психолого-юридическом истоке права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 81-94. <https://doi.org/10.61205/S160565900031620-6>, <https://elibrary.ru/jdbqhz>
41. Будник Р.А. Права человека в реалиях нейропрогресса: юридические средства компенсации нейротехнических рисков // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 35-52. <https://doi.org/10.61205/S160565900032805-9>, <https://elibrary.ru/vuwjtu>

References

1. Denisov A.I. (1948). *Theory of State and Law*. Moscow, 532 p. (In Russ.)

2. Lukasheva E.A. (1954). *Rol' sotsialisticheskogo pravosoznaniya narodnykh mass v ustanovlenii, razvitii i ukreplenii sotsialisticheskoi zakonnosti*. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 16 p. (In Russ.)
3. Tumanov V.A. (1958). On some features of the right-wing socialist ideology in the field of state and law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *The Soviet State and Law*, no. 3, pp. 54-66. (In Russ.)
4. Farber I.E. (1962). *Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya*. Dr. Sci. (Law) diss. Moscow, 906 p. (In Russ.)
5. Mitskevich A.V., Kishchin V.A., Tishenko V.V. et al. (1985). *The Role of Legal Education in Crime Prevention*. Moscow, 240 p. (In Russ.)
6. Bondarev A.S. (2010). The concept and structure of legal anti-culture. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = *State Power and Local Self-Government*, no. 9, pp. 3-5. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nbfqyz>
7. Osipov R.A. (2022). Legal infantilism as a deformation of the legal consciousness of the individual. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* = *Legal Policy and Legal Life*, no. 3, pp. 207-214. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214>, <https://elibrary.ru/psjwgd>
8. Lipinskii D.A., Ivanov A.A. (2024). Legal anomie as a factor of uncertainty of the social development goals. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = *Perm University Herald. Juridical Sciences*, no. 1, pp. 6-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-6-29>, <https://elibrary.ru/fvdhvx>
9. Vitruk N.V. (2008). *General Theory of the Legal Status of the Individual*. Moscow, NORMA Publ., 448 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdqpgl>
10. Il'in I.A. (2008). *Theory of Law and the State*. Moscow, 550 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqokkd>
11. Povorova E.A. (2025). Media turn in the post-truth era and the judicial branch. *Rossiiskaya yustitsiya* = *Russian Justice*, no. 2, pp. 66-74. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2025_02_66, <https://elibrary.ru/qovpte>
12. Kasavin I.T., Lektorskii V.A., Shvyrev V.S. (2005). Old and new rationalism. *Dialog kul'tur v globaliziruyushchetsya mire: Mirovozzrencheskie aspekty* = *Dialogue of Cultures in a Globalizing World: Ideological Aspects*. Moscow, 230 p. (In Russ.)
13. Pashentsev D.A. (2009). The influence of reception on the genesis of the Russian legal system. *Istoriya gosudarstva i prava* = *History of the State and Law*, no. 7, pp. 42-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kdmijr>
14. Pigolkin A.S. (ed.) (2003). *Theory of State and Law*. Gorodets, 544 p. (In Russ.)
15. Novikov A.I. (1972). *Nihilism and Nihilists: The Experience of Critical Characterization*. Leningrad, 296 p. (In Russ.)
16. Pashentsev D.A. (2023). The effectiveness of legal norms in postmodern society. *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*, no. 6, pp. 22-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.064>, <https://elibrary.ru/gpfefo>
17. Dyurkgeim E. (1991). *On the Division of Social Labor. The Method of Sociology*. Moscow, Nauka Publ., 575 p. (In Russ.)
18. Zmanovskaya E.V. (2003). *Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior)*. Moscow, Akademiya Publ., 288 p. (In Russ.)
19. Volkova N.S. (2023). Medical denialism: the concept, origins and possibilities of law in its overcoming. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* = *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 6 (106), pp. 102-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.102-110>, <https://elibrary.ru/yvuhlo>
20. Tukhvatulina L.A. (2023). Science as an object of faith and distrust: the phenomenon of denialism. *Epistemologiya i filosofiya nauki* = *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 60, no. 1, pp. 6-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.5840/eps20236011>, <https://elibrary.ru/gzvfah>
21. Averina K.N., Podkatilina M.L., Shamaev G.P. (2018). *Commentary on Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001, "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation"*. SPS KonsultantPlus. (In Russ.)
22. Hoofnagle M., Hoofnagle C.J. (2007). What is Denialism? *Social Science Research Network*, April, pp. 1-14. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4002823>
23. Darner R. (2019). How Can Educators Confront Science Denial? *Educational Researcher*, vol. 48, issue 4, pp. 229-238. <https://doi.org/10.3102/0013189X19849415>
24. Specter M. (2009) *Denialism: How Irrational Thinking Hinders Scientific Progress, Harms the Planet, and Threatens Our Lives*. New York, Penguin Press Publ., 304 p.
25. Godulla A., Seibert D., Klute T. (2024). What Is Denialism? An Examination and Classification of Definitional Approaches and Relevant Actors. *Journalism and Media*, no. 5, pp. 135-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.3390/journalmedia5010010>
26. Dyurkgeim E. (2021). *Rules of the Sociological Method*. Moscow, AST Publ., 384 p. (In Russ.)

27. Bardon A. (2020). *The Truth about Denial: Bias and Self-Deception in Science, Politics, and Religion*. Oxford, Oxford University Press Publ., 335 p. (In Russ.)
28. Volkova N.S., Kalmykova A.V., Putilo N.V. (2022). Law in the fight against HIV denialism. *Vlast' Zakona = The Rule of Law*, no. 3 (51), pp. 82-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ebyccx>
29. Ciacchella C., Veneziani G., Bagni C. (2022). Escaping the Reality of the Pandemic: The Role of Hopelessness and Dissociation in COVID-19 Denialism. *Journal of Personalized Medicine*, no. 12 (8), p. 1302. (In Russ.) <https://doi.org/10.3390/jpm12081302>
30. Tsomartova F.V., Putilo N.V. (2023). Public health: from the principle of healthcare management to the constitutional and legal value. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 1, pp. 93-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.008>, <https://elibrary.ru/iacxrv>
31. Putilo N.V. ed. (2023). *Legal Policy of the State in the Field of Public Health*. Moscow, Prospekt Publ., 224 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxsjci>
32. Mello M.M. (2022). Vaccine misinformation and the first amendment – the price of free speech. *JAMA Health Forum*, no. 3 (3). (In Russ.) <https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.0732>, <https://elibrary.ru/rsnmzd>
33. Khabrieva T.Ya. (2025). *Legal Essays on the Technological Revolution*. Moscow, Norma Publ., 144 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ockfxy>
34. Chebotarev G.N. (2025). Transformation of law in the sphere of preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 2, pp. 4-8. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-2-4-8>, <https://elibrary.ru/zcotxf>
35. Nelaeva G.A., Sidorova N.V., Khabarova E.A. (2020). Criminalization of Holocaust denial and of other international crimes: a review of European and Russian praxis. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, no. 1, pp. 33-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-33-49>, <https://elibrary.ru/lkakkc>
36. Vetoshkina E.D. (2020). Holocaust denial: social conditionality and comparative analysis of criminal law prohibition. *Lex Russica*, vol. 73, no. 11 (168), pp. 129-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.129-138>, <https://elibrary.ru/epodif>
37. Nudel S.L. (2024). Criminal liability in the mechanism of counteracting the rehabilitation of Nazism. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 11, pp. 73-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.1>, <https://elibrary.ru/asporc>
38. Tikhomirov Yu.A. ed. (2022). *Legal Management in Crisis Situations*. Moscow, Prospekt Publ., 280 p. (In Russ.)
39. Shmidt T.N. (2014). *Emergency Legal Regulation: A General Theoretical Legal Study*. Cand. Sci. (Law) Diss. Barnaul, 191 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svbikv>
40. Romashov R.A., Valiev R.G. (2025). On lawmaking discretion as the psychological and legal source of law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 29, no. 1, pp. 81-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031620-6>, <https://elibrary.ru/jdbqhz>
41. Budnik R.A. (2025). Human rights in the realities of neuro-progress: legal means of compensation for neuro-technological risks. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3, pp. 35-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900032805-9>, <https://elibrary.ru/vuwjtu>

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-485-493>

Шифр научной специальности 5.1.1

Модельное законотворчество как инструмент правового сотрудничества: опыт для Союзного государства Беларуси и России в сфере социального и демографического развития

Андрияшко Марина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, главный советник отдела внутривнутриполитического анализа управления внутренней политики, Белорусский институт стратегических исследований, 220004, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Победителей, 7, SPIN-код: 8337-0086, РИНЦ AuthorID: 596206, ResearcherID: AAY-7168-2020, Scopus Author ID: 57222323133, <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, andryashkomv@mail.ru

Аннотация

Модельное законотворчество по вопросам социального развития Союзного государства рассматривается как процесс создания единого социального пространства путем разработки типовых нормативных актов, не имеющих обязательной юридической силы, но служащих ориентирами для национальных законодателей, что повышает привлекательность этого инструмента в условиях региональной интеграции и поэтапной гармонизации национальных законодательств. В исследовании проанализирован вклад модельных актов в регулирование отношений в мультисубъектной среде в разные исторические эпохи, на различных территориях и в рамках различных надгосударственных образований. Методологическую основу исследования составил ряд принципов научного познания: объективность, всесторонность и системность. Комплексный анализ трендов и выявление тенденций осуществлялось посредством применения формально-юридического и сравнительно-правового методов, установлению причинно-следственных связей способствовали методы структурного анализа и синтеза. По итогам исследования определены вероятные векторы развития модельного нормотворчества в сферах социального и демографического развития на просторах Союзного государства Беларуси и России, в частности, в сферах миграционной политики, политики здоровьесбережения, механизмов реализации и сопровождения семейной политики и др.

Ключевые слова

модельное законотворчество, мультисубъектная среда, надгосударственные образования, социальное и демографическое развитие

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

М.В. Андрияшко – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Андрияшко М.В. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Андрияшко М.В. Модельное законотворчество как инструмент правового сотрудничества: опыт для Союзного государства Беларуси и России в сфере социального и демографического развития // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 485-493. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-485-493>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-485-493>

OECD 5.05; ASJC 3308

Model lawmaking as a tool of legal cooperation: experience for the Union State of Belarus and Russia in the field of social and demographic development

Maryna V. Andryiashka,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Adviser of the Department of Internal Policy Analysis of the Department of Internal Policy, Belarusian Institute for Strategic Research, 7 Pobeditelei Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus, SPIN-code: [8337-0086](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), RSCI AuthorID: [596206](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), ResearcherID: [AAY-7168-2020](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), Scopus Author ID: [57222323133](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, andryiashkomv@mail.ru

Abstract

Model lawmaking on issues of social development of the Union State is considered as a process of creating a unified social space by developing model normative acts that are not legally binding, but serve as guidelines for national legislators, which increases the attractiveness of this tool in the context of regional integration and gradual harmonization of national legislation. The study analyzes the contribution of model acts to the regulation of relations in a multi-subject environment in different historical epochs, in different territories and within various supranational entities. The methodological basis of the research was made up of a number of principles of scientific knowledge: objectivity, comprehensiveness and consistency. A comprehensive analysis of trends and identification of trends was carried out through the use of formal legal and comparative legal methods, the establishment of cause-and-effect relationships was facilitated by methods of structural analysis and synthesis. Based on the results of the study, the likely vectors of development of model rulemaking in the areas of social and demographic development in the Union State of Belarus and Russia have been identified, in particular, in the areas of migration policy, health policy, family policy implementation and support mechanisms, and others.

Keywords

model lawmaking, multi-subject environment, supranational formations, social and demographic development

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

M.V. Andryiashka – concept development, collection and processing of normative documents, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of interests

Maryna V. Andryiashka is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declare no other conflicts of interest.

For citation

Andryiashka, M.V. (2025). Model lawmaking as a tool of legal cooperation: experience for the Union State of Belarus and Russia in the field of social and demographic development. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 485-493. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-485-493>

Введение

Модельное законотворчество в Союзном государстве Беларуси и России (далее – Союзное государство) как направление практической юриспруденции перспективно для тесного правового сотрудничества, особенно в социальной и демографической сферах (здравоохранение, образование, социальная защита, пенсионное обеспечение, трудовые отношения, поддержка семьи). Такая деятельность напрямую коррелирует с одной из целей Союзного государства, состоящей в проведении согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (абзац 7 пункта 1 статьи 2 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.).

Методы исследования

Исследование проводилось с целью изучения вклада модельного нормотворчества в практическую юриспруденцию, а также определения достижений и выявления перспектив модельного законотворчества по вопросам социального и демографического развития в рамках географии Союзного государства, направленных на создание единого социального пространства, обеспечивающего равные права и возможности для граждан обеих стран. Результаты исследования получены на основе эмпирических методов (сравнения, описания, интерпретации); теоретических методов (формальной и диалектической логики); частнонаучных методов (толкования правовых норм).

Результаты исследования и их обсуждение

С 2019 г. Парламентским Собранием Союзного государства активно обсуждается возможность применения модельных законов. Эта идея была высказана на открытии пятьдесят пятой сессии Парламентского Собрания Союзного государства, в ходе которого модельное законотворчество было обозначено в качестве одного из направлений дальнейшего развития форм деятельности Парламентского Собрания [1, с. 13].

Вместе с этим мировому сообществу хорошо известна исторически сложившаяся практика модельного (типового) законотворчества. Особенно характерен такой механизм создания нормативного массива для

наднациональных организаций с мультимпредставительством государств-участников.

Ю.С. Безбородов относит модельное нормотворчество, наряду с унификацией, гармонизацией и интеграцией, к методам правовой конвергенции, имеющим общее ядро – «по сути, все они реализуются в рамках правотворческих и чаще всего правообеспечительных процессов...» [2, с. 125].

Специальные организации, задача которых сводилась к разработке модельных норм, появляются на международном уровне в первой четверти XX века. Например, учрежденный в 1926 г. в качестве вспомогательного органа Лиги Наций Международный институт унификации частного права (УНИДРУА)¹, в компетенцию которого входило исследование «...вопросов совершенствования, гармонизации и координации норм частного, и в особенности коммерческого, права в рамках взаимодействия как отдельных государств, так и их групп, а также подготовкой с этой целью единообразных правовых документов, принципов и правил» [3, с. 38].

Вклад советской юриспруденции в становление модельного нормотворчества. Условиями гармоничного развития советского права назывались обеспечение взаимосвязи и взаимозависимости законодательств СССР и союзных республик, а также соответствие республиканского законодательства общесоюзному. Достижение баланса осуществлялось путем размежевания в Конституции СССР компетенции СССР и союзной республики в сфере законодательства, а также путем издания *Основ законодательства*, которые впервые вошли в систему советского законодательства как специфическая для советской федерации форма общесоюзного закона после образования Союза. Так, в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. ЦИК СССР принял Основы судопроизводства, Основные начала уголовного законодательства, Основы уголовного судопроизводства, Общие начала землепользования

¹ International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/about-unidroit/> (accessed: 29.06.2025).

и землеустройства Союза ССР и союзных республик².

В 1958–1974 гг. Верховный Совет СССР принял 12 законов типа *Основ законодательства*, принятию которых предшествовали глубокая научная подготовка и, как правило, всенародное обсуждение подготовленных законопроектов³. В табл. 1 приведены сведения о действовавших по состоянию на 1 июля 1974 г. Основах законодательства Союза ССР и союзных республик.

Как следует из табл. 1, треть принятых Основ законодательства касается вопросов социального и демографического развития Союза ССР и союзных республик.

Содружество Независимых Государств (СНГ). После распада СССР и образования СНГ необходимость защиты социальных прав граждан выходят на первый план, поэтому главной задачей международного сотрудничества между бывшими советскими республиками становятся вопросы социальной защиты и сохранение прав и льгот на уровне не ниже советских норм [4, с. 32].

² Основы законодательства // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/085/409.htm> (дата обращения: 30.05.2025).

³ Там же.

Модельное законодательство является преимущественно используемым методом косвенной унификации в СНГ [5, с. 255]. В том числе социальное и демографическое развитие обеспечиваются содержанием модельных норм, преимущественно направленных «...на обеспечение минимального стандартного уровня социально-экономических прав» граждан [4, с. 33].

В целом модельное законодотворчество СНГ – пример плодотворной нормотворческой работы [6, с. 28]. Так, эксперты отмечают, что Межпарламентской Ассамблеей СНГ принято не менее 650 модельных законов, при этом «...нормы более 70 % из них были имплементированы в законодательство государств – участников СНГ, а еще около 10 % содержат совпадающие с национальными законами положения» [5, с. 256]. При этом на дискреционным полномочием государств является принятие решения о полной имплементации норм модельного закона, их частичной имплементации либо о разработке собственного национального нормативного правового акта [7, с. 148].

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Модельное нормотворчество практикуется также ОДКБ [8, с. 138]. Безусловно, специфика принимаемых

Таблица 1. Сведения о действовавших по состоянию на 1 июля 1974 г. Основах законодательства Союза ССР и союзных республик
Table 1. Information about the current ones as of July 1, 1974 Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union Republics

№ п/п	Наименование	Дата принятия	Дата введения в действие
1	Основы законодательства о судостроительстве	25.12.1958	25.12.1958
2	Основы уголовного законодательства	25.12.1958	14.02.1959
3	Основы уголовного судопроизводства	25.12.1958	14.02.1959
4	Основы гражданского законодательства	08.12.1961	01.05.1962
5	Основы гражданского судопроизводства	08.12.1961	01.05.1962
6	Основы законодательства о браке и семье	27.06.1968	01.10.1968
7	Основы земельного законодательства	13.12.1968	01.07.1969
8	Основы исправительно-трудового законодательства	11.07.1969	01.11.1969
9	Основы законодательства о здравоохранении	19.12.1969	01.07.1970
10	Основы законодательства о труде	15.07.1970	01.01.1971
11	Основы водного законодательства	10.12.1970	01.09.1971
12	Основы законодательства о народном образовании	19.07.1973	01.01.1974

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

актов коррелирует с уставными целями этой организации. Тем не менее, в период с 2016 по 2021 г. были приняты восемь модельных законов и два модельных (типовых) соглашения, без которых социальное развитие государств-членов хоть и возможно, но будет куда менее устойчивым (по вопросам обеспечения национальной безопасности, информационного противоборства терроризму и экстремизму, безопасности критически важных объектов, государственной тайны, иные).

ОДКБ внесла весомый вклад в методологию модельного нормотворчества, с учетом которой в 2013 г. подготовлено Положение о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеи (ПА) ОДКБ⁴. При этом под модельным законодательством ПА ОДКБ понимает весьма широкий перечень видов нормативных правовых актов. Помимо модельных законов и модельных кодексов, к видам модельных законодательных актов ПА ОДКБ относит: примерные (типовые) соглашения, положения, уставы, правила и иные подобные правовые акты, а также рекомендации ОДКБ (по сближению национального законодательства, по синхронизации процедур ратификации, по согласованию национального законодательства с положениями заключенных международных договоров, по вопросам сотрудничества).

Как справедливо в 2022 г. отметил председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности С.А. Рачков, «неоспоримыми преимуществами модельных законов в сфере обеспечения национальной безопасности являются: *простота принятия; гибкость содержания*, позволяющая учесть национальную специфику;

⁴ Положение о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности: постановление № 6-11, 28 ноября 2013 г., шестое пленарное заседание ПА ОДКБ; в ред. постановления № 9-6.3 от 24 ноября 2016 г., девятое пленарное заседание ПА ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/polozhenie-o-razrabotke-i-prinyatii-modelnyh-zakonodatelnyh> (дата обращения: 29.05.2025).

авторитетность, обусловленная участием в разработке ведущих специалистов в области права из разных стран»⁵.

Организация Объединенных Наций (ООН). Модельное (типовое) законодательство развивалось также в рамках нормотворчества отдельных агентств ООН – планетарного рекордсмена по числу государств-участников.

В аспекте развития института модельного законодательства следует отметить учреждение 17 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), которая осуществляет свой мандат путем «подготовки или поощрения принятия новых международных конвенций, типовых и единообразных законов и поощрения кодификации и более широкого признания международных торговых терминов, положений, обычаев и практики в сотрудничестве, когда это представляется уместным, с организациями, работающими в этой области» [3, с. 39].

Преимущественно, агентства ООН придерживаются позиции по разработке типовых законов в зависимости от обстоятельств как инструмента содействия пересмотру и изменению действующего или принятию нового законодательства. В типовых законах главное место отведено материальным обязательствам, вытекающим из международных договоров, а не форме, которая должна быть адаптирована к потребностям каждого государства.

Африканский Союз (African Union, AU). Интерес к модельному нормотворчеству проявляют также иные регионы. Так, Африканский Союз, созданный в 2002 г., состоящий из пяти регионов континента и включающий 55 членов (Центральная Африка – 9 государств, Восточная Африка – 14 государств, Северная Африка – 7 государств, Западная Африка – 15 государств, Южная Африка – 10 государств), заинтере-

⁵ Рачков С.А. Модельное законодательство в сфере национальной безопасности на примере Парламентской Ассамблеи ОДКБ: Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. URL: <https://sovrep.gov.by/ru/interview-ru/view/modelnoe-zakonotvorchestvo-v-sfere-natsionalnoj-bezopasnosti-na-primere-parlamentskoj-assamblei-odkb-959/> (дата обращения: 29.05.2025).

сован в отраслевом континентальном регулировании. Так, возникла идея разработки модельного закона о регулировании медицинских продуктов (2016), направленного на гармонизацию регуляторных систем, повышение сотрудничества и создание благоприятной среды для медицинских технологий.

В результате 30 африканских государств поддержали рассматриваемый модельный закон (из них 19 государств региона подписали, ратифицировали и сдали свои ратификационные грамоты; 2 государства подписали и ратифицировали, но не сдали на хранение ратификационные грамоты; 9 государств подписали, но не ратифицировали). Как итог, 25 стран региона, включая четыре наиболее важные экономики континента (Южно-Африканская Республика, Нигерия, Кения, Эфиопия), не подписали модельный закон.

Соединенные Штаты Америки (США). Хотя вопрос касается мировой практики, стоит упомянуть примеры из США, иллюстрирующие использование модельного законодательства на национальном уровне с федеративной структурой.

В целом следует отметить, что широкое распространение модельные законы на рубеже столетий получили именно в США, так как каждый штат, обладая правом законотворческой инициативы, готовили собственные нормативные акты, зачастую вступающие в противоречие с соответствующими нормами федерального законодательства [3, с. 38]. Для устранения коллизий в 1892 г. была учреждена Комиссия по единообразным законам (*Uniform Law Commission, ULC*) (также известная как Национальная конференция комиссаров по единообразным законам штатов), цель которой состояла в «подготовке беспристрастных, тщательно продуманных и четко сформулированных законов, обеспечивающих прозрачность и незыблемость критически важных областей статутного права штатов» [3, с. 38]. Комиссия продолжает работать и сегодня, и разрабатывает модельные законы для унификации правовых норм между штатами. Например, модельный закон о коммерческих корпорациях (1950), принятый 24 штатами.

К процессу формирования модельных норм в США также подключился *Американский институт права*, который в 1962 г.

подготовил модельный уголовный кодекс, оказавшийся востребованным и в последующем был воспринят законодательством многих штатов [3, с. 38].

В аспекте формирования модельных норм можно также упомянуть американскую Национальную ассоциацию страховщиков (*National Association of Insurance Commissioners, NAIC*), которая создает модельные законы и регуляторику для страхового дела, обеспечивая единообразие на уровне штатов.

БРИКС. Несмотря признание различий в политических и правовых системах регионов БРИКС [9, с. 553], в последнее время все чаще звучат голоса в поддержку развития нормотворческого потенциала в рамках этой организации и рассматриваются вопросы, связанные с гармонизацией, унификацией законодательства, а также роли модельного нормотворчества в этих процессах [10, с. 8].

В целом исследователи отмечают наметившийся тренд на универсализацию и локализацию международного права как субпроцессов правовой конвергенции, важных для раскрытия ее смысла [11, с. 47]. При этом, выделяя особенности наднационального права, отдельные исследователи апеллируют к его природе, которая «...не относится ни к международному, ни к внутреннему праву государства» [12, с. 142].

Союзное государство Беларуси и России. Тактическим шагом на пути Союзного строительства, в том числе во благо социального и демографического развития, является утверждение Положения о подготовке, рассмотрении и принятии модельных законодательных актов Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (2023)⁶, предусматривающего процедуру рассмотрения и принятия Парламентским Собранием решений по проектам модельных законодательных актов. Согласно этой процедуре, вместе с текстом проекта модельного законодательного акта на рассмотрение Парламентского Собрания представляются: решение ответственной комиссии; пояснительная

⁶ О проекте Положения о подготовке, рассмотрении и принятии модельных законодательных актов Парламентского Собрания Союза Беларуси и России: постановление Парламентского собрания Союза Беларуси и России от 19 июня 2023 г. № LXIV–8. URL: <https://belrus.ru/info/mza/> (дата обращения: 19.05.2025).

записка, содержащая *обоснование необходимости* принятия модельного законодательного акта, и сведения о согласовании проекта модельного законодательного акта.

Декретом Высшего Государственного Совета Союзного Государства от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы»⁷ определены основные направления сближения позиций и нормативной правовой базы в том числе по вопросам социального развития (социально-трудовой сферы, здравоохранения, образования и др.).

В частности, одним из направлений такой работы в сфере пенсионного обеспечения Республики Беларусь является переход с 1 января 2026 г. к назначению социальных пенсий по инвалидности детям-инвалидам и молодым инвалидам в проактивном формате – беззаявительно, по факту наступления жизненной ситуации.

Такая новация также является плодом моделирования законодательства. Так, назначение пенсий инвалидам в проактивном формате практикуется Российской Федерацией с 2022 года, а в некоторых случаях даже назначение трудовой пенсии по возрасту осуществляется удаленно, без необходимости личного посещения офиса Социального фонда, а сертификат на материнский капитал оформляется и направляется родителям автоматически после появления ребенка в семье на основании сведений ЗАГС.

С учетом актуальных для обоих союзных государств демографических вызовов, на передний край выходят проблемы обеспечения стабилизации численности популяции, меры по стимулированию как увеличения числа рождений, так осознанного (ответственного) родительства, а также решения таких проблем, основанные на алгоритмизации и информатизации.

Так, тема электронного формата удостоверений (многодетных семей, инвалидов,

пенсионеров) хоть и не лежит на поверхности вопросов социального и демографического развития, но отвечает целям Союзного государства, так как упрощает жизнь наших граждан. Равно как апробированная российской стороной инициатива по учреждению бессрочного статуса многодетных семей видится весьма перспективной в аспекте модельного нормотворчества для целей демографического роста и повышения престижа многодетности. Изучение опыта внедрения таких инструментов и создание для этого необходимых условий – важная задача модельного законодательства.

Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в части обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством основывается на схожих базовых подходах, вместе с тем имеются и отличия. Условия обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в Республике Беларусь являются наиболее выгодными (периоды социального обеспечения, размеры выплат).

Преимущества данного вида социального страхования в Республике Беларусь обеспечиваются более высоким размером страхового взноса на социальное страхование, как правило, в пределах 35 процентов. Вместе с тем в Российской Федерации закреплён более продолжительный период выплаты пособия по беременности и родам (140, 156 и 194 дня в России против 126, 140, 146 и 160 дней в Беларуси).

Помимо этого, отличия в законодательстве России и Республики Беларусь состоят еще и в проактивном формате назначения пособий по беременности и родам, единовременных пособий при рождении ребенка, пособий по временной нетрудоспособности в Российской Федерации.

Масштабирование положительных практик обладает потенциалом в сферах социального и демографического развития в рамках географии Союзного государства Беларуси и России, и что более важно – для реализации его уставных целей по проведению согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспе-

⁷ Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы: Декрет Высшего Государственного Совета Союзного Государства, 29 января 2024 г., № 2 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

чивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Заключение

Как показывает анализ, для мультисубъектных государственных образований практика модельного нормотворчества востребована, так как конечным продуктом является приемлемый для каждого государства-члена типовой нормативный правовой акт, что позволяет национальному законодателю не расплывать свои усилия на дизайне и архитектуре документа, а сконцентрироваться на наполнении выверенного шаблона самобытным содержанием достижений внутригосударственной правовой системы.

В конечном итоге такой подход позволяет организовать взаимодействие в системе «модельное нормотворчество» – «национальное нормотворчество» в соответствии с принципом экономии ресурсов. Помимо этого, комиссии национальных парламентов имеют навыки работы с результатами мо-

дельного законодательства мультисубъектных надгосударственных образований, что также коррелирует с принципом экономии ресурсов.

Вместе с тем рекомендательный характер модельного нормотворчества обладает как непосредственными преимуществами для сторон (готовый шаблон), так и ресурсными рисками для разработчиков (интеллектуальные, экспертные, временные, иные ресурсные затраты на создание продукта, который по различным обстоятельствам в силу рекомендательного характера может не быть встроен в национальную правовую систему).

Исторический опыт становления и развития института модельного нормотворчества учтен в практической юриспруденции на просторах Союзного государства Беларуси и России, о чем свидетельствуют достигнутые успехи, в том числе в сферах социального и демографического развития.

Список источников

1. Шилов В.П. Модельное законодательство в Союзном государстве // Модельное законодательство в Союзном государстве. Материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России. Москва: Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 2019. С. 13-17.
2. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 124-132. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.124-132>, <https://elibrary.ru/yymbim>
3. Сидоров А.В. § 4. Модельное законодательство в XXI веке: специфика, эффективность применения, перспективы // Эффективность правоприменения как теоретическая и историко-правовая категория. Санкт-Петербург: Астерион, 2024. С. 37-53. <https://elibrary.ru/uvunfe>
4. Агафонова Т.И. Механизм правового регулирования вопросов социальной защиты в договорах государств – участников СНГ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 1. С. 32-36. <https://elibrary.ru/ooyynp>
5. Минько Н.С. Адаптивные возможности законодательства и права в процессе интеграционного развития Беларуси на Евразийском пространстве // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 2 (22). С. 252-268. <https://elibrary.ru/nhbmemb>
6. Яковлева Е.Н. Актуальные проблемы модельного нормотворчества СНГ по вопросам защиты прав инвалидов // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 28-30. <https://elibrary.ru/reneil>
7. Султанов И.Р. К вопросу о воздействии международных интеграционных организаций на внутреннее право государств // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2012. № 1 (13). С. 145-157. <https://elibrary.ru/rvphch>
8. Петрищев Е.В. Роль межпарламентского сотрудничества в совершенствовании нормативно-правовой основы деятельности ОДКБ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 138-142. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-5-138-142>, <https://elibrary.ru/lhwcjz>
9. Пономаренко С.В. БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 552-558. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>, <https://elibrary.ru/mobxrh>
10. Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. Модельное нормотворчество в Российской Федерации как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 6-18. https://doi.org/10.35231/18136230_2023_3_6, <https://elibrary.ru/vtitby>

11. Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Москва: Проспект, 2020. 240 с. <https://doi.org/10.31085/9785392318100-2020-240>, <https://elibrary.ru/owghru>
12. Головкин Р.Б., Кирова И.О. Сущность наднационального правотворчества // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 3 (64). С. 140-144. <https://elibrary.ru/uomser>

References

1. Shilov V.P. (2019). Model lawmaking in the Union State. *Materialy postoyanno deistvuyushchego seminar pri Parlamentnom Sobranii Soyuz Belarusi i Rossii «Model'noe zakonotvorchestvo v Soyuznom gosudarstve» = Proceedings of the Permanent Seminar at the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia "Model Lawmaking in the Union State"*. Moscow, Secretariat of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia Publ., p. 13-17. (In Russ.)
2. Bezborodov Yu.S. (2017). Integration as international legal method for legal convergence. *Lex Russica*, no. 12 (133), pp. 124-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.124-132>, <https://elibrary.ru/yymbim>
3. Sidorov A.V. (2024). § 4. Model legislation in the 21st century: specifics, effectiveness of application, prospects. *Effektivnost' pravoprimereniya kak teoreticheskaya i istoriko-pravovaya kategoriya: kollektivnaya monografiya = Effectiveness of Law Enforcement as a Theoretical and Historical-Legal Category*. St. Petersburg, Asterion Publ., pp. 37-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvunfe>
4. Agafonova T.I. (2012). The mechanism of legal regulation of social protection issues in the treaties of the CIS member states. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, no. 1, pp. 32-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ooynyp>
5. Min'ko N.S. (2023). Adaptive possibilities of legislation and rights in the process of integration development of Belarus in the Eurasian space. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava = Actual Problems of Civil Law*, no. 2 (22), pp. 252-268. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nhbmern>
6. Yakovleva E.N. (2014). Current problems of cis model regulatory acts on the protection of the rights of persons with disabilities. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 11 (78), pp. 28-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/reneil>
7. Sultanov I.R. (2012). To the question of international integration organizations influence to the internal law of countries. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*, no. 1 (13), pp. 145-157. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvphch>
8. Petrishchev E.V. (2024). The role of interparliamentary cooperation in improving the regulatory framework of the CSTO's activities. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 5, pp. 138-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-5-138-142>, <https://elibrary.ru/lhwcjz>
9. Ponomarenko S.V. (2024). BRICS as an instrument of international cooperation in global crisis situations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 552-558. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>, <https://elibrary.ru/mobxrh>
10. Glushakov A.Yu., Sobolevskaya A.I. (2023). Model rulemaking in the Russian Federation as a factor of harmonization of the laws of the BRICS member countries. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, no. 3 (73), pp. 6-18. (In Russ.) https://doi.org/10.35231/18136230_2023_3_6, <https://elibrary.ru/vtitby>
11. Bezborodov Yu.S. (2020). *Methods and Forms of Legal Convergence in International Law*. Moscow, Prospekt Publ., 240 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392318100-2020-240>, <https://elibrary.ru/owghru>
12. Golovkin R.B., Kirova I.O. (2022). The essence of supranational lawmaking. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 3 (64), pp. 140-144. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uomser>

Поступила в редакцию / Received 27.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.15

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-494-503>

Шифр научной специальности 5.1.1

Великая французская революция и развитие пенсионного законодательства

Александрова Анна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, SPIN-код: [4351-0130](https://orcid.org/0000-0003-0747-8675), РИНЦ AuthorID: [729485](https://orcid.org/0000-0003-0747-8675), Scopus ID: [57211794642](https://orcid.org/0000-0003-0747-8675),
<https://orcid.org/0000-0003-0747-8675>, ann-alexandrova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей развития французского пенсионного законодательства под влиянием событий буржуазной революции 1789–1794 гг. Рассмотрено состояние законодательства о пенсионном обеспечении отдельных категорий граждан, сложившееся накануне революции. В рамках исследования используется не только хронологический, но и институциональный метод – внимание автора обращено на нормативное закрепление таких институтов пенсионного обеспечения, как пенсии за выслугу лет, страховые пенсии, а также меры социальной поддержки (признания) неимущих пожилых лиц и инвалидов. Формулируются выводы о неоднозначном влиянии революционных событий на развитие пенсионного законодательства. С одной стороны, Великая французская революция прервала поступательное развитие законодательства об обеспечении за выслугу лет и социальном страховании. С другой стороны, слом старых порядков, конституционное закрепление идей просветителей позволило в дальнейшем перейти к учреждению новых мер социальной защиты пожилых лиц, которые могут рассматриваться сегодня как первые шаги на пути к достижению идеалов равенства и справедливости. При этом многие положения, провозглашенные в годы революции, получили свое законодательное оформление и практическую реализацию после прихода к власти консервативных сил, в периоды Первой империи и Легитимной монархии.

Ключевые слова

законодательство, Великая французская революция, пенсия за выслугу лет, социальная поддержка, общественное признание

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.В. Александрова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Александрова А.В. Великая французская революция и развитие пенсионного законодательства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 494-503. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-494-503>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-494-503>

OECD 5.05; ASJC 3308

The French Revolution and the development of pension legislation

Anna V. Aleksandrova,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Public Law Disciplines at the Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, SPIN-code: 4351-0130, RSCI AuthorID: 729485, Scopus ID: 57211794642, <https://orcid.org/0000-0003-0747-8675>, ann-alexandrova@mail.ru

Abstract

This article examines the development of French pension legislation under the influence of the bourgeois revolution of 1789–1794. The state of the legislation on pension provision for certain categories of citizens on the eve of the revolution is examined. The study utilizes not only a chronological but also an institutional approach, focusing on the regulatory consolidation of pension institutions such as long-service pensions, insurance pensions, and social support measures (charity) for the poor and elderly. Conclusions are drawn regarding the ambiguous impact of revolutionary events on the development of pension legislation. On the one hand, the French Revolution interrupted the progressive development of legislation on long-service pensions and social insurance. On the other hand, the collapse of the old order and the constitutional entrenchment of Enlightenment ideas subsequently enabled the establishment of new social protection measures for the elderly, which can be viewed today as the first steps toward achieving the ideals of equality and justice. At the same time, many provisions proclaimed during the years of the revolution received their legislative form and practical implementation after the conservative forces came to power, during the periods of the First Empire and the Legitimate Monarchy.

Keywords

legislation, French Revolution, long-service pensions, social support, public charity

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

A.V. Aleksandrova – research concept development, normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declare no relevant conflict of interests.

For citation

Aleksandrova, A.V. (2025). The French Revolution and the development of pension legislation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 494-503. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-494-503>

Введение

Актуальность исследования вопросов влияния революционных событий на развитие пенсионного законодательства обусловлена следующими факторами. С одной стороны, в настоящее время наблюдается кри-

зис парадигмы пенсионного обеспечения, связанный как с изменением характера занятости (расширением платформенного, нетипичного труда, самозанятости и т. п.), так и с демографическими трансформациями (старением населения, снижением доли трудо-

способных лиц в структуре общества). Приходится признать, что прежние модели пенсионного обеспечения не работают: обязательное социальное страхование не способно охватить всю массу населения; уповать на возрождение семейных форм поддержки также не приходится (поскольку на европейском пространстве никакими искусственными средствами нельзя восстановить, по крайней мере в обозримом будущем, традиционную патриархальную семью). В поисках новой парадигмы развития пенсионного законодательства исследователи все чаще обращаются к истории вопроса, с тем чтобы увидеть истоки формирования действующих сегодня механизмов обеспечения нетрудоспособных лиц, а также обнаружить те идеи, концепции, которые были сформулированы достаточно давно, но были забыты или не получили возможностей для реализации [1, с. 21]. В связи с этим весьма интересным и полезным представляется изучение развития французского пенсионного законодательства под влиянием Великой буржуазной революции XVIII века.

Методы

Методология настоящего исследования включает в себя систему методов и подходов, применяемых историко-правовой наукой, в том числе всеобщие методы (приоритетным из которых является диалектический), общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный), частнонаучные (социологический, статистический) и частноправовые (формально-юридический, историко-правовой).

Кроме того, следует отметить, что в рамках исследования автор опирается на ставшую классической периодизацию истории Великой французской революции, представленную, в частности, в работах профессора К.И. Батыра [2]. В рамках данной периодизации считается, что революция охватывает период с 1789 по 1794 г. Внутри периода выделяются следующие этапы: с 14 июля 1789 г. по 10 августа 1792 г. – конституционный этап; с 10 августа 1792 г. по 2 июня 1793 г. – Жирондистская республика; со 2 июня 1793 г. по 27 июля 1794 г. – Якобинская республика.

Пенсионное законодательство будет рассматриваться автором статьи как сово-

купность нормативных актов, регулирующих различные институты пенсионного обеспечения (ключевыми критериями для выделения которых выступают источники финансирования и особенности статуса субъекта – получателя пенсии) – такие, как пенсии за выслугу лет, страховые пенсии и социальные пенсии (последние в рассматриваемый период зарождались в качестве формы общественного призрения неимущих лиц).

Результаты исследования

В конце 1780-х гг., то есть к моменту начала буржуазной революции, во Франции еще не было пенсионного законодательства в современном понимании. Существовали разрозненные акты, направленные на поддержку отдельных категорий лиц – в первую очередь, тружеников морского флота и военнослужащих.

В качестве примера можно привести принятый в 1673 г. королевский регламент¹, согласно которому для военных моряков, пострадавших на службе, учреждались госпитали, а также осуществлялись определенные выплаты: например, при оставлении моряком службы по причине ранения предусматривалась выплата суммы в размере содержания за три года.

Ордонанс 1689 г. предусмотрел выплаты в размере половины жалования (полупансиона, “demi-solde”) морякам-инвалидам, ожидающим помещения в госпиталь – речь шла о «госпиталях, которые Его Величество соблаговолил приказать построить»². Королевский эдикт 1709 г. установил, что выплата половины жалования полагается не только морякам-инвалидам, но и лицам, «составившимся на службе»³ (при этом возрастная

¹ Règlement du 2 septembre 1673 que le Roi veut être observé dans ses arsenaux de Marine, pour la subsistance, entretien et récompense des officiers marins, matelot et soldats que feront estropiés, en servant sur ses armées navales, escadres ou vaisseaux de guerre. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96329818.texteImage> (accessé: 20.05.2025).

² Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et les arsenaux de la marine du 15 avril 1689. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9661196g/f14.texteImage> (accessé: 20.05.2025).

³ Edit du Roy du mois de mai 1709 pour l'établissement des fonds nécessaires pour la subsistance des invalides de la marine, avec création des offices de trésoriers et contrôleurs nécessaires à cet effet. URL:

граница старости установлена не была). Регламент от 10 мая 1728 г. юридически закрепил понятие «негодности к службе» («hors de service»): отныне таковым считался каждый моряк старше 60 лет, в связи с чем он не мог более быть призван на службу.

Ордонанс от 31 октября 1784 г.⁴ добавил в число получателей морских пенсий рыбаков («ловцов свежей рыбы») и уточнил различие между пенсией по инвалидности, назначаемой без возрастных условий, и пенсией по старости, назначаемой в возрасте 60 лет. Для получения последней требовалось не только достичь указанного возраста, но и иметь стаж службы (работы) от тринадцати до двадцати трех лет (для работников морского флота, трудящихся на суше, требуемый стаж увеличивался до 25 лет). Также этим ордонансом были детализированы условия, на которых выплаты предоставлялись родственникам погибшего в случае утраты кормильца. Право на выплату пособия предоставлялось вдовам, сиротам и родственникам по восходящей линии. Основанием для включения лица в список пенсионеров был королевский приказ или выписка, подписанная командованием [3, p. 181].

В XVIII веке стало получать свое законодательное оформление и пенсионное обеспечение иных категорий лиц, находившихся на службе короля. Разного рода меры поддержки государственных чиновников существовали во Франции и ранее, но они не были нормативно закреплены: французские исследователи относят их к сфере регулирования административного обычая [4, p. 568].

Ключевым моментом для понимания сущности пенсионных выплат, имевших место в дореволюционной Франции, является усмотренческий характер их предоставления. Прежде всего, пенсии рассматривались как вознаграждение чиновнику за оказанные услуги, а не как его право. Они назначались на основании решения короля или соответствующего министра, а факт их выплаты зави-

сел от наличия денег в казне. Кроме того, с каждой сменой правящего монарха или министра пересматривался и список пенсионеров.

Обеспечение в старости иных работников, не состоявших на службе у государства, практически не было урегулировано. Социальное страхование в Средние века зарождалось в рамках цехов и гильдий, но оно не носило обязательного характера и выступало как результат участия ремесленников в обществах взаимопомощи либо как следствие поддержки со стороны работодателей – своего рода жестов доброй воли. Примерами такой помощи являются выплаты, осуществлявшиеся французскими мануфактурами Сен-Гобен, Севр, Бове заболевшим и престарелым работникам [5, p. 253].

В XVIII веке французскими мыслителями и политическими деятелями стали разрабатываться проекты, направленные на решение проблемы материального обеспечения в старости. В частности, в 1750 г. Ж. Вьоле де Ваньон разработал проект создания дома призрения для слуг по образцу Морской кассы для инвалидов. В 1763 г. И. Фэге де Вильнев в своем труде «Политическая экономия» развил идею организации дома призрения не только для слуг, но и для всех трудящихся, обосновав ее точными расчетами. Проект, разработанный П. де Шамуссе, предлагал для поддержки нуждающихся создать Ассоциацию, основанную на взаимном страховании [6, p. 23]. В 1770-е гг. был разработан ряд проектов с использованием актуарных расчетов и опорой на теорию вероятностей (среди авторов таких проектов выступал и известный французский просветитель Ж. Кондорсе).

Э. Клавьер, занимавший в конце XVIII века пост министра финансов Франции, разработал модель пожизненного страхования наемных работников. Поясняя ту роль, которую страховые механизмы могут сыграть в деле решения проблемы бедности, он писал: «Именно доктрина пожизненного страхования позволяет мобилизовать достаточные ресурсы и является наиболее надежным средством для того, чтобы уменьшить масштабы этого бедствия и не допустить его разрастания в будущем» [7, p. 134].

Клавьер полагал, что «в возрасте 50 или 60 лет человек труда чувствует потребность

<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8606333t.r=I%27%C3%A9dit%20de%20mai%201709%20marin?rk=42918;4#> (accessé: 20.05.2025).

⁴ Ordonnance du Roi, concernant les classes du 31 octobre 1784 // URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86260444/f2.item.r=I'ordonnance%20du%2031%20octobre%201784> (accessé: 20.05.2025).

в некотором отдыхе, и плод его сбережений становится для него необходимым подспорьем». При этом нация должна управлять средствами пенсионных сбережений и выступать их гарантом: «здесь бедняк пользуется преимуществами предприятия, поддерживаемого национальной казной» [6, р. 25].

Весьма интересным представляется тот факт, что анализ и отбор проектов был доверен французской Академии наук. В целом, все предложенные проекты можно было систематизировать по нескольким основным направлениям решения проблемы обеспечения в старости. Таковыми направлениями выступали создание сберегательных касс, обществ взаимопомощи, организация страхования либо тонтин⁵. При оценке проектов члены Академии наук отдавали предпочтение механизмам социального страхования либо сберегательных касс. В конце 1780-х гг. ряд проектов был представлен правительству. Наиболее значимыми среди них были два. Первый проект, автором которого выступил Ж. де Ларок, был ориентирован на создание системы накопительных сбережений и предусматривал создание так называемой «Народной кассы» для пенсионного обеспечения трудящихся. Второй проект, подготовленный Л. де Бофлери, был основан на страховых принципах и предназначался в первую очередь для обеспеченных выгодоприобретателей. В последний предреволюционный год, 1788, проект Ж. Ларока получил поддержку таких авторитетных общественных деятелей, как Кондорсе и Лавуазье. Более того, проект был одобрен несколькими провинциальными представительными собраниями [6, р. 23-24].

В июне 1789 г. Генеральным штатам был представлен проект И. Лафаржа под названием «Ресурсы старости» [8, р. 25], который был направлен на достижение двух целей: облегчить участь пожилых тружеников и предложить обремененному долгами государству финансовую помощь посредством сбора общественных сбережений.

⁵ Тонтин – вид взаимного страхования, при котором каждый участник вносит в общий фонд определенную сумму с тем, чтобы впоследствии получать с нее проценты. В случае смерти участника тонтинных доходы от вклада распределяются между оставшимися в живых членами.

К сожалению, события Великой французской революции не позволили продолжить эволюционный путь формирования пенсионного обеспечения, начатый в стране в конце XVIII века. Проекты на время были забыты, однако идеи, высказанные их авторами, в преобразованном виде получают свое воплощение в республиканском и последующем монархическом нормотворчестве.

Первый этап революции, как известно, характеризовался преобладанием конституционно-монархических настроений; второй привел к власти умеренные силы (жирондистов), а третий – наиболее радикальные (якобинцев). Теоретическую основу революционного законодательства (и в первую очередь, конституционных актов) составили учения французский просветителей – Вольтера, Монтескье, Руссо и др.

Знаменитая Декларация прав человека и гражданина 1789 г. не содержала в себе положений, которые закрепляли бы социальные права – главное ее содержание составили политические и личные права граждан, а также ключевые принципы организации государственной власти (разделение властей, ответственность должностных лиц и т. п.). Однако уже в 1791 г. была принята первая в истории Франции Конституция, раздел 1 которой предусмотрел создание «учреждения государственного призрения для воспитания покинутых детей, ухода за неимущими нетрудоспособными лицами и предоставления работы тем неимущим трудоспособным лицам, которые сами не смогли бы ее найти»⁶. Конституционное положение было конкретизировано декретом от 19 марта 1793 г.⁷, который предусмотрел оказание лицам, нетрудоспособным в силу старости, помощи на дому и медицинских услуг. Однако дальнейшее развитие революционных событий не позволило властям реализовать данный декрет.

В то же время свое развитие получило законодательство о пенсиях за выслугу лет.

⁶ Constitution du 3 septembre 1791 / Les constitutions de la France / Ch. Debbash, J.-M. Pontier. Paris: Dalloz, 1996. P. 12.

⁷ Décret du 19 mars 1793 concernant la nouvelle organisation des secours publics // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, et avis du Conseil d'Etat / par J.B. Duvergier. T. 5. Paris: A. Guyot et Scribe, 1825. P. 255-256.

Национальным собранием был принят закон от 22 августа 1790 г.⁸, согласно которому лицам, получавшие жалование из бюджета, по достижении 50 лет могла быть назначена пенсия. Действие закона 1790 г. распространялось на гражданских, военных служащих, а также на служителей церкви. Одним из условий назначения пенсии была «честная служба» в течение не менее 30 лет; за стаж службы сверх требуемого пенсия увеличивалась (максимальный размер пенсии мог составить 3/4 жалования). Также закон установил возможность назначения пенсии на содержание вдовы умершего [9, p. 276].

Тем не менее, положения закона 1790 г. отнюдь не предусматривали автоматического права на пенсию для государственных служащих. Формулировка статьи 1 закона была весьма расплывчатой и позволяла властям при принятии решения о назначении пенсии действовать по своему усмотрению: «Государство обязано вознаграждать услуги, оказанные общественному союзу, когда их важность и продолжительность заслуживают сего свидетельства признательности»⁹. Кроме того, средства, выделяемые государством на выплату пенсий, были строго ограничены – согласно статье 14 закона, предельная сумма расходов на эти цели составляла 10 млн ливров. При нехватке средств пожилые претенденты на пенсию оказывались в числе «ожидающих». Статья 23 закона 1790 г. предоставила парламенту право издавать распоряжение об утверждении «новых пенсий, которые оно сочтет подлежащими назначению», на основании списка, представленного королем. Таким образом, усмотренческий характер пенсии сохранился.

Революция развивалась стремительно, и уже в ближайшие годы были приняты законы о пенсиях участникам взятия Бастилии (закон от 25 декабря 1790 г.), сборщикам налогов (31 июля 1791 г.) и некоторым другим категориям лиц. Все эти пенсии подлежали

выплате из государственного бюджета. Поскольку расходы оказались весьма значительными, полноценную их выплату в революционные годы обеспечить не удалось, а позже, в начале XIX века, государством были предприняты меры по повышению пенсионного возраста [9, p. 276].

Пенсионное обеспечение работников морского флота в революционные годы также было урегулировано законом. В частности, Закон о категориях работников морского флота (от 7 января 1791 г.)¹⁰ понизил возраст «освобождения от обязательной службы» с 60 до 56 лет.

Правление жирондистов характеризовалось провозглашением Франции республикой (25 сентября 1792 г.), хотя новых конституционных актов в этот период принято не было. Пришедшие к власти в результате переворота 2 июня 1793 г. якобинцы, как известно, руководствовались наиболее радикальной трактовкой учения просветителей и стремились к установлению не только равноправия, но и равенства граждан¹¹. В период правления якобинцев Конвентом была принята (24 июня 1793 г.), а народным голосованием – одобрена новая Конституция, открывавшаяся Декларацией прав человека и гражданина. В статье 21 Декларации 1793 г. общественная помощь провозглашалась «священным долгом» и утверждалось, что общество обязано «поддерживать существование неимущих граждан либо путем предоставления им работы, либо путем обеспечения средств для жизни тем, кто не способен работать»¹². Таким образом, революционный дискурс, делая акцент на равенстве граждан, вполне закономерно уделял внимание и вопросам обеспечения нетрудоспособных граждан, в том числе пожилых. Однако якобинские конституционные акты 1793 г. так и не вступили в силу: их введение откладывалось до окончания военных действий и победы над контрреволюцией.

⁸ Loi d'août 1790 // La Galaxie Senat. URL: <https://www.senat.fr/connaitre-le-senat/lhistoire-du-senat/dossiers-dhistoire/d32/loi-de-1853-sur-les-retraites-des-fonctionnaires-1.html> (accessé: 20.05.2025).

⁹ Loi d'août 1790 // La Galaxie Senat. URL: <https://www.senat.fr/connaitre-le-senat/lhistoire-du-senat/dossiers-dhistoire/d32/loi-de-1853-sur-les-retraites-des-fonctionnaires-1.html> (accessé: 20.05.2025).

¹⁰ Loi sur les classes des gens de mer du 7 janvier 1791 // Gallica. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96338884/f21.item.texteImage> (accessé: 10.05.2025).

¹¹ Acte constitutionnel du 24 juin 1793. Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Art. 3 / Les constitutions de la France / Ch. Debbash, J.-M. Pontier. Paris: Dalloz, 1996. P. 44.

¹² Ibid.

27 июля 1794 г. в результате очередного переворота якобинская республика перестала существовать. Новая Конституция, принятая в 1795 г. и утвердившая власть Директории (была установлена так называемая Термидорианская республика), не содержала в себе норм об оказании социальной помощи. Некоторое развитие получили меры пенсионной поддержки, введенные ранее – в частности, закон от 25 октября 1795 г.¹³ уравнивал работников морского флота с чиновниками, понизив их пенсионный возраст до 50 лет, а также заменил существовавшие ранее категории (классы) работников морского флота на Морской регистр (“*Inscription maritime*”).

Тем не менее, положения о пенсионном обеспечении получили свое закрепление в Конституции 1799 г., оформившей установление во Франции режима консульства (способствовавшего переходу власти в руки Наполеона Бонапарта). Статья 86 Конституции 1799 г. провозгласила: «Французская нация торжественно декларирует, что будет предоставлено содержание (пенсии) всем военнослужащим, получившим ранения при защите родины, а также вдовам и сиротам воинов, погибших на поле битвы или от боевых ранений»¹⁴. Данное положение свидетельствовало о той особой роли, которую играла армия в политической жизни Франции на рубеже XVIII–XIX веков, а также говорило о намерении первого консула опираться на военную силу в своей дальнейшей деятельности на посту главы государства.

Важно отметить, что обязанность государства обеспечить содержание увечным воинам и членам их семей (в случае гибели в бою) была впервые в мировой конституционной истории закреплена именно во французской Конституции 1799 г. Принимавшиеся до этого в некоторых странах конституции (Конституция США 1787 г., Конституция Польши 1791 г., Конституция Корсики 1755 г.), равно как конституционные акты

Швеции 1719, 1720, 1772 гг., не содержали такого рода положений, что является вполне естественным для первого этапа развития мирового конституционного права. В рамках данного этапа, как известно, первые конституции лишь начинали появляться в отдельных уголках мира, а содержанием этих конституций являлись вопросы организации государственной власти, а также некоторые личные и политические права граждан. Эпоха провозглашения социальных прав граждан и принятия государством на себя каких-либо позитивных обязательств наступит гораздо позже, в XX веке [10, с. 209]. В связи с этим следует признать за Францией роль первопроходца в регулировании вопросов пенсионного обеспечения на конституционном уровне.

В эпоху Первой империи получило свое реальное воплощение положение об общественной помощи, сформулированное авторами Конституции 1793 г. Декрет от 5 июля 1808 г. (который был затем конкретизирован постановлением от 5 октября того же года) предусмотрел создание в каждом французском департаменте публичных учреждений общественного призрения для нищих (*dépôts de mendicité* – «депо для нищих», работные дома) [11]. За четыре года (с 1808 по 1812 г.) таких учреждений было открыто во Франции 59 [12, с. 67]. Изначально работные дома были обязаны принимать только трудоспособных нищих (согласно декрету от 5 июля 1808 г., каждый трудоспособный мог там найти «пропитание и работу»). Однако после принятия в 1810 г. знаменитого Уголовного кодекса Наполеона (УК) на работные дома была возложена обязанность принимать и нетрудоспособных нищих. Статья 269 УК признала бродяжничество преступлением против общественного мира. Согласно статье 274 УК, «любое лицо, застигнутое за нищенством в местности, где существует публичное заведение, созданное для пресечения нищенства, будет наказано тюремным заключением на срок от трех до шести месяцев и по отбытии наказания будет направлено в работный дом»¹⁵. Таким

¹³ Observations sur la loi du 3 brumaire [an IV = 25 octobre 1795] // Internet archive. URL: https://archive.org/details/observationssurl00unse_27/page/n1/mode/2up (accessé: 20.07.2025).

¹⁴ Constitution du 13 décembre 1799 / Les constitutions de la France / Ch. Debbash, J.-M. Pontier. Paris: Dalloz, 1996. P. 111.

¹⁵ Code penal de 1810. Édition originale en version intégrale, publiée sous le titre: Code des délits et des peines. URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_

образом, кодекс в данной статье не разграничивал нищих на трудоспособных и нетрудоспособных (а к последним могли относиться и пожилые лица, и инвалиды), запрещая попрошайничество для всех. Статья 275 содержала специальную норму, касающуюся именно трудоспособных бродяг; а статья 276 УК уточняла, что все нищие, даже нетрудоспособные, за симулирование ран и увечий подлежат тюремному заключению на срок от 6 месяцев до 2 лет. Таким образом, Наполеону Бонапарту, по меткому выражению русского дореволюционного исследователя В.А. Гагена, удалось сплести «сеть уголовной репрессии» для тунеядствующих бездельников [12, с. 56].

Исследование архивных материалов Префектуры полиции Парижа (представленное в работе Ж. Тронель) позволило сделать вывод о том, что на протяжении XIX века дисциплинарная функция работных домов стала постепенно ослабевать [11]. Численность трудоспособных постояльцев сокращалась; одновременно росло количество нетрудоспособных нуждающихся: в частности, к 1871 г. в работном доме Вилле-Котре (департамент Сена) доля трудоспособных лиц составляла всего 1/5; подавляющее большинство было представлено пожилыми лицами и инвалидами. Таким образом, цель реинтеграции, заложенная в идее работного дома, все более утрачивала свой смысл. «Депю для нищих» постепенно превращалось в дом призрения, где нетрудоспособные лица доживали свои дни. Этому способствовал и высокий уровень смертности (по архивным данным Вилле-Котре, за период с 1808 по 1877 г. имели место 10800 смертей постояльцев при 23000 поступлениях), и повышение среднего возраста лиц, поступавших в работный дом [11].

Заключение

Великая французская революция оказала неоднозначное влияние на развитие пенсионного законодательства. С одной стороны, она выступила в качестве внезапного события, прервавшего ход эволюционного развития законодательства о социальном страховании и пенсиях за выслугу лет. Дей-

ствительно, в рамках абсолютной монархии (несмотря на все ее очевидные недостатки как формы правления) постепенно складывались механизмы поддержки государственных гражданских и военных служащих на случай старости и инвалидности. Более того, правительством рассматривались проекты учреждения выплат для других категорий работников, основанных на страховых механизмах. События революции привели к тому, что работа над такими проектами была временно приостановлена.

В то же время слом старых порядков, установление режима парламентаризма и провозглашение прав и свобод личности создали основу для осуществления дальнейших шагов на пути к обеспечению социального равенства. Понятно, что на рубеже XVIII–XIX веков уравнивание граждан в социально-экономических правах выглядело недостижимым идеалом; однако теоретические основы этого были заложены. Революционные события позволили французским законодателям принять ряд конституционных актов, провозгласивших принципы свободы и равноправия. В связи с этим внимание стало уделяться и наиболее обездоленным слоям населения – нетрудоспособным нищим, инвалидам, старикам.

Тем не менее, объективно складывавшаяся ситуация революционного и военного времени не позволяла государству выделять необходимые ресурсы на реализацию тех норм пенсионного законодательства, которые уже были приняты. Также не было возможности и политической воли для разработки социально-страховых законов. В связи с этим реализация мер, озвученных парламентариями в революционный годы, стала возможной лишь в период наступления реакции, при относительной стабилизации политической и социально-экономической ситуации. Многие законодательные положения относительно пенсионного обеспечения за выслугу лет военнослужащих, создания домов призрения для неимущих стариков были приняты и воплощены в жизнь при Наполеоне Бонапарте. Впрочем, важнейшие законодательные акты в сфере гражданского, уголовного, процессуального права, воплотившие в себе достижения революции, также были приняты в эпоху Первой империи.

legislation.criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_2.htm (accessé: 10.07.2025).

Список источников

1. Александрова А.В., Лапаева А.В., Рыжова А.А., Серебрякова Е.А. Теоретические основы пенсионного законодательства: опыт сравнительного исследования // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 20-31. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-111-04-20-31>, <https://elibrary.ru/ztpapu>
2. Батыр К.И. История государства и права Франции периода буржуазной революции 1789–1794 гг. Москва: РИО ВЮЗИ, 1984. 81 с.
3. Sauzeau T. Les gens de mer du quartier de Marennes et l'institution des invalides de la Marine (milieu XVIIIe – milieu XIXe siècle) // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2013. Т. 120. № 2. Р. 179-192. <https://doi.org/10.4000/abpo.2627>
4. Thuillier G. Aux origines de la Sécurité sociale: les retraites des fermes générales (1768–1790) // La Revue administrative. 1994. № 282. Р. 568-573.
5. Robert G. La protection sociale et médicale sous l'Ancien Régime // Histoire des Sciences médicales. 1981. № 15 (3). Р. 251-258.
6. Thiveaud J.-M. La lente construction des systèmes de retraite en France de 1750 à 1945 // Revue d'économie financière. 1997. № 40. Р. 21-54.
7. Clavière É. Prospectus de l'établissement des assurances sur la vie // Risques. 1990. № 1. Р. 128-135.
8. Senès V. Les origines des compagnies d'assurances soit à primes, soit mutuelles, fondées en France du le XVIIIe siècle à nos jours. Paris: L. Dulac, 1900. 256 p.
9. Thiveaud J.-M., Mérieux A., Marchand Ch. Le régime des retraites des fonctionnaires civils avant la loi de «budgétisation» du 8 juin 1853. // Revue d'économie financière. 1995. № 35. Р. 273-303.
10. Соловьева В.В. Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 205-211. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-205-211>, <https://elibrary.ru/zrulol>
11. Tronel J. Le dépôt de mendicité de Villers-Cotterêts et le décret du 5 juillet 1808 // Histoire pénitentiaire et Justice militaire. 20 Mai 2013. URL: <https://prisons-cherche-midi-mauzac.com/varia/le-depot-de-mendicite-de-villers-cotterets-et-le-decret-du-5-juillet-1808-14267> (accessé: 03.05.2025).
12. Гаген В.А. Западноевропейский бедняк. Варшава: Типогр. Варш. учебн. округа, 1912. 736 с.

References

1. Aleksandrova A.V., Lapaeva A.V., Ryzhova A.A., Serebryakova E.A. (2022). *Theoretical foundations of pension legislation: experience of comparative study*. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, no. 4 (111), pp. 20-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-111-04-20-31>, <https://elibrary.ru/ztpapu>
2. Batyr K.I. (1984). *History of the State and Law of France during the Bourgeois Revolution of 1789–1794*. Moscow, RIO VYUZI Publ., 81 p. (In Russ.)
3. Sauzeau T. (2013). Les gens de mer du quartier de Marennes et l'institution des invalides de la Marine (milieu XVIIIe – milieu XIXe siècle). *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*, vol. 120, no. 2, pp. 179-192. (In French). <https://doi.org/10.4000/abpo.2627>
4. Thuillier G. (1994). Aux origines de la Sécurité sociale: les retraites des fermes générales (1768–1790). *La Revue administrative*, no. 282, pp. 568-573. (In French).
5. Robert G. (1981). La protection sociale et médicale sous l'Ancien Régime. *Histoire des Sciences médicales*, no. 15 (3), pp. 251-258. (In French).
6. Thiveaud J.-M. (1997). La lente construction des systèmes de retraite en France de 1750 à 1945. *Revue d'économie financière*, no. 40, pp. 21-54. (In French).
7. Clavière É. (1990). Prospectus de l'établissement des assurances sur la vie. *Risques*, no. 1, pp. 128-135. (In French).
8. Senès V. (1900). *Les origines des compagnies d'assurances soit à primes, soit mutuelles, fondées en France du le XVIIe siècle à nos jours*. Paris, L. Dulac, 256 p. (In French).
9. Thiveaud J.-M., Mérieux A., Marchand Ch. (1995). Le régime des retraites des fonctionnaires civils avant la loi de «budgétisation» du 8 juin 1853. *Revue d'économie financière*, no. 35, pp. 273-303. (In French).
10. Soloveva V.V. (2023). Welfare state: philosophical and legal aspect. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 205-211. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-205-211>, <https://elibrary.ru/zrulol>

11. Tronel J. (2013). *Le dépôt de mendicité de Villers-Cotterêts et le décret du 5 juillet 1808*. Histoire pénitentiaire et Justice militaire. 20 Mai. URL: <https://prisons-cherche-midi-mauzac.com/varia/le-depot-de-mendicite-de-villers-cotterets-et-le-decret-du-5-juillet-1808-14267> (accessé: 03.05.2025) (In French).
12. Gagen V.A. (1912). *The Western European Poor*. Warsaw, Warsaw Educational District Publ., 736 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 29.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.162

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-504-511>

Шифр научной специальности 5.1.3

Проблема обеспечения эффективности международно-правовой охраны изобретений, связанных с искусственным интеллектом

Талимончик Валентина Петровна,

доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, SPIN-код: 1507-6749, РИНЦ AuthorID: 447740, Scopus Author ID: 57190001688, <https://orcid.org/0000-0002-5302-460X>, talim2008@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрен вопрос эффективности функционирования региональных патентных систем на современном этапе развития искусственного интеллекта. Цель исследования: выявление механизмов эффективной адаптации региональных патентных систем к изобретениям, связанным с искусственным интеллектом. При исследовании использовались методы анализа в отношении правовых основ функционирования региональных патентных систем, сравнительно-правовой в части выявления их особенностей и сходства, а также научного прогнозирования в отношении патентования искусственного интеллекта. Обосновано, что Правила Европейского патентного ведомства в отношении изобретений, связанных с искусственным интеллектом, создали правовую основу для включения такого рода изобретений в существующую систему международно-правовой охраны изобретений и могут рассматриваться в качестве модели для иных региональных патентных систем. Сформирована общая модель патентования изобретений, связанных с искусственным интеллектом, для всех региональных патентных систем на основе европейской модели патентования, которая уже прошла апробацию. Сделан вывод о возможности применения европейского механизма эффективной адаптации патентования к изобретениям, связанным с искусственным интеллектом, к иным региональным патентным системам с учетом сходных свойств таких систем и общих закономерностей их функционирования.

Ключевые слова

связанные с искусственным интеллектом изобретения, региональные патентные системы, единые критерии охраноспособности, европейская патентная система, «неизобретения», абстрактные идеи, тематические методы

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

В.П. Талимончик – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, анализ нормативных документов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Талимончик В.П. Проблема обеспечения эффективности международно-правовой охраны изобретений, связанных с искусственным интеллектом // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 504-511. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-504-511>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-504-511>

OECD 5.05; ASJC 3308

The problem of ensuring the effectiveness of international legal protection of inventions related to artificial intelligence

Valentina P. Talimonchik,

Dr. Sci. (Law), Professor of General Theoretical Legal Disciplines Department, Senior Researcher, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation, SPIN-code: [1507-6749](https://orcid.org/0000-0002-5302-460X), RSCI AuthorID: [447740](https://orcid.org/0000-0002-5302-460X), Scopus Author ID: [57190001688](https://orcid.org/0000-0002-5302-460X), [https://orcid.org/0000-0002-5302-460X](mailto:talim2008@yandex.ru), talim2008@yandex.ru

Abstract

The issue of the effectiveness of regional patent systems at the current stage of artificial intelligence development is considered. The purpose of the study is to identify the mechanisms of effective adaptation of regional patent systems to inventions related to artificial intelligence. The research used methods of analysis in relation to the legal foundations of the functioning of regional patent systems, comparative law in terms of identifying their features and similarities, as well as scientific forecasting in relation to patenting artificial intelligence. It is proved that the Rules of the European Patent Office regarding inventions related to artificial intelligence have created a legal basis for the inclusion of such inventions in the existing system of international legal protection of inventions and can be considered as a model for other regional patent systems. A common model of patenting inventions related to artificial intelligence has been formed for all regional patent systems based on the European patenting model, which has already been tested. The conclusion is made about the possibility of applying the European mechanism of effective adaptation of patenting for inventions related to artificial intelligence to other regional patent systems, taking into account the similar properties of such systems and the general patterns of their functioning.

Keywords

inventions related to artificial intelligence, regional patent systems, common criteria for protection, European patent system, “non-inventions”, abstract ideas, mathematical methods

Funding

This research received no external funding.

Author’s contribution

V.P. Talimonchik – research idea and concept formulation, scientific literature selection and analysis, normative documents analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Talimonchik, V.P. (2025). The problem of ensuring the effectiveness of international legal protection of inventions related to artificial intelligence. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 504-511. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-504-511>

Введение

Система международно-правовой охраны изобретений как составная часть международно-правовой охраны промышленной собственности дифференцирована по уровням – универсальном и региональном. В рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) администрируются механизмы международной патентной кооперации и международной патентной классификации. Классификация, принятая на универсальном уровне, может использоваться в национальных и региональных патентных системах.

Региональные патентные системы (РПС) весьма немногочисленны: афро-малагасийская система¹; система Африканской региональной организации интеллектуальной собственности²; европейская³; евразийская⁴, а также две особые – ЕС и Андского сообщества.

Система международно-правовой охраны изобретений на универсальном уровне сложилась в 70-е гг. XX века и недостаточно учитывает стремительное развитие научно-технического прогресса. Однако в рамках ВОИС существует понимание необходимости таких изменений. ВОИС подготовила подборку данных по тематике «Изобретения, созданных с участием искусственного интеллекта», в которой выделила различные категории такого рода изобретений: 1) изобретения, касающиеся базовой технологии искусственного интеллекта (ИИ); 2) изобретения, сделанные с помощью ИИ; 3) изобретения на основе ИИ, в которых ИИ является частью изобретательского замысла; 4) изобретения, созданные ИИ самостоятельно, без участия человека. Как следствие, категория «изобретения, связанные с ИИ» является неоднородной и охватывает как собственно разработки ИИ, так и использование ИИ как инструмента изобретательства.

В настоящее время ИИ затрагивает категорию изобретателей, «конкурируя» с человеком. Категория изобретателей сложилась еще в древние времена и требует уточнения. Она может пониматься в узком смысле, применительно только к изобретению, а также в широком смысле, обозначающем физическое лицо, чьим творческим трудом создаются объекты промышленной собственности, требующие творческого вклада. Необходимо отметить, что изобретателям принадлежат не только имущественные права, связанные с потребностями экономического оборота, но и права неимущественные, личные, которые не могут принадлежать ИИ и свойственны только человеку.

Парижская конвенция об охране промышленной собственности 1883 г. весьма лаконична в отношении прав изобретателей. Она предусмотрела право на имя в отношении изобретателя и право считаться изобретателем. Неимущественные права изобретателя существуют в виде международных обычаев и не зависят от закрепления в международных договорах. Этот обычай исторически сложился, и тенденции к «пересогласованию» государствами своей общей воли не наблюдается.

Парижская конвенция 1883 г. устанавливает национальный режим для граждан государств-участников⁵. Предоставление национального режима ИИ представляется весьма отдаленной перспективой.

Постановку общей проблемы в отношении изобретений, связанных с ИИ, мы находим в трудах под редакцией Чарльза Керригана [1], Натали А. Смуха [2], а также Фемистоклиса Цимаса [3].

В отношении охраны промышленной собственности граждане каждой страны Парижского союза пользуются во всех других странах Парижского союза теми же преимуществами, которые предоставляются в настоящее время или будут предоставлены впоследствии соответствующими законами собственным гражданам, не ущемляя при этом прав, специально предусмотренных Парижской конвенцией 1883 г.

¹ Ее основу составляет Соглашение о создании африканского и малагасийского ведомства промышленной собственности (ОАПИ) от 13 сентября 1962 г., пересмотренное в Банги (Центрально-Африканская Республика) 2 марта 1977 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/details/227> (дата обращения: 31.06.2025).

² Харарский протокол о патентах и промышленных образцах от 10 декабря 1982 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/details/204> (дата обращения: 31.06.2025).

³ Ее основу составляет Конвенция о выдаче европейских патентов от 5 октября 1973 г. в редакции от 29 ноября 2000 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902308644> (дата обращения: 31.06.2025).

⁴ Предусмотрена Евразийской патентной конвенцией от 17 февраля 1994 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901192> (дата обращения: 31.06.2025).

В отечественных исследованиях основное внимание уделяется ИИ как инструменту изобретательства [4–10], хотя затрагиваются и международно-правовые аспекты [11]. Целью настоящего исследования является выявление механизмов эффективной адаптации региональных патентных систем к изобретениям, связанным с ИИ.

Методы

Основным методом исследования является анализ, применяемый при определении свойств РПС и их документов по патентованию изобретений. Научное прогнозирование применено для выявления перспектив патентования изобретений, связанных с ИИ. Сравнительно-правовой метод позволил выявить общие черты РПС и сходные подходы к патентованию.

Результаты исследования

Результаты исследования получены при анализе правил Европейского патентного ведомства, относящихся к изобретениям, связанным с ИИ.

В общей системе охраны промышленной собственности, основанной на Парижской конвенции 1883 г., формируются подсистемы охраны отдельных объектов, в том числе изобретений.

Сами изобретения известны с древнейших времен⁶.

В подсистеме международно-правовой охраны изобретений системообразующие договоры, которые могут быть только на универсальном уровне, появились в XX веке. В частности, была установлена международная патентная классификация⁷, которая в равной степени применяется как в национальных системах патентования, так и региональных патентных системах, приобре-

тая унификационный характер, принят Договор о патентной кооперации.

РПС обладают сходными чертами, позволяющими выработать унифицированные подходы к патентуемым объектам.

Во-первых, сформулированы единые подходы к изобретениям. Исключение составляет Конвенция о письменных патентах от 16 января 1889 г. в Латинской Америке, которая ввела понятие изобретения как нового способа, механического или ручного устройства, которое служит для производства промышленных продуктов; открытия нового промышленного продукта и применения усовершенствованных средств с целью достижения результатов, превосходящих уже известные. По существу, это определение объединило не только изобретения, но и полезные модели, что связано с ранней стадией развития изобретательства.

Во-вторых, сходными являются критерии охраноспособности – новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость, которые экспертиза анализирует на сходном патентном материале⁸.

В-третьих, сходные подходы и к «неизобретениям». Обычно к такого рода «неизобретениям» относятся абстрактные идеи и теории; открытия; математические методы; правила игр; эстетические решения; программы для ЭВМ; информация. Из сходного подхода исходит евразийская РПС и африканские РПС.

Одновременно статья 3(10) Харарского протокола о патентах и промышленных образцах от 10 декабря 1982 г. содержит положения, сходные с Евразийской патентной конвенцией (ЕПК), но учитывает выставочный приоритет и делает исключения из патентования из соображений публичного порядка или морали, а также в отношении сортов растений или пород животных, кроме микроорганизмов, методов лечения.

⁸ Например, статья 52 Конвенции о выдаче европейских патентов от 5 октября 1973 г. (далее – ЕПК) в редакции от 29 ноября 2000 г. установила, что европейские патенты выдаются на изобретения во всех областях техники, которые являются новыми, промышленно применимыми и имеют изобретательский уровень. Евразийская патентная конвенция от 17 февраля 1994 г. также указывает, что Евразийское ведомство выдает евразийский патент на изобретение, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо (статья 6).

⁶ Первым из великих изобретателей всех времен и народов многие считают Архимеда (287–212 гг. до н. э.). Всем известен закон Архимеда о выталкивающей силе жидкости, которая равна весу ее вытесненного объема, и его приложение в качестве способа выявления драгоценных металлов. Другие известные его изобретения относятся к военной области и в основном используют «принцип рычага», хотя рычаг уже применялся в Древнем Египте. (Соколов Д.Ю. Об изобретательстве понятным языком и на интересных примерах. Москва, 2011. С. 22.)

⁷ Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации от 24 марта 1971 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12675> (дата обращения: 31.06.2025).

В целом следует отметить существенное сближение региональных патентных систем в подходах к изобретению.

В рамках региональных патентных систем нет существенных препятствий для патентования изобретений, связанных с ИИ, но они должны подпадать под общие критерии патентоспособности. В настоящее время только Европейское патентное ведомство (ЕПВ) сформулировало правила патентования такого рода изобретений. В Руководство по проведению экспертизы в ЕПВ был добавлен раздел, затрагивающий вопросы искусственного интеллекта.

Во-первых, изобретения, связанные с ИИ, не составляют некую особую и совершенно новую категорию. Они отнесены к категории «компьютерных» изобретений, подходы к которым уже сформировались в практике ЕПВ. Компьютерные программы как компонент таких изобретений формально «неизобретения», но в совокупности с другими компонентами могут обладать «техническими» признаками.

Во-вторых, категория «изобретение» с учетом использования искусственного интеллекта не утрачивает основные признаки охраноспособности и должны им соответствовать⁹.

Проблемой является то, что метод машинного обучения и соответствующие алгоритмы относятся к абстрактным математическим методам, подпадающим под категорию «неизобретений», что обуславливает непатентоспособность «чистого ИИ». Как следствие, патентование возможно исключительно технического результата, где ИИ выступает компонентом изобретения или средством изобретательства.

⁹ Одним из требований к патентоспособности является то, что должно существовать «изобретение», относящееся к любой области техники. Европейская патентная конвенция не определяет, что подразумевается под «изобретением», но статья 52(2) ЕПК содержит неполный список «неизобретений» – объектов, которые не следует рассматривать как изобретения по смыслу статьи 52(1) ЕПК. Все элементы в этом списке являются абстрактными (например, открытия или научные теории) и/или нетехническими (например, набор данных). Изобретение по смыслу статьи 52(1) ЕПК должно носить технический характер. Изобретение должно относиться к области техники, быть связано с технической проблемой и обладать техническими характеристиками.

ЕПВ допускает патентование с различными способами использования ИИ в изобретении¹⁰.

В-третьих, несомненным свойством ИИ-изобретений является их промышленная применимость, что связано с широким практическим использованием ИИ в различных областях техники, постоянно расширяющимся.

Особенностью Руководства ЕПВ является значительное внимание проблеме классификации с помощью ИИ¹¹.

При рассмотрении Апелляционной палатой дела № Т 1358/09 было учтено, что заявленное изобретение относилось к компьютеризированной классификации текстовых документов. Для этого сначала создается «модель классификации», а затем документы классифицируются с использованием этой модели классификации. Следующим шагом в построении модели является расчет гиперплоскостей, которые разделяют векторное пространство на «подпространства», и «каждое подпространство содержит один или несколько документов, представленных соответствующими векторами» и соответствует классу.

¹⁰ Если формула изобретения, относящаяся к искусственному интеллекту или машинному обучению, относится либо к способу, включающему использование технических средств (например, компьютера), либо к устройству, ее предмет в целом носит технический характер и, таким образом, не исключается из сферы патентоспособности в соответствии со статьей 52(2) или (3) ЕПК. В таких случаях вычислительные модели и алгоритмы сами по себе вносят вклад в технический характер изобретения, если они способствуют техническому решению технической проблемы, например, путем применения в области технологии и/или путем адаптации к конкретной технической реализации. Такие термины, как «метод опорных векторов», «механизм рассуждения» или «нейронная сеть», могут, в зависимости от контекста, просто относиться к абстрактным моделям или алгоритмам и поэтому сами по себе не обязательно подразумевают использование технических средств. Это необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о том, имеет ли заявленный объект в целом технический характер.

¹¹ Классификация цифровых изображений, видео, аудио или речевых сигналов на основе низкоуровневых признаков (например, краев или пиксельных атрибутов изображений) является еще одним типичным техническим применением алгоритмов классификации. Однако классификация текстовых документов исключительно по их текстовому содержанию сама по себе преследует не техническую, а лингвистическую цель (дело № Т 1358/09).

Апелляционная палата пришла к выводу, что поскольку математический алгоритм не влияет на технический характер заявленного способа, изобретательский уровень может присутствовать только в его технической реализации. Единственными признаками реализации, указанными в формуле изобретения, являются ссылки на то, что способ «компьютеризирован», а текстовые документы «представлены в цифровом виде на компьютере». Квалифицированный специалист, если бы перед ним была поставлена задача реализовать алгоритм, несомненно, предпочел бы представлять текстовые документы «в цифровом виде на компьютере».

Далее Апелляционная палата сочла, что специалисту, использующему только свои общие знания, не составило бы труда выполнить на компьютере различные этапы по пункту 1 формулы изобретения. В описании заявки вообще не содержится никаких технических подробностей реализации. Как следствие, изобретение сочли непатентоспособным.

В деле № Т 1784/06 апелляция была направлена против решения отдела экспертизы отклонить европейскую патентную заявку на изобретение «Способ и компьютерный программный продукт для классификации и увязки записей данных, а также система классификации». По данным отдела экспертизы, специалист, классифицирующий запись данных и использующий дерево решений, будет искать альтернативный алгоритм классификации и стремиться обработать запись данных как можно быстрее, в частности, параллельным способом. Очевидно, что такой подход можно было бы реализовать, сначала параллельно оценивая отдельные поля записи данных, а затем, на заключительном этапе, определяя общий класс записи данных путем сопоставления отдельных оценок.

По мнению заявителя, естественным подходом квалифицированного специалиста было бы улучшить дерево решений, а не заменять его совершенно новой структурой. Он полагал, что им представлен метод, при котором правила классификации легче адаптировать. Этот метод должен быть эффективным при классификации записей даже в тех случаях, когда существует большое количество возможных классов обслуживания.

Апелляционная палата придерживалась подхода, сформулированного в деле Comvik, согласно которому в экспертизу на изобретательский уровень включаются только характеристики, способствующие техническому характеру заявленного объекта. Поскольку патенты могут выдаваться только на технические объекты, неочевидный вклад, который оправдывает выдачу патента, должен носить технический характер. Апелляционная палата не может признавать изобретательский уровень на основе нетехнической инновации (такой как организационный, административный, коммерческий или математический алгоритм), не имеющей никаких технических последствий, кроме (очевидного) желания ее реализации на компьютере общего назначения.

Еще до принятия решения по делу Comvik технически нефункциональные модификации рассматривались как не имеющие отношения к изобретательскому уровню.

Высказывая мнение в отношении позиции заявителя, согласно которой заявленный объект в целом должен быть исследован на наличие изобретательского уровня, Апелляционная палата отметила, что новизна формулы изобретения должна проверяться независимо от соображений изобретательского уровня, в то время как установление изобретательского уровня предполагает проведение экспертизы новизны. Другим примером является обоснованность притязания на приоритет, которое должно проверяться независимо от требований к новизне и изобретательскому уровню, в то время как новизна и изобретательский уровень не могут быть установлены независимо от действительности права приоритета. Положения ЕПК были применены в их системной взаимосвязи.

В деле № Т 1286/09 изобретение относилось в целом к области цифровой обработки изображений и, в частности, к способу улучшения классификации изображений путем обучения семантического классификатора набору типовых цветных изображений, которые представляют собой «перекомпонованные версии» типового изображения, для увеличения разнообразия обучающих образцов. Апелляционная палата пришла к выводу, что это связано с изобретательским уровнем.

Выводы

Правила Европейского патентного ведомства в отношении изобретений, связанных с ИИ, создали необходимую правовую основу для гармоничного включения такого рода изобретений в существующую систему международно-правовой охраны изобретений. Они показывают, каким образом сложившиеся критерии патентоспособности могут применяться к изобретениям, связанным с ИИ. Правила Европейского патентного ведомства

могут рассматриваться в качестве модели регулирования изобретений, связанных с ИИ, для иных региональных патентных систем.

Научная новизна проведенного исследования и его практическая значимость состоят в предложении общей модели патентования изобретений, связанных с ИИ, для всех РПС. Вместе с тем в качестве перспективы предлагается дальнейшая разработка поставленной проблемы в аспекте региональных особенностей.

Список источников

1. Kerrigan C. Artificial Intelligence: Law and Regulation. Cheltenham: Edward Elgar, 2022. 559 p.
2. Smuha N.A. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 272 p.
3. Tzimas Th. Legal and Ethical Challenges of Artificial Intelligence from an International Law Perspective. London: Springer, 2021. 243 p.
4. Бузанов В.Ю. Можно ли «встроить» произведения и изобретения, созданные искусственным интеллектом, в существующую систему авторских и патентных прав? // Научные труды. Российская академия юридических наук. Москва: Рос. академия юрид. наук, 2022. С. 313-317. <https://elibrary.ru/rlo1jj>
5. Войцеховская З.Э. Изобретения, созданные с использованием искусственного интеллекта // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 5. С. 58-62. <https://elibrary.ru/cdvttan>
6. Пономарченко А.Е. Патент на изобретение, созданное с помощью искусственного интеллекта // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань: Познание, 2024. Т. 2. С. 97-101. <https://elibrary.ru/vxsbxw>
7. Свиридова Е.А. Изобретения, созданные программным обеспечением искусственного интеллекта: проблемы правоприменения // Государство и право. 2021. № 11. С. 90-99. <https://doi.org/10.31857/S102694520017527-0>, <https://elibrary.ru/sbbkac>
8. Трухачев Н.А. Искусственный интеллект как автор изобретения // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 5 (86). С. 667-675. <https://elibrary.ru/cqojoe>
9. Шилова М. Проблема закрепления авторских прав на изобретения, созданные искусственным интеллектом // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. IX Междунар. юр. форума (IP Форум). Москва: Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина, 2021. С. 299-301. <https://elibrary.ru/vsxaue>
10. Шумлянский С.А. Проблема патентной защиты изобретения, созданного с помощью искусственного интеллекта // Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2022. С. 34-39. <https://elibrary.ru/owgqlc>
11. Панько В.Ю. Евразийская заявка на изобретение: особенности патентования решений, основанных на использовании искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Минск: СтройМедиаПроект, 2024. Ч. 2. С. 231-239. <https://elibrary.ru/rwxdfs>

References

1. Kerrigan C. (2022). *Artificial Intelligence: Law and Regulation*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 559 p.
2. Smuha N.A. (2025). *The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 272 p.
3. Tzimas Th. (2021). *Legal and Ethical Challenges of Artificial Intelligence from an International Law Perspective*. London, Springer Publ., 243 p.
4. Buzanov V.Yu. (2022). Is it possible to “embed” works and inventions created by artificial intelligence into the existing system of copyright and patent rights? *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk = Scientific Papers. Russian Academy of Law Sciences*. Moscow, Russian Academy of Law Sciences, pp. 313-317. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rlo1jj>

5. Voitsekhovskaya Z.E. (2025). Inventions created using artificial intelligence. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava = Patents and Licenses. Intellectual Property Rights*, no. 5, pp. 58-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cdvtan>
6. Ponomarchenko A.E. (2024). Patent for an invention created by artificial intelligence. *Sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t. = Collection of Scientific Papers of the 3rd International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”: in 6 vols.* Kazan, Poznanie Publ., vol. 2, pp. 97-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vxsbxw>
7. Sviridova E.A. (2021). Inventions created by artificial intelligence software: problems of law enforcement. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 11, pp. 90-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S102694520017527-0>, <https://elibrary.ru/sbbkac>
8. Trukhachev N.A. (2025). Artificial intelligence as the author of invention. *Vestnik nauki = Science Bulletin*, vol. 3, no. 5 (86), pp. 667-675. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cqojoe>
9. Shilova M. (2021). The problem of securing copyrights for inventions created by artificial intelligence. *Sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum) «Pravovaya zashchita intellektual'noi sobstvennosti: problemy teorii i praktiki» = Collection of Scientific Papers of the 9th International Legal Forum (IP Forum) “Legal Protection of Intellectual Property: Problems of Theory and Practice”.* Moscow, Kutafin Moscow State Law University, pp. 299-301. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsxaue>
10. Shumlyanskii S.A. (2022). The problem of patent protection of an invention created with the help of artificial intelligence. *Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye problemy tsivilizatsii i ustoichivogo razvitiya v informatsionnom obshchestve» = Collection of Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference “Modern Problems of Civilization and Sustainable Development in the Information Society”.* Moscow, pp. 34-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/owgqlc>
11. Pan'ko V.Yu. (2024). Eurasian patent application. Specific features of patenting solutions utilizing artificial intelligence. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Intellektual'naya sobstvennost' v sovremennom mire: vyzovy vremeni i perspektivy razvitiya»: v 3 ch. = Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference “Intellectual Property in the Modern World: Challenges of the Time and Development Prospects”: in 3 pts.* Minsk, StroiMediaProekt Publ., pt. 2, pp. 231-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwxdfs>

Поступила в редакцию / Received 01.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-512-520>

Шифр научной специальности 5.1.3

Новые возможности ресурсного обеспечения культурной деятельности в сфере военно-исторического и культурного наследия посредством реализации проектов государственно-частного партнерства, спонсорства и меценатства

Мартыненко Игорь Эдуардович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, SPIN-код: [3712-0800](https://orcid.org/0000-0002-3076-658X), РИНЦ AuthorID: [646177](https://orcid.org/0000-0002-3076-658X), <https://orcid.org/0000-0002-3076-658X>, i.martynenko@grsu.by

Аннотация

Рассмотрена система законодательства Республики Беларусь о государственно-частном партнерстве. Цель исследования – ознакомление юридической общественности с белорусским опытом правового регулирования порядка привлечения инвестиций в национальную экономику посредством заключения и реализации проектов государственно-частного партнерства. Излагая исторические этапы возникновения и развития данного института, автор предлагает взглянуть на эту проблему с точки зрения эволюции доктринальных взглядов и подходов к правовому регулированию привлечения инвестиций в национальную экономику, создания инновационной инфраструктуры для развития рыночной экономики. Сделан вывод о возможности использования проектов ГЧП в целях привлечения дополнительных инвестиций в сферу охраны и восстановления памятников истории и культуры, воинских мемориалов.

Ключевые слова

государственно-частное партнерство, межотраслевой комплексный правовой институт, система законодательства, объекты инфраструктуры, соглашение о государственно-частном партнерстве, принципы правового института

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта Г25-079.

Вклад автора

И.Э. Мартыненко – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Мартыненко И.Э. Новые возможности ресурсного обеспечения культурной деятельности в сфере военно-исторического и культурного наследия посредством реализации проектов государственно-

частного партнерства, спонсорства и меценатства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 512-520. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-512-520>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-512-520>

OECD 5.05; ASJC 3308

New opportunities for resource provision for cultural activities in the field of military-historical and cultural heritage through the implementation of public-private partnership projects, sponsorship, and patronage

Ihar E. Martynenka,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil Law and Procedure Department, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko St., Grodno, 230023, Republic of Belarus, SPIN-code: 3712-0800, RSCI AuthorID: 646177, <https://orcid.org/0000-0002-3076-658X>, i.martinenko@grsu.by

Abstract

The system of legislation of the Republic of Belarus on public-private partnerships is explored. The aim of the study is to familiarize the legal community with the Belarusian experience of legal regulation of the procedure for attracting investments into the national economy through the establishment and implementation of public-private partnership projects. By outlining the historical stages of the emergence and development of this institution, the author proposes to examine this problem from the perspective of the evolution of doctrinal views and approaches to the legal regulation of attracting investments into the national economy and creating an innovative infrastructure for the development of a market economy. It is concluded that PPP projects can be used to attract additional investment in the preservation and restoration of historical and cultural monuments, and military memorials.

Keywords

public-private partnership, intersectoral integrated legal institute, legislative system, infrastructure facilities, public-private partnership agreement, legal institution principles

Funding

The study was conducted with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of scientific project Г25-079.

Author's contribution

I.E. Martynenka – research idea and concept development, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Martynenka, I.E. (2025). New opportunities for resource provision for cultural activities in the field of military-historical and cultural heritage through the implementation of public-private partnership projects, sponsorship, and patronage. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 512-520. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-512-520>

Введение

В год 80-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. актуализируется проблема сохранения и восстановления (если вдруг утрачены) памятников военно-исторического наследия, которыми так богата земля России и Белору-

си, воинских захоронений и мемориалов. Однако годы оккупации БССР тяжким бременем легли на плечи советских граждан – по современным оценкам экономический ущерб составил свыше 2,3 триллиона долларов США, или 43 тысячи тонн золота [1, с. 14]. Эти данные свидетельствуют о соци-

альной и исторической обусловленности сохранения памятников военной истории и увековечения памяти народа-победителя, защитившего наше единое Отечество. Для этого необходимы серьезные ресурсы, возможности привлечения которых рассмотрим в данном исследовании, прибегая к опыту Беларуси.

Результаты исследования

В настоящее время продолжается поиск новых форм стимулирования инвестиционной деятельности в целях сохранения, реставрации и восстановления памятников и мемориалов. В этом контексте не обойтись без привлечения частных инвестиций, использования иных возможностей, которые предлагает законодательство. В этом плане, как представляется, может быть полезен опыт Республики Беларусь (такой интерес к изучению белорусского законодательства проявляют представители и других стран, например, богатого культурным наследием Ирака [2, с. 210]). И вот почему: с февраля 2017 г. все законодательство о культуре, в том числе об охране объектов исторического наследия, кодифицировано. И теперь вопросы выявления, охраны, использования и восстановления памятников (объектов культурного наследия, как они поименованы в законодательстве РФ; историко-культурных ценностей, как они называются в законодательстве Беларуси) регулируются Кодексом о культуре.

Чтобы выяснить, какой вариант решения обозначенной (вынесенной в заглавие статьи) проблемы, наряду с государственными инвестициями, предлагает данный нормативный правовой акт, обратимся к закону, разберемся с *новыми* для этой отрасли (культура, историко-культурное наследие) понятиями.

Итак, одним из направлений государственной политики (приоритетов) в сфере культуры в соответствии со статьей 8 Кодекса о культуре является *создание условий для привлечения средств спонсоров и меценатов культуры, других юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, для финансирования культуры*. Таким образом, впервые вводятся понятия «спонсор культуры» и «меценат культуры».

Так, **спонсором культуры** может быть юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, которые предоставляют юридическим лицам, гражданам, в том числе индивидуальным предпринимателям, *безвозмездную (спонсорскую) помощь* в целях охраны историко-культурного наследия. Спонсоры культуры предоставляют безвозмездную (спонсорскую) помощь в виде денежных средств, в том числе в иностранной валюте, товаров (имущества), работ, услуг, имущественных прав, в том числе исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности.

Меценатом культуры является гражданин, который делает *пожертвования* в целях сохранения, развития, распространения и (или) популяризации культуры, поддержки культурной деятельности, в том числе сохранения, развития, распространения и (или) популяризации белорусской национальной культуры и языка, охраны историко-культурного и археологического наследия, популяризации культурных ценностей белорусской национальной и мировой культуры. Меценаты культуры делают пожертвования в соответствии с Гражданским кодексом.

Вспомним, пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях. В гражданском праве **договор пожертвования** является разновидностью договора дарения и представляет собой соглашение сторон, по которому жертвователь обязуется передать одаряемому вещь или имущественное право. На принятие пожертвования не требуется чьего-либо разрешения или согласия (пункт 2 статьи 553 ГК Республики Беларусь). Пожертвование может делаться в пользу любых субъектов гражданского права, в обсуждаемых нами случаях – организациям культуры, учреждениям образования, иным аналогичным организациям, благотворительным, научным организациям, фондам, музеям, общественным, религиозным и иным некоммерческим организациям.

Основную особенность пожертвования составляет наличие в нем условия об использовании пожертвованного имущества по определенному назначению, которое составляет обязанность одаряемого и может контролироваться дарителем (жертвовате-

лем) или его наследниками (правопреемниками). Пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению, в общепользовательных целях, связанных в нашем случае с охраной и использованием культурных (историко-культурных ценностей). Например, пожертвование возможно для проведения реставрации памятника изобразительного или монументального искусства, ремонта храма, восстановления памятника архитектуры и градостроительства, приобретения культурных ценностей, проведения консервации археологического объекта и т. п. Отсутствие условия об определенном назначении (цели использования) дара превращает эти отношения в обычный договор дарения (пункт 3 статьи 553 ГК Республики Беларусь). Заметим, что использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменение этого назначения дает право жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику требовать отмены пожертвования.

Еще одной новеллой является возможность использования в сфере историко-культурного наследия проектов государственно-частного партнерства. Анализ научных источников и практических подходов показывает, что фактически утвердилось и признаются узкое и широкое понимание государственно-частного партнерства (далее – ГЧП): под ГЧП понимается как совокупность конкретных договорных форм; так и любое взаимодействие государства (публичной стороны) и частных лиц (негосударственных акторов, как их называют в научных источниках [3, с. 7]). В Республике Беларусь с принятием закона «О государственно-частном партнерстве» используется именно такая формулировка ГЧП, как формы сотрудничества между государством и бизнесом.

Согласно статье 16 Кодекса о культуре допускается сотрудничество в сфере культуры (составной частью которого является историко-культурное наследие) с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями, в том числе в рамках государственно-частного партнерства. Одним из направлений такого сотрудничества

является проведение мероприятий по охране историко-культурного и археологического наследия.

Как же формировалось законодательство о государственно-частном партнерстве, в чем его особенности и преимущества, возможности и риски?

Обратившись к истории, убедимся, что активизация правового регулирования ГЧП произошла после принятия *Программы деятельности Правительства Беларуси на 2011–2015 годы* (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216), которая определила формирование ГЧП в роли одного из главных направлений деятельности правительства на 5 лет. В дальнейшем в рамках данной программы были разработаны и приняты в 2013 г. Законы «Об инвестициях» (новая редакция принята 8 января 2024 г. – И. М.) и «О концессиях», устанавливающие условия реализации инвестиций и концессий в стране.

Чуть позже (2015 г.) принят Закон «О государственно-частном партнерстве» (далее – закон о ГЧП), образован *Межведомственный инфраструктурный координационный совет*, как постоянно действующий коллегиальный орган (основными задачами совета являются содействие в выработке и реализации государственной политики в сфере привлечения инвестиций для проектирования, возведения и реконструкции, модернизации объектов инфраструктуры в рамках ГЧП; организация межведомственного взаимодействия по вопросам развития объектов инфраструктуры в рамках ГЧП) и разработан *Национальный инфраструктурный план на 2016–2030 годы* (утвержден в новой редакции Межведомственным инфраструктурным координационным советом 23 января 2023 г.; в актуализированном состоянии согласно данным Министерства экономики включает 1251 проект¹), отражающий потребность страны в привлечении инвестиций и бюджетном финансировании проектов на долговременную перспективу. В результате принятия указанных стратегических до-

¹ Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. URL: https://economy.gov.by/ru/miks_2023-ru (дата обращения: 10.05.2025).

кументов в стране создана система институтов для реализации инфраструктурных проектов ГЧП [4].

В настоящее время законодательство о государственно-частном партнерстве основывается на **Конституции Республики Беларусь** и состоит из Закона «О государственно-частном партнерстве» от 30 декабря 2015 г. № 345-З (в данный закон дважды вносились изменения: в 2018 г. и 2022 г.) и иных актов законодательства.

В развитие положений указанного закона были приняты, а также изменены и дополнены постановления Совета Министров Республики Беларусь, а именно:

«О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве»» от 06 июля 2016 г. № 532;

«О Межведомственном инфраструктурном координационном совете» от 27 мая 2014 г. № 508;

«Отдельные вопросы Министерства экономики Республики Беларусь» от 29 июля 2006 г. № 967.

В свою очередь, Министерство экономики в рамках своих полномочий по регулированию отношений в экономической сфере приняло 27 июля 2016 г. постановление № 49 «О проектах государственно-частного партнерства и исполнении условий соглашения о нем», которое имеет большое значение для реализации проектов ГЧП.

Некоторые особенности правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства устанавливаются Президентом **Республики Беларусь**, который определяет в сфере ГЧП единую государственную политику, осуществляет общее руководство государственными органами и иными государственными организациями при реализации проектов ГЧП. Глава белорусского государства неоднократно высказывался о необходимости активизации деятельности по привлечению инвестиций в национальную экономику: так, например, не исключает идею экспериментального создания государственно-частного партнерства в финансировании вузов².

² Лукашенко о государственно-частном партнерстве в сфере высшего образования: давайте проведем

Кроме указанных выше нормативных правовых актов, регулирование ГЧП осуществляется нормами и других отраслей права³, в том числе:

– гражданского законодательства – Гражданский кодекс устанавливает порядок заключения и исполнения договоров между участниками проекта ГЧП;

– законодательство об инвестициях – (закон Республики Беларусь «Об инвестициях» от 8 января 2024 г. № 350-З направлен на привлечение инвестиций в экономику страны, одним из способов которых является реализация проектов ГЧП (статьи 4, 7, 19 закона). ГЧП – это одна из правовых форм осуществления инвестиций, которые специфицированы целевым назначением, субъектами, источниками инвестирования [5, с. 80];

– законодательство в области градостроительной и строительной деятельности – Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З регулирует отношения, связанные возведением, реконструкцией, модернизацией, ремонтом, ремонтно-реставрационными работами, приемкой объектов (в рамках ГЧП) в эксплуатацию;

– земельное законодательство (Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З) – регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением и использованием земельных участков в проекте ГЧП;

– законодательство о культуре, включая охрану историко-культурного наследия (Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2026 г. № 413-З определяет в статье 16, что в целях обеспечения эффективности использования имущества, находящегося в государственной собственности, в том числе бюджетных средств, а также обеспечения

этот эксперимент на базе Гродненского государственного университета // СБ «Беларусь сегодня». 2021. 21 янв. URL: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-o-chastno-gosudarstvennom-partnerstve-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-davayte-provedem-etot.html?ysclid=mhud503171137504346> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Добрин А.Ю. Экономическое обоснование механизмов государственно-частного партнерства в транспортном строительстве: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2016. С. 33-34.

общедоступности культурных благ и повышения их качества государственные органы осуществляют сотрудничество в сфере культуры с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями, в том числе в рамках государственно-частного партнерства), и др.

Указанные нормативные правовые акты определяют, что **целями государственно-частного партнерства** являются концентрация материальных, финансовых, интеллектуальных, научно-технических и иных ресурсов, обеспечение баланса интересов и рисков, привлечение средств из внебюджетных источников для реализации проектов, планов и программ по развитию объектов инфраструктуры.

Данные цели являются общеизвестными способами сотрудничества (концентрация, баланс интересов, финансирование), которые не специфичны для ГЧП и не достаточны для создания нового для страны института взаимодействия государства и бизнеса. Кроме того, в определении указана также цель «объединения ресурсов и распределения рисков» [6, с. 61].

В статье 3 закона «О государственно-частном партнерстве» определено, что государственно-частное партнерство основывается **на принципах**: верховенства права; социальной направленности регулирования экономической деятельности; приоритета общественных интересов; гласности; добросовестной конкуренции; эффективности проектов государственно-частного партнерства; обеспечения баланса интересов и рисков между государственным и частным партнерами; равноправия государственного и частного партнеров; свободы договора; охраны окружающей среды.

Государственно-частное партнерство может осуществляться в отношении объектов различной инфраструктуры [7–9] в рамках *Национального инфраструктурного плана 2016–2030 гг.*⁴ и в такой исследуемой нами области (сфере), как культура.

В этом контексте к объектам **социальной инфраструктуры** относятся объекты

культуры и религии (дворцы культуры, культурно-развлекательные комплексы, музейные комплексы, памятники архитектуры, галереи, центры искусств, библиотеки, церкви, соборы и т. п.).

В качестве примера возможного проекта ГЧП в сфере высшего образования приведем модель «*Модернизация существующих объектов инфраструктуры*», который включает такие виды работ, как реконструкция, эксплуатация и передача существующих объектов инфраструктуры. В этом случае частная сторона улучшает объект инфраструктуры учреждения высшего образования, эксплуатирует его и возвращает государству по истечении срока контракта. Возможна передача объекта инфраструктуры по окончании его модернизации государству с последующим обслуживанием⁵.

Говоря о реализации проектов ГЧП в социально-культурной сфере, нельзя не упомянуть такую деятельность, как охрана (защита) объектов культурного наследия. Формами сотрудничества государственных органов с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями выступают *соглашения о государственно-частном партнерстве*, проекты которых в 2024–2025 гг. еще только разрабатываются. Государство возлагает большие надежды на совместные проекты с частным партнером: теперь эта форма сотрудничества получила законодательное закрепление. Ожидаем, что частные инвестиции поступят на реставрации памятников архитектуры и градостроительства, музеефикацию археологических объектов, восстановление замков. Однако при этом помним о тревожной тенденции о том, что «в некоторых случаях частный бизнес проявляет интерес к объектам культурного наследия из-за «лакомового кусочка» земли в центре города. Под видом реставрационных работ объект культурного наследия разрушается, на месте которого через некоторое время возводится современное офисное здание, поэтому со стороны государства требуется жесткий контроль за деятельно-

⁴ Национальный инфраструктурный план на 2016–2030 годы. URL: www.pppbelarus.by (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ *Шапана Е.В.* Реализация проектов государственно-частного партнерства в сфере высшего образования Республики Беларусь: методическое обеспечение и практика управления: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Минск, 2023. С. 8.

стью предпринимательских структур в отношении объектов культурного наследия вплоть до применения мер уголовно-правового реагирования» [10, с. 160]. Полностью соглашаясь с приведенным выше мнением, мы квалифицируем данные действия как «снос памятника под видом его реставрации», называя их формой нарушения закона, недопустимого не только в рамках государственно-частного партнерства, но и вообще.

Что касается конкретных замыслов по использованию проектов ГЧП в сфере культуры, то в настоящее время разрабатывается, например, проект «Реставрация комплекса бывшей усадьбы Рейтанов в Брестской области», который включает реставрацию и консервацию комплекса бывшей усадьбы (памятник архитектуры XIX–XX веков) с созданием туристического историко-культурного центра, который будет использоваться как площадка для организации культурно-массовых мероприятий. Проект предполагает реставрацию и консервацию комплекса бывшей усадьбы (памятник архитектуры XIX–XX веков) с созданием туристического историко-культурного центра, который будет использоваться как площадка для организации культурно-массовых мероприятий; инвестиционные затраты планируются в 2,2 млн долларов США⁶.

Заключение

Государственно-частное партнерство в сфере культурного (историко-культурного, военно-исторического) наследия представляет собой правовой институт, регулирующий порядок установления и реализации на основе определенных в законе («О государственно-частном партнерстве») принципов взаимовыгодного сотрудничества государственного и частного партнеров, осуществляемого посредством объединения их мате-

риальных, финансовых, научно-технических и иных ресурсов, средств, собственности, а также распределения рисков для решения задачи сохранения, реставрации и иных форм восстановления объектов культурного наследия (памятников, историко-культурных ценностей), вовлечения их в гражданский оборот (использование в соответствии с их целевым предназначением, например, как форма увековечения памяти о защитниках Отечества или жертвах войн), оформленное на определенный срок, осуществляемое в договорной форме в виде соглашения (договора) о государственно-частном партнерстве.

Переосмысление института ГЧП предлагает переход на новую доктрину – *публично-частного партнерства*, которое понимается как юридически оформленное на определенный срок сотрудничество государственного и частного партнеров с возможным участием заинтересованной общественности (например, общества охраны памятников истории и культуры, других общественных объединений такой же целевой направленности) (сходное предложение уже высказано, относится оно к сфере охраны в экологической сфере и охране окружающей природной среды⁷). Как видно, в результате появляется еще один (новый) участник партнерства – заинтересованная общественность.

Продолжает оставаться актуальной проблема подготовки специалистов в области ГЧП, и в этом плане может быть интересен опыт Республики Беларусь, где в Гродненском государственном университете им. Янки Купалы (на юридическом факультете) ведется преподавание дисциплины магистратуры «Государственно-частное партнерство». Будущие юристы обучаются современным практикам привлечения инвестиций в национальную экономику, правовому обеспечению этого процесса и смогут эффективно использовать необходимые инструменты для оформления и реализации проектов ГЧП.

⁶ Национальное агентство инвестиций и приватизации. Объекты транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры: инициативы ГЧП для частного бизнеса. URL: https://investinbelarus.by/upload/medialibrary/93c/5dzd1qqwtm4lpcm9auvslf4006vpnaar/Sbornik-GCHP-initsiativ-2024-_1_.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

⁷ Курилович М.П. Правовое обеспечение публично-частного партнерства в экологических отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2023. С. 12.

Список источников

1. Швед А.И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид: современный опыт Республики Беларусь // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 13-21. <https://elibrary.ru/dqmmri>
2. Аль-Рубайе Х.Д.В. Проблемы реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере культуры Республики Ирак // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. С. 210-213. <https://elibrary.ru/mcvmwk>
3. Борщевский Г.А. Государственно-частное партнерство. Москва: Изд-во «Юрайт», 2023. 412 с. <https://elibrary.ru/fetzdg>
4. Шарapa E.B. Направления развития государственно-частного партнерства в Республике Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 5. Экономика и управление. 2022. № 1 (256). С. 118-124. <https://doi.org/10.52065/2520-6877-2022-256-1-118-124>, <https://elibrary.ru/vvqgpm>
5. Маслова С.В. Трансформация модели правового регулирования государственно-частного партнерства в свете концепции устойчивого развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 78-103. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.78.103>, <https://elibrary.ru/rmmpsm>
6. Симченко Э.Е., Шабаль Ю.А. Формирование институтов государственно-частного партнерства в Республике Беларусь // Весті БДПУ. Серія 2. Гісторія. Філософія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2021. № 1 (107). С. 59-63. <https://elibrary.ru/yinxnd>
7. Мартыненко И.Э., Розгон О.В. Функционирование технологических парков как одно из направлений государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 5. Гродно: Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2020. С. 111-121. <https://elibrary.ru/sihloe>
8. Мартыненко И.Э. Белорусский опыт систематизации законодательства об охране объектов культурного наследия посредством кодификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 190-211. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.190.212>, <https://elibrary.ru/tipxft>
9. Мартыненко И.Э. Кодекс о культуре – новый этап развития законодательства об охране объектов культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 4. С. 8-15. <https://elibrary.ru/xhylnb>
10. Головизнин А.В. Социально-правовые аспекты инвестирования в объекты культурного наследия (на примере Свердловской области) // Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.А. Задорина. Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 159-163. <https://elibrary.ru/jgnwrc>

References

1. Shved A.I. (2025). Legal basis for bringing to justice for genocide: modern experience of the Republic of Belarus. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, no. 2 (106), pp. 13-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dqmmri>
2. Al-Rubaie H.J.V (2024). Problems of implementation of public-private partnership projects in the field of culture of the Republic of Iraq. In: *Aktual'nye problemy razvitiya pravovykh institutov v kontekste global'nykh vyzovov = Current Issues in the Development of Legal Institutions in the Context of Global Challenges*. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., pp. 210-213. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mcvmwk>
3. Borshchevskii G.A. (2023). *Public-Private Partnership*. Moscow, Yurait Publ., 412 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fetzdg>
4. Sharapa E.V. (2022). Directions of development of public-private partnership in the Republic of Belarus. *Trudy BGTU. Ser. 5. Ekonomika i upravlenie = Proceedings of BSTU. Issue 5. Economics and Management*, no. 1 (256), pp. 118-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.52065/2520-6877-2022-256-1-118-124>, <https://elibrary.ru/vvqgpm>
5. Maslova S.V. (2023). Transformation of public private partnership legal regulation model in light of “sustainable development” theory. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 78-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.78.103>, <https://elibrary.ru/rmmpsm>
6. Simchenko E.E., Shabal' Yu.A. (2021). Forming of institutes of state and private partnership in the Republic of Belarus. *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika*.

- Kul'turalogiya* = *Bulletin of BSPU. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Cultural Science*, no. 1 (107), pp. 59-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yinxnd>
7. Martynenko I.E., Rozgon O.V. (2020). The functioning of technology parks as one of the directions of public-private partnership in the innovation sphere. In: *Problemy grazhdanskogo prava i protsesssa. Vyp. 5 = Problems of Civil Law and Process*. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., issue 5, pp. 111-121. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sihloe>
 8. Martynenko I.E. (2024). Belarusian experience of systematization of legislation on protecting cultural heritage through codification. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* = *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 1, pp. 190-211. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.190.212>, <https://elibrary.ru/tipxft>
 9. Martynenko I.E. (2016). Code of culture – new stage in development of legislation on protection of cultural heritage sites. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo* = *Culture: Management, Economy, Law*, no. 4, pp. 8-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhylnb>
 10. Goloviznin A.V. (2022). Socio-legal aspects of investing in cultural heritage sites (using the example of the Sverdlovsk region). *Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Finansovye i pravovye aspekty sotsial'no orientirovannogo investirovaniya»* = *Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference "Financial and Legal Aspects of Socially Oriented Investment"*. Yekaterinburg, Ural State University of Economics and Law Publ., pp. 159-163. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jgnwrc>

Поступила в редакцию / Received 22.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-521-531>

Шифр научной специальности 5.1.2

Право и биомедицина: опыт Казахстана

Романовский Георгий Борисович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ фундаментальных и прикладных исследований, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40; профессор кафедры уголовного права и процесса, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Саранске, 430003, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6; главный научный сотрудник Юридического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, SPIN-код: 2791-8376, РИНЦ AuthorID: 422344, ResearcherID: S-7012-2016, Scopus Author ID: 57191983029, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, vlad1993gb@gmail.com

Романовская Екатерина Андреевна,

инженер-исследователь НИИ фундаментальных и прикладных исследований, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, SPIN-код: 9687-7992, РИНЦ AuthorID: 1314724, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

Аннотация

Представлено сравнительно-правовое исследование регулирования современной биомедицины в Республике Казахстан. Обозначено, что в этой стране проведена кодификация здравоохранительного законодательства, что заметно облегчает работу юристам-правоприменителям, а также представителям медицинской профессиональной корпорации. Выделены такие аспекты регулирования биомедицинской деятельности, как вспомогательные репродуктивные технологии, трансплантология, оборот лекарственных препаратов передовой терапии, организация биобанков. Рассмотрен опыт регламентации геномной медицины. Проведен анализ основных положений Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК, а также отдельных подзаконных актов в соответствии с тематикой исследования. Обозначены положения, которые могли бы быть учтены при совершенствовании российского законодательства, в числе которых регламентация преимплантационного генетического тестирования, организация деятельности биобанков, оборота лекарственных препаратов передовой терапии, некоторых элементов организации донорства органов (тканей) человека (как например, создание Координационного центра по трансплантации и др.). Сделан вывод, что в Кодексе предусматриваются права граждан Республики Казахстан и семьи в сфере охраны репродуктивного здоровья, что пересекается с концепцией репродуктивных прав человека, подвергающейся критике со стороны многих ученых-юристов как в России, так и за рубежом. Выделены особенности оказания медицинской помощи в рамках общепринятого исключения «Hospital exemption» («госпитальное исключение»).

Ключевые слова

публичное право, биомедицинские технологии, Казахстан, лекарственные препараты передовой терапии, геномная медицина, трансплантология

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Вклад авторов

Г.Б. Романовский – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, окончательное редактирование. Е.А. Романовская – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Романовский Г.Б. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования

Романовский Г.Б., Романовская Е.А. Право и биомедицина: опыт Казахстана // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 521-531. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-521-531>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-521-531>

OECD 5.05; ASJC 3308

Law and biomedicine: Kazakhstan's experience

Georgii B. Romanovskii,

Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of Fundamental and Applied Research, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation; Professor of Criminal Law and Procedure Department, All-Russian State University of Justice, branch office in Saransk, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russian Federation; Chief Researcher at the Law Institute, Ogarev National Research Mordovian State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation, SPIN-code: 2791-8376, RSCI AuthorID: 422344, ResearcherID: S-7012-2016, Scopus Author ID: 57191983029, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, vlad1993gb@gmail.com

Ekaterina A. Romanovskaya,

Research Engineer at the Research Institute of Fundamental and Applied Research, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, SPIN-code: 9687-7992, RSCI AuthorID: 1314724, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

Abstract

A comparative legal study of the regulation of modern biomedicine in the Republic of Kazakhstan is presented. It is indicated that healthcare legislation has been codified in this country, which significantly facilitates the work of law enforcement lawyers, as well as representatives of a medical professional corporation. Aspects of regulation of biomedical activities such as assisted reproductive technologies, transplantology, the turnover of advanced therapy drugs, and the organization of biobanks are highlighted. The experience of genomic medicine regulation is considered. The analysis of the main provisions of the Code of the Republic of Kazakhstan “On the Health of the people and the healthcare system” dated July 7, 2020 No. 360-VI SAM, as well as individual by-laws in accordance with the subject of the study. The provisions that could be taken into account when improving Russian legislation are outlined, including the regulation of preimplantation genetic testing, the organization of biobanks, the turnover of medicines for advanced therapy, and some elements of the organization of human organ (tissue) donation (such as the creation of a Transplant Coordination Center, etc.). It is concluded that the Code provides for the rights of citizens of the Republic of Kazakhstan and the family in the field of reproductive health, which overlaps with the concept of reproductive human rights, which has been criticized by many legal scholars both in Russia and abroad. The features of providing medical care within the framework of the generally accepted exception “Hospital exception” are highlighted.

Keywords

public law, biomedical technologies, Kazakhstan, medicines for advanced therapy, genomic medicine, transplantology

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the scientific project No. 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Authors' contribution

G.B. Romanovskii – concept development, normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript final revision. E.A. Romanovskaya – normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

Georgii B. Romanovskii is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The authors declares no other conflicts of interest.

For citation

Romanovskii, G.B., & Romanovskaya, E.A. (2025). Law and biomedicine: Kazakhstan's experience. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 521-531. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-521-531>

Введение

Республика Казахстан – наш ближайший сосед и стратегический партнер по многим направлениям развития. Применительно к теме исследования Республика имеет развитое законодательство в сфере здравоохранения и, в отличие от Российской Федерации, осуществила его кодификацию. В настоящее время в стране действует Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК)¹. Обратим внимание, что первый вариант Кодекса был принят еще в 2009 г., что свидетельствует о проделанной работе и поиске путей совершенствования здравоохранительного законодательства. Многие эксперты отмечают его последовательность, понятность, системность и непротиворечивость. На кодификацию российского законодательства в сфере здравоохранения настаивают многие российские эксперты [1; 2]. Данное предложение в целом поддерживается отраслевым министерством.

История биомедицины в Казахстане имеет некоторые общие черты с российской: ее начало черпает себя в трансплантологии и вспомогательных репродуктивных технологиях с конца 1980-х гг. В 1988 г. впервые

была проведена внутриматочная инсеминация спермой донора. 5 октября 1995 г. в Государственном центре репродукции человека впервые была открыта лаборатория ЭКО. 31 июля 1996 г. был рожден первый в Казахстане ребенок «из пробирки» [3]. Существенную помощь в этом направлении оказывали российские специалисты. Сейчас репродуктивные технологии реализуются с учетом возможностей мировой медицины, хотя подчеркивается стоимость ряда манипуляций, позволяющих улучшить процесс, но имеющих также неоднозначную этическую оценку (как например, вид преимплантационного генетического тестирования ПГТ А, являющегося эффективным методом выявления эуплоидных эмбрионов (с хромосомной аномалией) [4]. Следует отметить, что Казахстан – одно из немногих государств, где был принят закон, определяющий репродуктивные права человека – Закон Республики Казахстан от 16 июня 2004 г. № 565-2 «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления». В настоящее время его основные положения включены в упомянутый выше Кодекс.

Институционально основные достижения в области биомедицины формируются в Школе медицины Назарбаев Университета и Институте генетики и физиологии. Обе организации имеют недавнюю историю. Университет был открыт в 2010 г., Институт – в

¹ Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34464437 (дата обращения: 11.06.2025).

1995 г. Даты открытия показывают, что Казахстан только встает на путь развития современной биомедицины. На это указывают и другие знаковые события: первая операция по пересадке легких была проведена в 2016 г., фетальная хирургия получила старт в 2024 г. В 2020 г. констатировалась малая доля расходов на научные биомедицинские исследования, примерно 0,005 % ВВП (для сравнения в США на тот момент расходы составляли 0,5 % ВВП, с учетом расходов частных фармацевтических компаний). Подобное отношение сказалось на количестве клинических исследований, показывающем серьезное отставание от европейских стран, стран Евразийского Экономического Союза, стран ШОС. В настоящее время Казахстан пытается наверстать упущенное, для достижения обновленных хороших результатов сформирована целостная правовая основа, которая должна дать свой положительный эффект.

Основные положения законодательства Республики Казахстан

Наличие кодифицированного акта упрощает анализ законодательных основ биомедицины в Казахстане. Есть системный документ, где подзаконные акты нацелены на развитие его положений. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 г. № 945 утверждена Концепция развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года, в соответствии с которой обозначен переход от традиционной системы здравоохранения к пациенто-центричной медицине. Иными словами заявлена цель – медицина 4Р, включающая в себя 4 ключевые характеристики:

- персонализированная (personalized medicine);
- предикативная, или предсказательная (predictive medicine);
- превентивная, или профилактическая (preventive medicine);
- партисипативная (participatory medicine).

Аббревиатура используется именно «4Р», поскольку это международно-признанный термин по первым буквам каждого признака, хотя в русской версии происходит

совпадение, но «4П» редко обозначается как новая пациенто-центричная модель здравоохранения.

Обратим внимание на ключевые положения Кодекса, посвященные биомедицинским исследованиям.

Обращает внимание закрепление значительного объема понятийного аппарата. В статье 1 представлены определения биомедицинского исследования, биотехнологического лекарственного препарата, биоэтики и др. В качестве примера следует привести:

– биомедицинское исследование – исследование, целью которого является получение научными методами новых знаний о жизни, здоровье человека, заболеваниях, их диагностике, лечении или профилактике, а также генетических и экологических факторах, связанных с процессами жизни, болезнями и здоровьем;

– биоэтика – междисциплинарное научное направление, объединяющее биомедицинские и гуманитарные науки с целью анализа моральных, социальных, правовых аспектов применения новейших достижений наук о жизни.

Вряд ли стоит признать такой формализованный подход (примененный и в том, и другом понятиях) удачным. Зарубежный опыт показывает, что при регулировании биомедицинских исследований определяется предмет воздействия, который имеет как раз направленный медицинский характер. В Республике Казахстан приведенные понятия носят широкий характер, поскольку новые знания о жизни и здоровье человека определяются не только биомедицинскими исследованиями.

Традиционный подход в понимании современной биомедицины исходит из следующего ее содержания:

- вспомогательные репродуктивные технологии;
- геномная медицина;
- нейромедицина и когнитивные технологии;
- регенеративная медицина;
- трансплантология [5].

Как отмечалось выше, в Республике Казахстан некоторое время действовал специальный закон, посвященный репродуктив-

ным правам, сквозь призму которых определялся правовой режим вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Данная концепция, принятая еще в 2004 г., оказала свое влияние на статью 79 Кодекса, закрепляющую права граждан Республики Казахстан и семьи в сфере охраны репродуктивных прав. Необходимо отметить, что само выделение такой группы прав («репродуктивные права») не имеет однозначной поддержки в юридической науке (как в российской [6], так и за рубежом [7; 8]). К тому же формулирование некоторых возможностей в репродуктивной сфере как права граждан имеет далеко неоднозначное содержание. Например, граждане Республики Казахстан имеют право на свободный репродуктивный выбор. Однако реализация данного права зависит не только от воли субъекта, но и того, к кому обращен репродуктивный выбор. Традиционно для успешного осуществления необходима инициатива двух граждан, причем различного пола. Указывать на свободу в столь чувствительной сфере было бы не продуманным заявлением. Претензии могут быть предъявлены также к закреплению таких прав как право на предотвращение нежелательной беременности, на свободное принятие решения относительно количества детей и времени их рождения в браке или вне брака, интервалов между рождениями, необходимых для сохранения здоровья матери и ребенка. Свободное принятие решения о рождении детей вне брака – фактическое провозглашение права на адюльтер. Семейное законодательство большинства стран (в частности, Семейный кодекс России) исходит из равенства супругов в решении личных неимущественных вопросов совместного жития. Происходит путаница, когда действительность (рождение ребенка вне брака) облачается в такую правовую формулировку, которая должна гарантироваться государством. Общая оговорка (в статье 79 Кодекса), что граждане обязаны соблюдать права, свободы и законные интересы других лиц при осуществлении своих репродуктивных прав, не является необходимой корректировкой.

Понятие ВРТ представлено в статье 146 Кодекса, допуск к которым возможен как для лиц, состоящих в браке, так и одиноких мужчин и женщин. Правила и условия

проведения вспомогательных репродуктивных методов и технологий утверждены Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15 декабря 2020 г. № КР ДСМ-272/2020. Данный документ имеет общие черты с российским вариантом регулирования ВРТ, определяемым Приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Значимым дополнением Правил в Казахстане выступает наличие специальной главы 6 «Преимплантационное генетическое тестирование» (ПГТ; такой элемент отсутствует в российском документе). ПГТ возможно по желанию пациентов или по показаниям (перечислены в пункте 62 Правил). Такой либерализм не характерен для большинства стран, где преобладает жесткий регуляторный подход. Например, Закон Норвегии о биотехнологии² допускает ПГТ только при наличии медицинских показаний, сама процедура подробно регламентирована. В Германии в 2011 г. принят Закон о регулировании преимплантационной диагностики³, согласно которому действует общее правило: ПГТ – уголовно наказуемое деяние, за которое предусматривается лишение свободы сроком до трех лет или штраф. Только при наличии определенных медицинских показаний ПГТ проводится в строго определенной процедуре. Каждые четыре года Федеральное правительство готовит отчет о проведенной диагностике, в котором содержатся не только количественные данные, но и их научная оценка.

Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» устанавливает общий запрет на использование эмбриона для коммерческих, военных и промышленных целей. Вывоз из Республики Казахстан половых клеток, человеческого эмбриона в коммерческих, военных или

² Lov om humanmedisinsk bruk av bioteknologi m.m. (bioteknologiloven). URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-12-05-100> (accessed: 11.06.2025).

³ Gesetz zur Regelung der Präimplantationsdiagnostik (Präimplantationsdiagnostikgesetz – PräimpG. URL: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-zur-regelung-der-pr%C3%A4implantationsdiagnostik-pr%C3%A4implantationsdiagnostikgesetz-pr%C3%A4impG/34966> (accessed: 11.06.2025).

промышленных целях не допускается. Допускается донорство половых клеток, тканей и репродуктивных органов. В ряде европейских стран донорство репродуктивных органов запрещено. Правила и условия проведения донорства половых клеток, тканей репродуктивных органов утверждены Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 8 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-236/2020. Запрет на использование донорского материала при рождении определенного числа детей нет, но есть уточнение: «Рождение 10 (десяти) детей от одного донора является основанием для прекращения использования этого донора для реципиентов» (пункт 3 Приказа). Донорство может быть платным и безвозмездным, анонимным и неанонимным. Применяется только криоконсервированная донорская сперма. Допускается донорство эмбрионов. Доноры не имеют права на информацию о дальнейшей судьбе своих донорских половых клеток, тканей репродуктивных органов.

Закрепляется право женщины на искусственное прерывание беременности (статья 150 Кодекса), но в рамках триместрового подхода: до 12 недель срока беременности – по желанию; до 22 недель – по социальным показаниям, вне зависимости от срока беременности – по медицинским показаниям. Правила проведения искусственного прерывания беременности, а также Перечень медицинских и социальных показаний, а также противопоказаний для проведения искусственного прерывания беременности утверждены Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 9 октября 2020 г. № ҚР ДСМ-122/2020. Перечень социальных показаний достаточно широк и включает такие основания, как пребывание женщины или ее супруга в местах лишения свободы; случаи, когда женщина и ее супруг признаны в установленном порядке безработными; наличие в семье ребенка-инвалида и др. Искусственное прерывание беременности несовершеннолетним производится с согласия их родителей или иных законных представителей. В 2023 г. на общественное обсуждение был представлен проект Постановления Правительства РК «Об утверждении Концепции развития службы охраны здоровья матери и ребенка в Республике Казахстан на

2024–2030 годы», который был нацелен на поощрение материнства и снижение числа абортов. Однако Концепция так и не была утверждена.

Статья 151 Кодекса предусматривает правовые основы хирургической стерилизации как метода предупреждения нежелательной беременности. Проводится только при наличии информированного согласия пациента с обязательным предварительным уведомлением о необратимости данной операции. Правила и условия проведения хирургической стерилизации установлены Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 6 ноября 2020 г. № ҚР ДСМ-185/2020. Статья 152 Кодекса предусматривает химическую кастрацию – «прием пациентом препаратов, снижающих половое влечение, который осуществляется в медицинской организации на основании решения суда». Порядок ее применения регулируется Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-262/2020 «Об утверждении правил применения принудительной меры медицинского характера». Применение принудительной меры медицинского характера в виде химической кастрации проводится на основании решения суда в целях предупреждения состояния декомпенсации у лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних).

Статья 156 Кодекса определяет порядок изменения половой принадлежности: «Лица с расстройствами половой идентификации, достигшие двадцати одного года, дееспособные, кроме лиц с психическими, поведенческими расстройствами (заболеваниями), имеют право на смену пола». Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 25 ноября 2020 г. № ҚР ДСМ-203/2020 утверждены Правила медицинского освидетельствования и проведения смены пола для лиц с расстройствами половой идентификации.

Донорство органов (тканей) человека регулируется статьями 209–216 Кодекса. Обозначим основные моменты:

– ведутся специализированные регистры, в том числе лиц, изъявивших согласие

на посмертное донорство (такое согласие можно оформить через «электронное правительство»);

- прижизненное донорство может быть от генетически совместимого лица, или имеющего тканевую совместимость (наличие родственных связей не является обязательным условием);

- несогласие на посмертное изъятие органов (тканей) от близких родственников должны быть заявлено до момента изъятия;

- создается Координационный центр по трансплантации;

- операции по пересадке могут осуществляться только в государственных медицинских организациях, или организациях, где 100 % уставного капитала принадлежит государству;

- сведения о доноре и реципиенте носят конфиденциальный характер;

- определен правовой режим трансплантации искусственных органов (части органа) и (или) тканей (части ткани).

Устанавливается особый порядок трансграничного перемещения органов (тканей) человека, гемопоэтических стволовых клеток (костного мозга), донорских лимфоцитов, половых клеток, эмбрионов (статьи 217–219 Кодекса). Основные цели: оказание медицинской помощи; диагностическая, исследовательская (причем эта деятельность должна быть совместной). Ввоз (вывоз), сопряженный с государствами, не являющимися членами Евразийского экономического союза, осуществляется только на основании разрешения и лицензии. Ввоз и вывоз органов (части органа) и (или) тканей (части ткани) человека, половых клеток и эмбрионов, гемопоэтических стволовых клеток (костного мозга), донорских лимфоцитов физическими лицами не допускаются. В Российской Федерации неоднократно публиковался проект Федерального закона, посвященный обновленному порядку донорства органов, проводились общественные обсуждения [9], но итоговый документ так и не был внесен в парламент страны.

Глава 26 Кодекса посвящена научной деятельности в области здравоохранения, в рамках которой статья 227 определяет правовой режим биомедицинских исследова-

ний. Создание человеческих эмбрионов для целей биомедицинских исследований, а также клонирование (репродуктивное) человека запрещены. Биомедицинские исследования эмбрионов человека или плодов человека, во время которых или после которых человеческий эмбрион или человеческий зародыш разрушается, запрещены. Обязательными условиями проведения биомедицинских исследований является положительное заключение комиссии по биоэтике, а для интервенционных клинических исследований также оформление документов о страховании жизни и здоровья участника исследования. Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-310/2020 утверждены Правила проведения биомедицинских исследований и требования к исследовательским центрам. Правила применения новых методов диагностики, лечения и медицинской реабилитации утверждены Приказом Минздрава Республики Казахстан от 27 ноября 2020 г. № ҚР ДСМ-208/2020.

Статья 228 Кодекса определяет статус Центральной комиссии по биоэтике. Кроме нее создаются также локальные комиссии по биоэтике. В то же время с учетом полномочий Центральной комиссии (а именно: мониторинг биомедицинских исследований, их анализ, информирование общества по вопросам биоэтики, участие в разработке документов по биоэтике и др.) ее деятельность не носит открытый характер. В сети Интернет отсутствует информация о текущей деятельности Комиссии, принятых документах, каких-то заключениях и итоговых отчетов. Положение о Центральной комиссии по биоэтике утверждено Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 23 октября 2020 г. № ҚР ДСМ-151/2020. Аналогичные органы созданы за рубежом. Например, во Франции – это Национальный консультативный этический комитет⁴, который уполномочен на разработку и принятие официальных заключений, в которых представлены этические рекомендации по наиболее актуальным вопросам в сфере биомедицинских технологий. В частности, Коми-

⁴ Comité consultatif national d'éthique. URL: <https://www.ccne-ethique.fr/fr> (consulté: 11.06.2025).

тетом опубликованы «Рамки этической экспертизы клинических исследований. Содействие клиническим исследованиям без ущерба для защиты прав человека (28 марта 2024 г.)», «Медицинская диагностика и искусственный интеллект: этические вопросы (24 ноября 2022 г., опубликовано в 2023 г.)» и др. Дополним, что Франция стала первой страной в мире, где был создан подобный консультативный орган.

Статья 229 Кодекса регулирует статус биобанков, которые могут создаваться только на базе медицинских организаций, образовательных или научных и на основании положительного заключения Центральной комиссии по биоэтике. Правила создания и деятельности биобанков утверждены Приказом и.о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 24 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-328/2020. В Российской Федерации (при общем понимании актуальности установления правового режима биобанков) отсутствует надлежащее регулирование таких хранилищ биологических образцов.

Только в развитие требований Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» принят Приказ Минздрава России от 20 октября 2017 г. № 842н, утвердивший требования к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов. При этом технические правила определены Национальными стандартами Российской Федерации, среди которых следует выделить ГОСТ Р ИСО 20387-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования» (утвержден Приказом Росстандарта от 21 октября 2021 г. № 1233-ст), ГОСТ Р ИСО 24603-2024 «Национальный стандарт Российской Федерации. Биотехнология. Биобанкинг. Требования к плюрипотентным стволовым клеткам человека и мыши» (утвержден Приказом Росстандарта от 03.05.2024 г. № 580-ст). Такой технологический подход не соответствует уровню многих ключевых проблем, возникающих в силу «генетизации жизни»,

когда биобанк в условиях биомедицинского прогресса становится не только источником полезной информации, но и новых рисков и угроз [10]. В российской юридической науке неоднократно поднимался вопрос о принятии специального закона (или хотя бы общего подзаконного акта) [11; 12], определяющего правовой режим биобанков, но он не находил своей поддержки у российских законодателей.

Обратим особое внимание на статью 243 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», устанавливающую порядок применения лекарственных средств передовой терапии. Сами такие лекарства разделены на две группы: серийного производства и для индивидуального применения. Правила допуска к применению, применения и мониторинга эффективности и безопасности применения лекарственных средств передовой терапии утверждены Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 22 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-312/2020. Разделение лекарств на две группы обуславливает разные подходы к допуску на рынок. Лекарства серийного производства должны пройти стандартную процедуру государственной регистрации, что позволяет их запускать в производство и оборот. Лекарства для индивидуального применения могут использоваться при наличии положительных результатов клинических исследований, а также при наличии положительного заключения экспертной организации в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий без процедуры государственной регистрации. Кроме того, в исключительных случаях лекарственные средства передовой терапии, произведенные для индивидуального применения, применяются без проведения клинических исследований в рамках исключения из стандартной процедуры допуска лекарственного средства на рынок, но при наличии специальных условий:

1) наличия положительного заключения локальной Комиссии по биоэтике;

2) наличия научных оснований ожидать, что применение лекарственного средства передовой терапии принесет непосредственную пользу пациенту;

3) получения информированного согласия пациента или его законного представителя на применение лекарственного средства передовой терапии.

Ответственность по соблюдению указанных условий возлагается на врача, назначающего такое лекарственное средство. В странах Западной Европы такой исключительный порядок применения лекарственных средств получил специальное наименование “Hospital exemption” – фармацевтическое исключение для медицинских организаций, позволяющее им применять препарат передовой терапии без централизованной регистрации, если он используется в организации, где и был произведен под конкретного пациента. Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 8 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-240/2020 утверждены Правила применения лекарственных средств передовой терапии в рамках исключения из стандартной процедуры допуска лекарственного средства на рынок, а также перечень медицинских организаций, имеющих право осуществлять лечение в рамках Hospital exemption. Статья 243 Кодекса вобрала в себя все основные положения, которые представлены в российском федеральном законе, регулирующем порядок обращения биомедицинских клеточных продуктов, но при этом сняв административную нагрузку с медицинской системы и упростив допуск передовых лекарственных средств для лиц, нуждающихся в такой терапии. Приказ от 8 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-240/2020 указывает, что лекарственные средства передовой терапии изготавливаются не в промышленных условиях и производятся из клеток, тканей или других биологических материалов. Изготавливаются индивидуально под конкретного пациента по назначению лечащего врача (осуществляющим и мониторинг использования), не будут передаваться в иную медицинскую организацию. Медицинская организация имеет в штате специалистов, имеющих соответствующие профессиональные навыки, а также соответствующую инфраструктуру, и имеет условия для обеспечения надлежащих биоэтических принципов при применении лекарственных средств. Аналогичный упрощенный для применения подход принят в

Европейском Союзе [13]. Его правовая основа – Регламент (ЕС) 1394/2007 Европейского парламента и Совета о лекарственных средствах для передовой терапии и изменяющий Директиву 2001/83/ЕС⁵.

Заключение

1. Медицинские работники Республики Казахстан в тесном сотрудничестве с коллегами из Российской Федерации долгое время перенимали опыт проведения биомедицинских исследований. Сейчас можно констатировать самостоятельный вектор развития, который опирается на мировой опыт, с ориентацией на технологические решения, представленные учеными из стран западной Европы и Китая, при сохранении тесных контактов с учеными из России. Это обусловило собственные подходы в правовом регулировании биомедицинской сферы, которые содержат как российский опыт регламентации наиболее чувствительных вопросов, так и европейский, а также стран-лидеров Азии (Китай, Япония, Южная Корея).

2. Здравоохранительное законодательство в Республике Казахстан кодифицировано, что заметным образом упрощает работу правоприменителя, делает понятной регуляторную сферу для медицинских работников. Подзаконные акты принимаются оперативно, не создавая пробелы в текущей управленческой деятельности. Это означает, что все те аспекты, которые регулируются в Российской Федерации самостоятельными законами, регламентируются единым Кодексом Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения». Подчеркнем, что законодательство, определяющее оборот лекарственных препаратов, также инкорпорировано в упомянутый Кодекс.

3. При совершенствовании российского законодательства могут быть учтены следующие аспекты регулирования: правовой режим трансплантологии; порядок оборота лекарственных препаратов передовой терапии (учитывающий гибкие подходы доступ-

⁵ Regulation (EC) 1394/2007 of the European Parliament and of the Council on advanced therapy medicinal products and amending Directive 2001/83/EC / and Regulation (EC) № 726/2004. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32007R1394> (accessed: 11.06.2025).

ности некоторых препаратов, а именно произведенных с помощью геномодификации); правовой режим биобанков; вопросы орга-

низации и деятельности биоэтических комитетов; официальное юридическое закрепление биомедицинских терминов.

Список источников

1. Епифанова Е.В., Чупрова А.А., Хиль И.М. К вопросу о систематизации медицинского законодательства (теоретико-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 46-49. <https://elibrary.ru/xaqoxz>
2. Ситдикова Л.Б. Медицинское право как самостоятельная отрасль права: перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 1 (17). С. 80-88. <https://elibrary.ru/tlmmdh>
3. Рыбина А.Н., Исенова С.Ш., Локишин В.Н. Современные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий в мире и Казахстане // Вестник КазНМУ. 2019. № 1. С. 17-21. <https://elibrary.ru/qicupq>
4. Ахметова А., Байкошкарлова С., Дюсенова Б. Внедрение и управление инновациями в центре экстракорпорального оплодотворения: обзор литературы // Репродуктивная медицина (Центральная Азия). 2025. № 2. С. 12-22.
5. Александрова А.В., Берг Л.Н., Волков М.А. и др. Современное биомедицинское право. Москва, 2023. 480 с. <https://elibrary.ru/uyhkxr>
6. Троицкая А., Шевченко О. Вспомогательные репродуктивные технологии: неочевидные пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34. № 1 (162). С. 163-183. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2025-1-163-183>, <https://elibrary.ru/gueeai>
7. Berro Pizarrossa L. Here to stay: the evolution of sexual and reproductive health and rights in international human rights law // Laws. 2018. Vol. 7. № 3. Art. 29. <https://doi.org/10.3390/laws7030029>
8. El Kotni M., Singer E.O. Human rights and reproductive governance in transnational perspective // Medical Anthropology. 2019. Vol. 38. № 2. P. 118-122. <https://doi.org/10.1080/01459740.2018.1557164>
9. Романовская О.В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11 (71). С. 27-33. <https://elibrary.ru/xorfvb>
10. Белялетдинов Р.Р. Биобанки в контексте технонаучной биосоциальности: этика генетизации или генетизация этики? // Человек. 2019. Т. 30. № 6. С. 42-53. <https://doi.org/10.31857/S023620070007667-0>, <https://elibrary.ru/dzbagj>
11. Имекова М.П. Биобанк как объект прав // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 54-65. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.147>, <https://elibrary.ru/jfpxsi>
12. Сарманаев С.Х., Широков А.Ю., Васильев С.А. и др. Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации // Lex Russica. 2019. № 6. С. 153-160. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.153-160>, <https://elibrary.ru/ztlxf>
13. Ivaskiene T., Mauricas M., Ivaska J. Hospital exemption for advanced therapy medicinal products: issue in application in the European Union member states // Current Stem Cell Research & Therapy. 2016. Vol. 11. P. 1-7. <https://doi.org/10.2174/1574888x11666160714114854>

References

1. Epifanova E.V., Chuprova A.A., Khil' I.M. (2019). Systematization of medical legislation (theoretic and legal aspect). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and the State: Theory and Practice, no. 12 (180), pp. 46-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xaqoxz>
2. Sitdikova L.B. (2015). Medical law as the independent branch of law: development prospects. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki* = MCU Journal of Legal Sciences, no. 1 (17), pp. 80-88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tlmmdh>
3. Rybina A.N., Isenova S.S., Lokshin V.N. (2019). Modern aspects of assisted reproductive technologies in the world and Kazakhstan. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo meditsinskogo universiteta* = Bulletin of the Kazakh National Medical University, no. 1, pp. 17-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qicupq>
4. Akhmetova A., Baikoshkarova S., Dyusenova B. (2025). Implementation and management of innovations in the center of in vitro fertilization: literature review. *Reproduktivnaya meditsina (Tsentral'naya Aziya)* = Reproductive Medicine (Central Asia), no. 2, pp. 12-22. (In Russ.)
5. Aleksandrova A.V., Berg L.N., Volkov M.A. et al. (2023). *Modern Biomedical Law*. Moscow, 480 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uyhkxr>

6. Troitskaya A., Shevchenko O. (2025). Assisted reproductive technologies: non-obvious limits of protection. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* = *Comparative Constitutional Review*, vol. 34, no. 1 (162), pp. 163-183. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2025-1-163-183>, <https://elibrary.ru/gueeai>
7. Berro Pizzarossa L. (2018). Here to stay: the evolution of sexual and reproductive health and rights in international human rights law. *Laws*, vol. 7, no. 3, article 29. <https://doi.org/10.3390/laws7030029>
8. El Kotni M., Singer E.O. (2019). Human rights and reproductive governance in transnational perspective. *Medical Anthropology*, vol. 38, no. 2, pp. 118-122. <https://doi.org/10.1080/01459740.2018.1557164>
9. Romanovskaya O.V. (2016). Legislation in the field of transplantation: problems and prospects of development. *Sud'ya* = *Judge*, no. 11 (71), pp. 27-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xorfvb>
10. Belyaletdinov R.R. (2019). Biobanks in the context of techno-scientific biosociality: ethics of genetization or genetization of ethics? *Chelovek* = *Human Being*, vol. 30, no. 6, pp. 42-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S023620070007667-0>, <https://elibrary.ru/dzbagj>
11. Imekova M.P. (2020). Biobank as an object of rights. *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*, no. 12, pp. 54-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.147>, <https://elibrary.ru/jfpxxi>
12. Sarmanaev S.Kh., Shirokov A.Yu., Vasil'ev S.A. et al. (2019). Proposals for extending the Russian biobanks functions to protect genomic information. *Lex Russica*, no. 6, pp. 153-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.153-160>, <https://elibrary.ru/ztltnxf>
13. Ivaskiene T., Mauricas M., Ivaska J. (2016). Hospital exemption for advanced therapy medicinal products: issue in application in the European Union member states. *Current Stem Cell Research & Therapy*, vol. 11, pp. 1-7. <https://doi.org/10.2174/1574888x11666160714114854>

Поступила в редакцию / Received 12.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-532-538>

Шифр научной специальности 5.1.5

Проблема реализации нематериальной ответственности в международном праве

Матчанова Зоя Шарифовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, SPIN-код: 6205-5250, РИНЦ AuthorID 525436, Scopus AuthorID 59262667400, Google Scholar ID ST6gh5wAAAAJ, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>, zoya2310@yandex.ru

Аннотация

Нематериальная ответственность в международном праве реализуется достаточно фрагментарно, поскольку редко удается достичь необходимой полноты, своевременности и объективности в данной сфере правоотношений. Цель исследования состоит в раскрытии специфики реализации нематериальной ответственности в международном праве. В качестве основных методов были использованы такие общенаучные методы, как формально-юридический метод, методы анализа и синтеза, диалектический метод, дескриптивный метод. Отмечены основные формы реализации нематериальной ответственности в международном праве: сатисфакции, репрессалии, реторсии и непризнание, представляющие собой основу для должного реагирования на неправомерные действия или неправомерное бездействие субъектов международного права. Доказано, что трудности реализации нематериальной ответственности вытекают из самой природы этого вида ответственности – политической, моральной. Установлено, что травмирующие события образуют основное содержание нематериального ущерба в международном праве. Обосновано серьезное значение официального изъясления дружественного, уважительного отношения к другой стороне правоотношений нематериальной ответственности. Сделан вывод о том, что реализация нематериальной ответственности тесно связана с политикой государств. Результаты исследования могут быть востребованы как теорией международно-правовой ответственности, так и практикой межгосударственных отношений.

Ключевые слова

международно-правовая ответственность, нематериальная ответственность, моральный ущерб, правоотношения ответственности, травмирующее событие, инцидент, субъект-потерпевший, субъект-правонарушитель, сатисфакция

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

З.Ш. Матчанова – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Матчанова З.Ш. Проблема реализации нематериальной ответственности в международном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 532-538. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-532-538>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-532-538>

OECD 5.05; ASJC 3308

The problem of implementing intangible liability in international law

Zoya Sh. Matchanova,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor of International Law Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation, SPIN-code: 6205-5250, RSCI AuthorID 525436, Scopus AuthorID 59262667400, Google Scholar ID ST6gh5wAAAAJ, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>, zoya2310@yandex.ru

Abstract

Intangible liability in international law is implemented in a rather fragmented manner, as it is rarely possible to achieve the necessary completeness, timeliness, and objectivity in this area of legal relations. The aim of the study is to explore the specifics of the implementation of intangible liability in international law. The research methodology includes general scientific methods such as the formal-legal method, analysis methods of analysis and synthesis, the dialectical method, and the descriptive method. The main forms of implementation of intangible liability in international law are noted: satisfaction, reprisals, retorsion, and non-recognition, which provide a basis for a proper response to wrongful actions or wrongful inaction by subjects of international law. It is proven that the difficulties in implementing intangible responsibility stem from the very nature of this type of responsibility, which is political and moral. It has been established that traumatic events form the main content of intangible damage in international law. The importance of the official expression of friendly and respectful attitude towards the other party of the legal relationship of intangible responsibility has been substantiated. It has been concluded that the implementation of intangible liability is closely related to the policies of states. The results of this research can be useful for both the theory of international legal responsibility and the practice of interstate relations.

Keywords

international legal responsibility, intangible liability, moral damage, legal relations of liability, traumatic event, incident, victim subject, offender subject, satisfaction

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

Z.Sh. Matchanova – research idea and concept development, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Matchanova, Z.Sh. (2025). The problem of implementing intangible liability in international law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 532-538. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-532-538>

Введение

Международно-правовая ответственность – один из важнейших институтов международного права, без которого немис-

лимо международное право как таковое. Множество исследователей, даже те, кто не специализируется на теме ответственности непосредственно, не могут обойти внимани-

ем вопросы ответственности в международном праве, поскольку о какой бы отрасли не шла речь, всегда возникает тема соблюдения (несоблюдения) норм, гипотетически возможных или реально свершившихся нарушений и т. п.

Среди наиболее интересных научных работ последних лет, затрагивающих обозначенную проблематику, выделим, в частности, следующие: различные аспекты реализации международно-правовой ответственности в современном мире раскрываются в работе М.В. Кешнер «Право международной ответственности» [1], об особенностях ответственности государств за международные правонарушения пишут Е.А. Коновалова и Л.В. Кудрявцева в научной статье «Ответственность государств за нарушение норм международного права» [2], материальная и нематериальная ответственность, формы их реализации исследуются В.В. Косаревой в работе «Виды и формы международной ответственности государства за нарушения международного права» [3], специфика ответственности за отдельные виды международных правонарушений анализируется в статье К.И. Титовой «Международная ответственность за экологические преступления» [4].

Цель исследования состоит в раскрытии специфики реализации нематериальной ответственности в международном праве. Предпринята попытка раскрыть данную тематику именно как проблему, в которой прослеживаются как объективные, так и субъективные черты, которая, с большой вероятностью, останется проблемой еще на весьма длительную историческую перспективу, поскольку межгосударственные отношения полны противоречий и субъективности. Среди ранее неразработанных аспектов проблемы обратимся к травмирующим событиям, образующим основное содержание нематериального ущерба в международном праве и международных отношениях.

Методы

Использованы различные, принятые в юридических исследованиях в качестве основных, общенаучные методы, прежде всего, формально-юридический метод, методы анализа и синтеза, диалектический метод, а также дескриптивный метод.

Формально-юридический метод применен при раскрытии исследуемой проблематики в целом. Методы анализа и синтеза в совокупности с диалектическим методом позволили проникнуть в суть исследуемых явлений международной жизни и рассмотреть их во взаимосвязи и взаимодействии. Дескриптивный метод оказался востребованным при описании специфики и различных характерных черт правоотношений ответственности, какими они сложились к современному периоду развития института нематериальной ответственности в международном праве.

Результаты исследования

Весьма часто при проведении правового анализа международно-правовой ответственности мы апеллируем к разного рода практическим ситуациям, в которых причиняется материальный ущерб, в связи с чем сама проблема реализации ответственности в международном праве невольно воспринимается именно в таком ключе: как побудить правонарушителя действовать правомерно, как обезопасить от потенциального вреда свои законные материальные права и интересы, и, наконец, когда налицо причинение ущерба, как истребовать от правонарушителя возмещения причиненного ущерба в полном объеме.

При этом очень многие нарушения международного права не сопряжены с причинением именно материального (или – лишь материального) ущерба. Международная жизнь изобилует нарушениями нематериального (политического) свойства, что мы наблюдаем и в дипломатической практике государств, и в практике международного общения на высшем уровне, и в деятельности международных правительственных организаций и др. [5, с. 11-12].

Однако здесь следует сразу обозначить принципиальное отличие в поведении государств-потерпевших, которое можно наблюдать на практике. Так, если в случае причинения материального ущерба потерпевший, что совершенно очевидно, непременно заявит свои требования о возмещении к государству-правонарушителю, начнет необходимые процедуры, то в случае причинения нематериального ущерба потерпевший может медлить с принятием соответствующих

мер, вплоть до отказа со временем от каких-либо разбирательств по поводу конкретного инцидента.

Инцидент может трактоваться по-разному, но в любом случае речь идет о каком-либо событии (происшествии), повлекшем определенные негативные последствия. В контексте исследования вопросов международно-правовой ответственности понятие это довольно размытое, но в любых прочтениях оно однозначно приобрело негативную окраску. Например, в дипломатической практике инцидентом могут назвать скандальное заявление, сделанное на определенном мероприятии, затронувшее честь и репутацию какой-либо страны.

Нематериальный ущерб сам по себе довольно сложно устанавливается. Точнее, сложно устанавливаются его параметры: размер, степень, временная продолжительность негативного эффекта от содеянного и т. п. Хотя в данном случае мы говорим об объективных параметрах (характеристиках) [6, с. 8]. Еще сложнее доказать параметры субъективного свойства, которые основываются на внутреннем восприятии субъектом международного права соответствующего инцидента, на его оценке произошедшего. Такое восприятие может быть гипертрофированным, либо другие субъекты могут со своей позиции посчитать его таковым. Есть вероятность политических манипуляций на фоне каких-либо событий, на которые порой трудно реагировать с использованием сугубо правового инструментария.

Исходя из отмеченного выше, можно отметить, что реализация нематериальной ответственности тесно связана с политикой государств. Это тот случай, когда политика закономерно давит над правом. Так сложилось в практике межгосударственного взаимодействия на протяжении столетий, поэтому данное обстоятельство мы никак отдельно не оцениваем, а просто принимаем как сложившееся положение вещей.

Реализация нематериальной ответственности в международном праве не может быть сугубо формальной процедурой, здесь мы оперируем широким спектром категорий, относящихся к философии права и юридической этике. Так, например, на первый план выходит ключевое для юриспру-

денции понятие, без которого право просто не могло бы существовать, – справедливость. Справедливость в идеале должна быть главным мерилom в процессе выбора путей эффективной реализации нематериальной ответственности. Расхожее мнение о том, что справедливость субъективна («у каждого своя»), с позиции права не выдерживает критики. Также актуализируется вопрос об этических принципах и нормах взаимодействия субъектов на международной арене, то есть не только международно-правовые, но и иные механизмы и подходы оказываются востребованными.

Нематериальная ответственность реализуется в международном праве в различных формах, наиболее известными из которых являются следующие: сатисфакции, репрессалии, реторсии и непризнание. Наименования первых трех форм образованы от латинских терминов:

- *satisfactio* – «удовлетворять» (о требованиях, притязаниях);
- *reprehendo* – «осуждать» (но не в значении выносить приговор, а в значении порицания);
- *retorsio* – «совершать обратное действие» (отвечать, «возвращать» что-либо в ответ).

Значение четвертой формы говорит само за себя: непризнание – отказ признавать что-либо, будь то действие другого субъекта, его решение или даже статус и компетенции в целом.

Названные формы, совершенно очевидно, представляют собой основу для должного реагирования на неправомерные действия или неправомерное бездействие субъектов международного права [7, с. 215-216], когда неправомерность сопряжена с поведением, затрагивающим не материальные, а моральные, политические права и интересы.

Трудности реализации нематериальной ответственности вытекают из самой природы этого вида ответственности – политической, моральной. Однако нередко нематериальная ответственность дополняет собой ответственность материальную, и здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: возмещение материального вреда, по объективным причинам, является для большинства субъектов-потерпевших более существенной це-

лю, и на «фоне» этой приоритетной цели возмещение вреда морального отходит на второй план.

Очевидно, что ущерб (характер ущерба) – ключевой элемент в процессе привлечения к ответственности любого субъекта [8, с. 42]. Но в процессе реализации нематериальной ответственности есть еще одна важная составляющая: влияние на этот процесс характера и практики правоотношений субъекта-потерпевшего и субъекта-правонарушителя. Иными словами, при длительной практике дружественных, партнерских, а может (сугубо прагматически), взаимовыгодных отношений субъекты проща идут на компромиссы, вплоть до игнорирования какого-либо негативного, травмирующего события. А в отношениях, в которых явно присутствует взаимное недоверие и даже неприязнь (в том числе исторически длительная неприязнь, перетекающая временами в открытую вражду) [9, с. 52-53], даже незначительное по своему «содержанию» нарушение может вызвать широкий резонанс.

Выше нами было упомянуто понятие «травмирующее событие», и на этом вопросе следует остановиться отдельно. Подавляющее большинство случаев причинения нематериального, политического, морального ущерба сопряжено с событием или чередой событий (совокупностью эпизодов) травмирующего свойства. Травмирующий характер может иметь разную степень, а также разную временную продолжительность (если оценивать его негативный эффект во времени) [10, с. 20-21]. Кроме того, здесь также сталкиваемся с риском излишней субъективности оценок: например, возможно преувеличенное, гипертрофированное восприятие события либо его искусственная актуализация во времени, когда оно постоянно обсуждается на всех уровнях, отягощается все новыми и новыми интерпретациями глубоко негативного содержания. Но если исключить, или же просто не принимать в расчет разного рода политические манипуляции общественным мнением, то какой бы ни была характеристика травмирующего события, сам факт нанесенной травмы имеет колоссальное значение для реализации нематериальной ответственности на международно-правовом уровне.

Отношения государств весьма сложны и многогранны, поэтому совершенно закономерно, что даже среди дружественных государств, имеющих исторически длительные партнерские связи на международной арене, велика вероятность наступления событий, в которых один субъект причиняет нематериальный ущерб другому субъекту, действуя в конкретных обстоятельствах международной жизни.

Несмотря на то, что данная статья посвящена проблемам и трудностям реализации нематериальной ответственности в международном праве, и, в основном, речь идет о том, как сложно добиться определенных действий от стороны-правонарушителя, разумеется, существуют примеры того, как правонарушитель, осознавая содеянное, самостоятельно, добровольно, в кратчайшие сроки выступает с такой формой нематериальной ответственности, которая является наиболее уместной в конкретной ситуации. Хрестоматийным стал пример действий Соединенных Штатов Америки в 2015 г.

Так, в 2015 г. произошел трагический инцидент – Военно-воздушные силы США нанесли удар по госпиталю в афганской провинции Кундуз. В результате авиаудара погибли 22 человека, здание вместе с находящимся в нем медицинским оборудованием было разрушено. Тогда власти Соединенных Штатов Америки достаточно быстро отреагировали и назвали случившееся трагической ошибкой. Известно немало случаев таких трагических ошибок, когда в условиях вооруженных конфликтов в ходе отдельных операций наносились подобные удары по объектам социальной инфраструктуры, в результате которых также гибли мирные люди, но именно в этом случае извинения, соболезнования и объяснения были представлены на редкость оперативно и демонстративно. Вероятно, сыграл свою роль статус объекта: медицинское учреждение, по которому был нанесен воздушный удар, являлось госпиталем международной неправительственной организации «Врачи без границ», а среди погибших было 12 сотрудников данной организации. Президент США выразил свои глубокие соболезнования в связи с гибелью на территории Афганистана сотрудников названной организации и их пациентов, при-

чиной которой стали действия Военно-воздушных сил США¹.

В данном случае был реализован классический вариант ординарной сатисфакции как наиболее распространенной формы нематериальной ответственности: принесение извинений и выражение сожаления, соболезнования.

Опыт межгосударственного общения на протяжении столетий и дипломатическая практика государств показывают, что какими бы поверхностными и незначительными не казались бы такие формы, как извинения и сожаления в связи с каким-либо инцидентом, значение их огромно и переоценить его невозможно.

Так, например, когда в 2015 г. фронтовой бомбардировщик Су-24 Воздушно-космических сил России, выполнявший полет в рамках антитеррористической операции России в Сирии, был сбит ракетой, выпущенной истребителем Военно-воздушных сил Турции, президент Турции Р.Т. Эрдоган обратился с посланием к президенту Российской Федерации В.В. Путину, в котором принес извинения, выразил глубокое сожаление по поводу произошедшего инцидента, а также обратился со словами соболезнования в связи с гибелью российского военного пилота² (правда, сделано это было не сразу, а после довольно длительной паузы).

Как видим, это еще одна важная черта нематериальной ответственности – серьезное значение официального (в том числе демонстративного и даже торжественного) изъяснения своего дружественного, сочувственного, уважительного отношения к другой стороне правоотношений ответственности.

¹ Обама извинился перед «Врачами без границ» за обстрелы в Кундузе // РИА Новости. 7 октября 2015. URL: <https://ria.ru/20151007/1298430069.html?ysclid=llqjbo1587507707083> (дата обращения: 27.07.2025).

² Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый Су-24 // ТАСС. 26 июня 2016. URL: <https://tass.ru/politika/3407975?ysclid=llqjmgpxnw383826570> (дата обращения: 27.07.2025).

Список источников

1. Кешнер М.В. Право международной ответственности. Москва: Проспект, 2024. 240 с. <https://elibrary.ru/nhgowt>
2. Коновалова Е.А., Кудрявцева Л.В. Ответственность государств за нарушение норм международного права // Эпомен. 2021. № 64. С. 144-151. <https://elibrary.ru/ftfvmg>

Кроме того, это еще и очередное подтверждение важной роли грамотно выстроенной внешней политики и своего позиционирования на международной арене для каждого субъекта международного права.

Выводы

Реализация нематериальной ответственности в международном праве представляет собой сложную проблему, решение которой возможно лишь при эффективном и продуманном взаимодействии как международно-правовых инструментов, так и политических, в первую очередь, внешнеполитических, дипломатических средств и способов. Основная трудность состоит в том, что крайне сложно «прописать» универсальный алгоритм действий для субъектов международного права, выступающих сторонами правоотношений нематериальной ответственности, поскольку каждая конкретная ситуация уникальна.

В настоящем исследовании показано, насколько уязвимо положение потерпевшей стороны именно в вопросах реализации нематериальной ответственности, насколько недостаточными порой являются те формы нематериальной ответственности, которые выработаны практикой межгосударственных отношений, что, на наш взгляд, одинаково значимо как в теоретическом, так и в практическом плане.

Особое внимание уделено понятию «травмирующее событие», которое предлагаем считать одним из ключевых терминов в «терминологии» нематериальной ответственности. И именно в этом направлении могут вестись дальнейшие научные исследования проблемы реализации нематериальной ответственности в международном праве: характеристики травмирующего события способны стать основополагающими в определении качественных и даже количественных характеристик причиненного правонарушением нематериального ущерба.

3. Косарева В.В. Виды и формы международной ответственности государства за нарушения международного права // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 68-71. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.71.91.012>, <https://elibrary.ru/obeavl>
4. Титова К.И. Международная ответственность за экологические преступления // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15. № 1. С. 131-135. <https://elibrary.ru/btkbeo>
5. Кривенкова М.В. Нематериальная международно-правовая ответственность государств. Москва: Юрлитинформ, 2015. 184 с. <https://elibrary.ru/sylkbf>
6. Вертлиб Ф.О. Некоторые вопросы доктрины международного права об ответственности государств // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 5-9. <https://elibrary.ru/amupgk>
7. Институт ответственности в международном праве / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2017. 304 с. <https://elibrary.ru/zbuvhf>
8. Гуторова А.Н. Некоторые аспекты практического и теоретического развития норм института международно-правовой ответственности государств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 39-45. <https://elibrary.ru/vownyk>
9. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Способы преодоления кризисных явлений в международном праве: анализ исторического опыта // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2 (54). С. 49-59. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.54.2.05>, <https://elibrary.ru/pvxdck>
10. Дорская А.А. Проблема возможности использования понятия «социальная травма» в юридической науке: российский и зарубежный опыт // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 18-24. <https://elibrary.ru/ylvhil>

References

1. Keshner M.V. (2024). *International Responsibility Law*. Moscow, Prospect Publ., 240 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nhgowt>
2. Konovalova E.A., Kudryavtseva L.V. (2021). Responsibility of states for violation of international law. *Epomen*, no. 64, pp. 144-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ftfvmg>
3. Kosareva V.V. (2021). Kinds and forms of country's liability for violations of international law. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal And Economic Studies*, no. 1, pp. 68-71. (In Russ.) <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.71.91.012>, <https://elibrary.ru/obeavl>
4. Titova K.I. (2025). International responsibility for environmental crimes. *Original'nye issledovaniya = Original Research*, vol. 15, no. 1, pp. 131-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/btkbeo>
5. Krivenkova M.V. (2015). *Intangible International Legal Responsibility of States*. Moscow, Yurlitinform Publ., 184 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sylkbf>
6. Vertlib F.O. (2019). Some questions of the doctrine of international law on state responsibility. *Mezhdunarodnyi zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava = International Journal of Civil and Trade Law*, no. 3, pp. 5-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/amupgk>
7. Khachaturova R.L. ed. (2017). *The Institute of Responsibility in International Law*. Moscow, Yurlitinform Publ., 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbuvhf>
8. Gutorova A.N. (2018). Some aspects of practical and theoretical development of the rules of law of the institute of international legal responsibility of states. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, vol. 8, no. 4 (29), pp. 39-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vownyk>
9. Dorskaya A.A., Dorskii A.Yu. (2024). Ways to address crisis phenomena in international law: an analysis of historical experience. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 2 (54), pp. 49-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.54.2.05>, <https://elibrary.ru/pvxdck>
10. Dorskaya A.A. (2018). The issue of possibility to use the conception "social trauma" in the legal science: the Russian and international experience. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Journal of the Academy of Law and Management*, no. 3 (52), pp. 18-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylvhil>

Поступила в редакцию / Received 14.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.59

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-539-547>

Шифр научной специальности 5.1.2

Единство публичной власти как принцип российской государственности

Садохина Наталия Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, SPIN-код: 1524-1137, РИНЦ AuthorID: 427172, <https://orcid.org/0000-0002-8980-2936>, nsadokhina@yandex.ru

Житнева Ангелина Михайловна,

ассистент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, SPIN-код: 8386-3925, РИНЦ AuthorID: 1206252, <https://orcid.org/0000-0002-4276-2789>, angelinazhitneva@yandex.ru

Аннотация

Термин «публичная власть» имеет широкое распространение в научной литературе, однако законодательное закрепление получил лишь после конституционной реформы 2020 года. Цель – обосновать необходимость выделения принципа «единство публичной власти» как основы российской государственности. При этом аргументирован тезис о том, что единство публичной власти не означает отсутствия разделения властей или нивелирование значения местного самоуправления как самостоятельного уровня власти, а предполагает наличие общей правовой и ценностной основы. Выделены организационное, функциональное и финансовое единство органов, составляющих публичную власть. Используя философские подходы (диалектику и метафизику), общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-юридический метод, рассмотрены единство публичной власти в контексте развития российской государственности, выделены сущностные признаки, структура органов публичной власти, закрепление их правового статуса в законодательстве. Проведено исследование содержания понятия «единство публичной власти», его значения для конституционно-правовой теории и практики. Установлено, что принцип единства публичной власти не только характеризует организацию и взаимодействие федеральных, региональных органов между собой, а также с органами местного самоуправления, но и является межотраслевым принципом права, лежащим в основе публично-правовых отраслей.

Ключевые слова

единство публичной власти, принцип права, государственность, органы государства, органы местного самоуправления, полномочия, конституционные поправки

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Н.Е. Садохина – идея и концепция исследования, сбор и анализ научной литературы, окончательное редактирование. А.М. Житнева – сбор и анализ нормативных актов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Садохина Н.Е., Житнева А.М. Единство публичной власти как принцип российской государственности // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 539-547. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-539-547>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-539-547>

OECD 5.05; ASJC 3308

The unity of public authority as a principle of Russian statehood

Nataliya E. Sadokhina,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Constitutional and International Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, SPIN-code: 1524-1137, RSCI AuthorID: 427172, <https://orcid.org/0000-0002-8980-2936>, nsadokhina@yandex.ru

Angelina M. Zhitneva,

Assistant of Constitutional and International Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, SPIN-code: 8386-3925, RSCI AuthorID: 1206252, <https://orcid.org/0000-0002-4276-2789>, angelinazhitneva@yandex.ru

Abstract

The term “public authority” is widely used in the scientific literature, but it was not legislated until after the constitutional reform of 2020. The purpose is to substantiate the need to single out the principle of “unity of public authority” as the basis of Russian statehood. At the same time, the thesis is argued that the unity of public authority does not mean the absence of separation of powers or the leveling of the importance of local self-government as an independent level of government, but presupposes the existence of a common legal and value basis. There is an organizational, functional and financial unity of the bodies that make up public authority. Using philosophical approaches (dialectics and metaphysics), general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the formal legal method, they consider the unity of public power in the context of the development of Russian statehood, identify the essential features, the structure of public authorities, and the consolidation of their legal status in legislation. A study of the content of the concept of “unity of public authority”, its significance for constitutional and legal theory and practice has been conducted. It is established that the principle of unity of public authority not only characterizes the organization and interaction of federal and regional bodies among themselves, as well as with local governments, but is also an interdisciplinary principle of law underlying public law branches.

Keywords

unity of public authority, principle of law, statehood, state bodies, local self-government bodies, powers, constitutional amendments

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.E. Sadokhina – research idea and concept, collection and analysis of scientific literature, manuscript final revision. A.M. Zhitneva – collection and analysis of normative documents, analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Sadokhina, N.E., & Zhitneva, A.M. (2025). The unity of public authority as a principle of Russian statehood. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 539-547. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-539-547>

Введение

Публичная власть как правовая категория представляет совокупность органов, действующих на основе и во исполнение закона, обладающих властными полномочиями и призванных обеспечивать реализацию государственных функций. При этом установление ее единства не означает отрицания разделения властей, но предполагает наличие общей правовой, организационной и ценностной основы, обеспечивающей согласованность действий всех звеньев управленческого механизма. Данное обстоятельство выражается в единстве конституционного порядка, верховенстве Основного закона, иерархии нормативных актов, а также в ответственности всех органов власти перед народом как единственным источником власти.

Несмотря на то, что идея единства публичной власти уже долгое время существовала в юридической доктрине и практике, она оставалась на уровне теоретических построений и правовой аргументации. В частности, правоведы неоднократно указывали на необходимость признания рассматриваемого принципа как системообразующего, способного преодолеть излишний формализм разделения властей по уровням и обеспечить стабильность государственного управления [1–3].

Так Н.С. Бондарь, анализируя права человека и местное самоуправление, отмечал: «Сама природа этих институтов современной демократии, их нормативно-правовое содержание, функциональное назначение, механизмы реализации и гарантирования свидетельствуют о тесном взаимодействии, взаимопроникновении и взаимодополнении во многом уравнивающих друг друга соответствующих институционных средств развития демократии, в частности, в плане сочетания принципов коллективизма и автономии личности, разделения публичной власти не только по горизонтали (с выделением законодательной, исполнительной и судебной), но и по вертикали, включающей, в том числе, муниципальную власть с ее специфическими конституционно-правовыми характеристиками и особенностями взаимоотношений с гражданином» [4, с. 16].

На принципиальную для российской государственности необходимость обеспечения единства публичной власти обращали внимание многие российские ученые. Среди них С.А. Авакьян [5; 6], П.А. Астафичев [7], Е.В. Бердникова [8], В.А. Лебедев [9], А.А. Югов [10] и др.

По запросу «единство публичной власти» на платформе научной электронной библиотеки Elibrary выдается список из 100769 публикаций. В большинстве современных работ единство публичной власти определяется как принцип.

Безусловно, такое восприятие во многом связано с конституционной реформой 2020 г., которая фактически трансформировала принцип единства публичной власти из доктринальной категории в элемент конституционной реальности.

Тем не менее, следует отметить, что глава 1 Конституции РФ 1993 г. в качестве базовых принципов организации власти в российском государстве называет народовластие, разделение властей, федерализм, идеологическое многообразие, а также приоритет прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, прямое конституционное закрепление принципа единства публичной власти в тексте Конституции отсутствует. Однако анализ функционирования государственного аппарата, правоприменительной практики и изменений, внесенных в Конституцию РФ в ходе реформы 2020 г., свидетельствует о том, что данный принцип приобретает все большее системообразующее значение в конституционном строе Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что отсутствие формального упоминания принципа в главе 1 не свидетельствует об его отсутствии в конституционной системе. Глава 1, хотя и содержит положения, представляющие собой целеполагания, не исчерпывает всей совокупности принципов конституционного строя. Более того, весь текст Конституции РФ в совокупности носит принципиальный характер, поскольку формирует правовые основы государственности, определяет структуру власти, гарантии прав и механизм их реализации. Отдельные принципы, такие как единство судебной власти, равенство перед законом и судом, закреплены в других гла-

вах и, тем не менее, признаются фундаментальными основами. Как отмечается в научной литературе, «конституционные нормы являются фундаментом, на котором строится все здание правового регулирования» [11, с. 3]. Следовательно, формальный критерий – нахождение в главе 1 – не может быть единственным основанием для признания принципа конституционным.

Методы исследования

Методология исследования опирается на широкое использование философских подходов – метафизики и диалектики, позволивших рассмотреть единство публичной власти в контексте развития российской государственности, во взаимосвязи с иными социально-политическими процессами, в то же время охарактеризовать понятие «органы публичной власти» как самостоятельное явление, выделив его сущностные признаки.

Применение общенаучных методов (анализа, синтеза) способствовало пониманию структуры органов, составляющих публичную власть, и определению роли каждого из них в обеспечении ее единства.

Формально-юридический метод стал инструментом исследования законодательства Российской Федерации, закрепляющего как термин «единая система публичной власти», так и правовой статус органов, ее составляющих.

Результаты исследования

С принятием поправок к Конституции РФ в 2020 г. в ее содержание было введено системное закрепление институтов публичной власти как единого организационно-правового образования. В состав указанной системы вошли независимые друг от друга по своей природе органы государственной власти, реализующие полномочия на федеральном и региональном уровнях, и органы местного самоуправления, наделенные самостоятельностью в решении вопросов местного значения. В обоснование целесообразности закрепления принципа единства в научной литературе указывается на то, что «данное свойство системы публичной власти особо подчеркивается в тексте Основного закона страны из-за необходимости согласованных и эффективных действий входящих в указанную систему элементов с це-

лью выполнения функций Российской Федерации в современных реалиях» [12, с. 35].

Отметим, что внесенные изменения в Основной закон страны носят системообразующий характер и способствуют трансформации комплекса конституционных принципов, лежащих в основе функционирования публичной власти. В контексте разграничения полномочий и функциональных задач между государственными и муниципальными органами управления особое значение приобретает положение о единстве публичной власти, которое по своей сути эволюционировало из правовой доктрины в ранг конституционного принципа. Его закрепление в Основном Законе требует как глубокого теоретического осмысления, так и детального прикладного анализа в рамках правоприменительной практики.

В данном контексте следует обратиться к дефиниции рассматриваемой категории. Так, в действующем тексте Конституции РФ отсутствует прямое определение термина «публичная власть», однако, исходя из общей логики под публичной властью понимается единство органов, властвующих на разных уровнях управления. Официальное толкование единой системы публичной власти приводится в части 1 статьи 2 Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете РФ»¹, в соответствии с положениями которой «под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражда-

¹ О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

нина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Тем не менее, в юридической доктрине наблюдается тенденция к расширению содержания данного понятия. В частности, в научной литературе подчеркивается, что публичная власть не только представляет собой управленческие структуры, но и включает иные элементы политической системы, участвующие в реализации властных функций.

К примеру, А.В. Колесников выделяет следующие компоненты системы публичной власти: народ как ключевой носитель суверенитета, Президент РФ, осуществляющий особые полномочия, государственная власть, включающая федеральные и региональные органы, а также местное самоуправление, реализующее волю населения на муниципальном уровне [13, с. 23-29].

Иной подход был представлен С.А. Авакьяном, входившим в рабочую группу по разработке предложений по конституционным изменениям. Так, С.А. Авакьян настаивал на необходимости конституционного закрепления публичной власти как формы реализации народовластия. При этом автор не ограничился лишь традиционным разделением на федеральные, региональные и местные органы власти, но также включил в сферу действия публичной власти институты гражданского общества, признавая их роль как в содействии, так и в контроле за осуществлением властных полномочий². Тем не менее, в существующих сегодня правовых реалиях единство публичной власти основывается именно на объединении двух звеньев управления – государственного и местного.

Возвращаясь непосредственно к проблематике исследования, отметим, что, несмотря на то, что государственные и муниципальные органы не входят в структуру друг друга и не подчинены в полном объеме, они функционируют как элементы единой системы публичной власти. Такая организационно-правовая конструкция позволяет

рассматривать публичную власть как сложную, многоуровневую систему, объединяющую различные институты при сохранении их самостоятельности. Важно отметить, что до официального включения положения о единстве публичной власти в Конституцию РФ данное положение уже получило признание в правоприменительной практике. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно характеризовал данное явление как конституционный принцип, вытекающий из основ конституционного строя, в частности, из положений, закрепляющих народовластие, верховенство Конституции и единство правового пространства.

К примеру, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П была установлена возможность признания органов местного самоуправления в качестве самостоятельного уровня публичной власти с акцентом на отсутствие тождества с государственной властью³. Подобный вывод был сделан Конституционным Судом и в Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П, в котором была признана возможность существования публичной власти в форме муниципальной, что подтвердило ее рассредоточенную, но при этом взаимосвязанную структуру⁴.

Особо следует обратить внимание на Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З, в котором он прямо квалифицировал «единство публичной власти» как один из принципов конституционного строя, что придает рассматриваемому положению особый правовой вес и системное значение. В частности, Судом был сделан вывод, в соответствии с которым «принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в главе

² Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62862> (дата обращения: 08.08.2025).

³ По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17.04.1996 «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 5. Ст. 708.

⁴ По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31.10.1994 «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 532.

1 Конституции РФ, вместе с тем имплицитно следует из конституционных положений»⁵. Так, принцип единства публичной власти проистекает из совокупности норм, включая статью 2 и статью 18, и проявляется в возможности Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований совместно устанавливать общие принципы организации системы органов публичной власти. Помимо этого, Суд также сделал акцент на функциональном единстве различных уровней власти, подчеркивая тем самым необходимость согласованного выполнения управленческих функций, направленных на реализацию общих целей правового государства.

Таким образом, несмотря на наличие различных подходов к толкованию содержания понятия «публичная власть», принцип ее единства сохраняет устойчивость и признан обязательным элементом организации публичной сферы. Важно, что его нормативное закрепление продолжено в пункте 5 части 1 статьи 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», где он прямо отнесен к числу основополагающих принципов функционирования органов власти на региональном уровне⁶.

В данном контексте следует указать на то, что соблюдение принципа единства публичной власти реализуется, прежде всего, через взаимодействие органов различных уровней. Подчеркнем, что данное взаимодействие многогранно и проявляется в трех основных формах: организационно-право-

вой, функциональной и финансово-бюджетной, каждая из которых отражает определенный аспект системности публичной власти:

– организационно-правовое взаимодействие предусматривает участие органов одного уровня публичной власти в формировании структуры, комплектовании кадров и правовом урегулировании деятельности органов другого уровня. К примеру, к числу его проявлений относятся назначение отдельных должностных лиц, утверждение статуса органов, а также нормативное закрепление порядка их создания и прекращения деятельности. При этом важно учитывать, что единая система публичной власти, несмотря на свою целостность, состоит из организационно обособленных подсистем – федеральных, региональных и местных органов, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью в институциональном плане. Исходя из чего, организационно-правовое взаимодействие не ведет к подчинению одних звеньев другим, а обеспечивает координацию и правовую согласованность в рамках единого государственного механизма;

– функциональное взаимодействие предполагает как осуществление собственных полномочий, так и включенность на своем уровне в решение общих задач, отношения, основанные на субординации и координации, предполагающие возможность перераспределения полномочий;

– финансово-бюджетное взаимодействие означает наличие достаточного финансирования для реализации полномочий органами различного уровня, а также возможность их перераспределения с соответствующим материальным обеспечением.

В свою очередь, нарушение принципа единства публичной власти проявляется в разобщенности действий органов федеральной, региональной и местной власти, а также в возникновении коллизий между их решениями. Обратим внимание на то, что такие противоречия снижают эффективность правового регулирования, ослабляют механизм реализации государственной политики и могут приводить к правовым и управленческим столкновениям. Следовательно, обеспечение согласованности и взаимодействия между существующими уровнями публичной вла-

⁵ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁶ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

сти становится не только конституционным требованием, но и необходимым условием устойчивого функционирования правового государства.

Анализ указанных форм взаимодействия в совокупности с законодательным определением публичной власти позволяет сделать следующий вывод: законодатель трактует публичную власть не столько как совокупность отдельных властвующих органов, сколько как комплексную систему, объединенную через единые структурные уровни и механизмы взаимодействия между ними. При этом акцент делается именно на формах координации и взаимосвязи, что подчеркивает приоритет системного подхода в современной организации публичной власти в России. Важно, что ключевым элементом данной системы выступает принцип единства публичной власти, который следует рассматривать не как производное правовое положение, а как полноценный конституционный принцип, закрепленный в системе основополагающих норм Основного Закона.

Принцип единства публичной власти следует воспринимать не только как принцип организации и функционирования государственного аппарата, или даже механизма государства, учитывая включение в публичную власть органов местного самоуправления, а как принцип российской государственности. В этой связи он может восприниматься и как принцип права, носящий межотраслевой характер.

В.А. Илюхина полагает, что «тип правопонимания, которого придерживается тот или иной познающий субъект, определяет подход к восприятию принципов права, их сущности, места в правовой системе, теоретической и практической значимости» [14, с. 8]. И, исходя из этого, выделяет три подхода к пониманию принципов права: 1) естественно-правовой; 2) либертарный; 3) позитивистский. Согласимся с автором в том, что «в настоящее время наиболее оптимальным и отражающим правовые реалии нам представляется позитивистский подход к принципам права» [14, с. 11].

Понимая под принципами права идеи, которые лежат в основе законодательства, составляют его фундамент, нельзя не отметить основополагающий характер закрепления единства публичной власти на конституционном уровне. Этот принцип не только определяет характер взаимодействия федеральных, региональных и местных органов, логическую взаимосвязь структурного построения конституционных глав, но и актуален для иных публично-правовых отраслей, таких как административное право, финансовое, экологическое и другие, так как связывает в единое целое полномочия, распределяемые между органами власти всех уровней.

Заключение

Принцип единства публичной власти, хотя и не сформулирован в тексте Основного закона страны в явном виде, становится неотъемлемой частью современной конституционной парадигмы. Признание принципа единства публичной власти не противоречит, а, напротив, дополняет и углубляет уже существующие конституционные принципы. Он не подменяет собой разделение властей, но обеспечивает его эффективную реализацию в условиях сложной политической и правовой реальности. В контексте глобальных вызовов, требующих оперативного и согласованного реагирования со стороны государства, данный принцип приобретает особую актуальность.

В заключение подчеркнем, что единство публичной власти как принцип российской государственности следует рассматривать в качестве фундаментального требования, заключающегося в обеспечении согласованного, устойчивого и эффективного взаимодействия между функционально взаимосвязанными органами публичной власти на всей территории Российской Федерации. Его реализация предполагает не просто сосуществование различных уровней власти, но и их системное единство, направленное на достижение общих целей правового регулирования и реализации публичных интересов.

Список источников

1. Зенин С.С. Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // *Lex Russica*. 2020. Т. 73. № 12. С. 42-53. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.042-053> <https://elibrary.ru/dzozay>
2. Султанов Е.Б. Конституционный принцип «единства публичной власти» // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 4. С. 244-246. <https://elibrary.ru/vdmrxdx>
3. Чертков А.Н. Ценностно-правовые приоритеты разграничения компетенции государственной и муниципальной властей в России // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 6. С. 12-15. <https://elibrary.ru/umgnscs>
4. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. Москва: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. 352 с.
5. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 11. С. 27-30. <https://elibrary.ru/rpcntn>
6. Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2009. № 2. С. 5-15. <https://elibrary.ru/kuvkip>
7. Астафичев П.А. Проблемы реализации конституционного принципа единства системы публичной власти в федеральном законодательстве // *Градостроительное право*. 2022. Т. 2. С. 19-27. <https://doi.org/10.18572/2500-0292-2022-2-19-27>, <https://elibrary.ru/iyncjk>
8. Бердникова Е.В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. 482 с. <https://elibrary.ru/zbtddie>
9. Лебедев В.А. Органы государственной власти субъектов РФ как элемент единой системы публичной власти современной России // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 8. С. 40-43. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-40-43>, <https://elibrary.ru/sdgxmb>
10. Югов А.А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 2. С. 16-22. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-16-22>, <https://elibrary.ru/kcfqti>
11. Андрианов М.С., Боголюбов С.А., Бут Н.Д. и др. Законность: теория и практика. Москва: ООО «Юридическая фирма контракт», 2017. 400 с.
12. Диденко О.Н., Гаврилова В.Д. Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия // *Право и практика*. 2023. № 1. С. 35-40. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-1-35-40>, <https://elibrary.ru/ahaeym>
13. Колесников А.В. Организация муниципального управления в единой системе публичной власти: теория, особенности, межмуниципальное взаимодействие. Саратов, 2021. 236 с. <https://elibrary.ru/njytwk>
14. Илюхина В.А. К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания // *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. Т. 7. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>, <https://elibrary.ru/ukyjrj>

References

1. Zenin S.S. (2020). The public power system in the Russian Federation: new approaches to legal regulation under the constitutional reform. *Lex Russica*, vol. 73, no. 12, pp. 42-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.042-053>, <https://elibrary.ru/dzozay>
2. Sultanov E.B. (2015). Constitutional principle of "Unity of public authority". *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 4, pp. 244-246. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vdmrxdx>
3. Chertkov A.N. (2019). Value-legal priorities of delimitation of competence of state and local authorities in Russia. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 6, pp. 12-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umgnscs>
4. Bondar' N.S. (2004). *Citizens and Public Authorities: Constitutional Provision of Rights and Freedoms in Local Self-Government*. Moscow, Gorodets Publ., 352 p. (In Russ.)
5. Avak'yan S.A. (2013). Constitutionalism and public power: conceptions and perspectives. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 11, pp. 27-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpcntn>
6. Avak'yan S.A. (2009). Public power: constitutional and legal aspects. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University*, no. 2, pp. 5-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kuvkip>

7. Astafichev P.A. (2022). Problems of the implementation of the constitutional principle of unity of the public government system in federal laws. *Gradostroitel'noe pravo = Urban Planning Law*, vol. 2, pp. 19-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2500-0292-2022-2-19-27>, <https://elibrary.ru/iyncjk>
8. Berdnikova E.V. (2022). *Obshchestvennyi kontrol' v konstitutsionno-pravovom vzaimodeistvii publichnoi vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii. Dr. Sci. (Law) diss.* Saratov, 482 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbtddie>
9. Lebedev V.A. (2021). Government authorities of the constituent entities of the Russian Federation as an element of the unified public government system in modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 8, pp. 40-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-40-43>, <https://elibrary.ru/sdgxmb>
10. Yugov A.A. (2022). The unified public government system: the concept and general characteristics. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 2, pp. 16-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-16-22>, <https://elibrary.ru/kcfqti>
11. Andrianov M.S., Bogolyubov S.A., But N.D. et al. (2017). *Rule of Law: Theory and Practice*. Moscow, Yuridicheskaya firma kontrakt Publ., 400 p.
12. Didenko O.N., Gavrilova V.D. (2023). The principle of unity of public power: the essence, levels, forms of interaction. *Pravo i praktika = Law and Practice*, no. 1, pp. 35-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-1-35-40>, <https://elibrary.ru/ahaeym>
13. Kolesnikov A.V. (2021). *The Organization of Municipal Government in the Unified System of Public Authority: Theory, Features, Inter-Municipal Interaction*. Saratov, 236 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/njytwk>
14. Ilyukhina V.A. (2023). On the issue of law principles perception in different concepts of legal understanding. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 7-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>, <https://elibrary.ru/ukyjrj>

Поступила в редакцию / Received 09.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.56

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-548-556>

Шифр научной специальности 5.1.2

Трансформация компетенции Конституционного Суда РФ

Краснослободцева Наталия Кузьминична,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, SPIN-код: 7057-6924, РИНЦ AuthorID: 356013, <https://orcid.org/0009-0007-0147-1719>, nkrasnoslobodceva@tsutmb.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении причин расширения компетенции Конституционного Суда РФ. В связи с этим проанализированы изменения полномочий высшего органа российской конституционной юстиции, закрепленные в Конституции РФ 1993 года и федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в период с 1994 по 2025 г. Установлено, что почти во все главы ФКЗ о Конституционном Суде РФ, регулирующие полномочия высшего судебного органа конституционного контроля, были внесены изменения, появились новые категории конституционных дел. 2020 год стал для Конституционного Суда РФ одним из наиболее интенсивных периодов трансформации. Исследование института обращения граждан в Конституционный Суд РФ позволило сформулировать вывод, что в целом условия и порядок подачи жалобы за последние годы ужесточились, соответственно, количество обращений уменьшилось, но по-прежнему данный вид конституционного судопроизводства является одним из самых реализуемых в Конституционном Суде РФ. Размывание границ суверенитета механизмами международного правосудия стало причиной поворота государственно-правовой политики в сторону концепции самобытности российской цивилизации. Это отразилось в возникновении доктрины конституционной идентичности, которая выступила идеей для закрепления новых категорий конституционных дел в 2015 и 2020 гг.: о возможности исполнения решений межгосударственного органа, иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража). Исследование позволило прийти к выводу, что конституционное правосудие занимает уникальное место в системе современного правопорядка, выработка наиболее оптимальной и эффективной модели конституционной юстиции является важной целью для любого современного государства, в том числе и для России.

Ключевые слова

компетенция Конституционного Суда РФ, обращение в Конституционный Суд РФ, конституционное судопроизводство

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.К. Краснослободцева – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Краснослободцева Н.К. Трансформация компетенции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 548-556. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-548-556>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-548-556>

OECD 5.05; ASJC 3308

Transformation of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation

Natalia K. Krasnoslobodtseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, SPIN-code: 7057-6924, RSCI AuthorID: 356013, <https://orcid.org/0009-0007-0147-1719>, nkrasnoslobodtseva@tsutmb.ru

Abstract

The purpose of the study is to identify the reasons for the expansion of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation. In this regard, the changes in the powers of the supreme body of the Russian constitutional justice, enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 1993 and Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated July 21, 1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation" in the period from 1994 to 2025, are analyzed. It has been established that almost all chapters of the Federal Law on the Constitutional Court of the Russian Federation regulating the powers of the supreme judicial body of constitutional control have been amended, and new categories of constitutional cases have appeared. 2020 was one of the most intense periods of transformation for the Constitutional Court. The study of the institute of citizens' appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation allowed us to formulate the conclusion that, in general, the conditions and procedure for filing complaints have become tougher in recent years, respectively, the number of appeals has decreased, but still this type of constitutional proceedings is one of the most implemented in the Constitutional Court of the Russian Federation. The blurring of the boundaries of sovereignty by the mechanisms of international justice has become the reason for the turn of state and legal policy towards the concept of the identity of Russian civilization. This was reflected in the emergence of the doctrine of constitutional identity, which came up with the idea to consolidate new categories of constitutional cases in 2015 and 2020: on the possibility of executing decisions of an interstate body, a foreign or international (interstate) court, a foreign or international arbitration court (arbitration). The study led to the conclusion that constitutional justice occupies a unique place in the system of modern law and order, and the development of the most optimal and effective model of constitutional justice is an important goal for any modern state, including Russia.

Keywords

competence of the Constitutional Court of the Russian Federation, appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional court proceedings

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.K. Krasnoslobodtseva – research idea and concept development, collection and analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Krasnoslobodtseva, N.K. (2025). Transformation of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 548-556. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-548-556>

Введение

Интенсивное установление конституционного правосудия в мировом масштабе относится преимущественно к XX веку. Первым олицетворением специальной конституционной юстиции стал Конституционный Суд Австрии, что неудивительно, так как именно в этой стране большую часть жизни проживал и работал профессор публичного права и философии права Венского Университета Ганс Кельзен (член Конституционного Суда Австрии с 1920 по 1930 г.)¹, обосновавший необходимость конституционного правосудия. В России органы конституционной юстиции начали создаваться лишь в конце XX века. Конституция РФ 1993 года и Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» 1994 года (далее – ФКЗ о КС РФ) заложили фундамент для современного развития Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ, Суд). Ревизия компетенции высшего органа конституционного контроля происходила с разной степенью динамичности на протяжении последних тридцати лет. Конституционные поправки 2020 года создали предпосылки для нового осмысления правового статуса Конституционного Суда РФ. Изменение или стабильность таких показателей, как порядок организации и объем компетенции, делают рассматриваемый институт более или менее подверженным внешним воздействиям, отклонения в ту или иную сторону позволяют судить об автономности или, наоборот, о предвзятости судей.

Трансформация компетенции высшего органа конституционной юстиции за весь период его становления и развития стала предметом множества научных дискуссий, в том числе и для нашего исследования.

Результаты исследования

Новые категории конституционных дел, которые подлежат рассмотрению в КС РФ, появлялись не только путем внесения изменений в Конституцию РФ и профильный закон, но и посредством иных законов, закрепляющих элементы права на обращение в Суд определенных субъектов.

¹ Конституционный Суд Австрии. URL: https://www.vfgh.gv.at/downloads/VfGH_Broschuere_RU.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

Например, ФКЗ от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации»² установил обязательный конституционный контроль международного договора о принятии в состав России нового субъекта (часть 4 статьи 7 ФКЗ № 6). Впервые конституционная оценка такого международного договора РФ состоялась в 2014 г.³ В 2020 г. законодатель внес соответствующее нормативное положение в виде дополнения статьи 88 ФКЗ о КС РФ и подтвердил императивность конституционной оценки данного вида договора. В октябре 2022 г. соответствующие нормы ФКЗ о КС РФ были применены в процессе рассмотрения Конституционным Судом РФ сразу четырех международных договоров РФ⁴.

² О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4916.

³ По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1527.

⁴ По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 №36-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 7154; По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 №37-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 7155; По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 38-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 7156; По делу о проверке конституци-

В 2004 г. появилась норма о проверке конституционности инициативы проведения референдума, которая изначально была установлена в статье 23 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»⁵ в контексте полномочия Президента РФ назначать референдум РФ. В 2008 г. Верховный Суд РФ получил право обращаться в КС РФ по поводу спора о конституционности вопроса, выносимого на референдум РФ. Условия обращения были закреплены в части 17 статьи 15 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». Только в 2014 г. новая категория дел была зафиксирована в статье 3 ФКЗ о КС РФ, а более детальное правовое регулирование появилось в 2020 г. в отдельной главе XVI ФКЗ о КС РФ. Но ученые обращают внимание на то, что формулировки в ФКЗ о КС РФ не точны, так как закрепляют в качестве предмета контроля только вопросы, выносимые на референдум. В свою очередь, процедуру проверки инициативы проведения референдума можно считать установленной в профильном законе, если только рассматривать в системном единстве пункт 5.1 части 1 статьи 3 ФКЗ о КС РФ и часть 1 статьи 23 ФКЗ «О референдуме РФ». Очевидно, что следует придерживаться последнего подхода. Конституционный судебный контроль по поводу вопросов, выносимых на всероссийский референдум, и инициативы его проведения еще ни разу не осуществлялся.

Иногда сам КС РФ расширял свою компетенцию, оценивая новые объекты, ранее не подлежащие конституционному контролю.

Так, в 2014 г. путем дополнения статьи 101 ФКЗ о КС частью второй⁶ для судов ус-

онности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 №39-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 7157.

⁵ О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.

⁶ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный за-

тановлена обязанность при пересмотре дел после решений межгосударственных органов по защите прав граждан обращаться в КС РФ. Это полномочие было заранее сформулировано в Постановлении КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27⁷.

В начале второго десятилетия XXI века наша страна вошла в следующий политический этап развития, отмеченный обострением отношений с Западом. Размывание границ суверенитета механизмами международного правосудия стало причиной поворота государственно-правовой политики в сторону концепции самобытности российской цивилизации. Это отразилось в формировании доктрины конституционной идентичности [1]. Данная фундаментальная идея легла в основу выделения новых категорий конституционных дел. В результате, в 2015 г. в ФКЗ о КС была введена новая глава XIII.1, и КС РФ получил полномочие решать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Под конституционный контроль в рамках этой главы попадают решения Суда Евразийского Экономического Союза, Комиссии СНГ по правам человека, Комитета ООН по правам человека.

В 2020 г. КС РФ получил право принимать постановление о возможности исполнения решения иностранного или международного суда, иностранного или международного арбитража, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в том случае, если это решение противоречит «основам публичного правопорядка Российской Федерации». Это полномочие получило свое закрепление в главе XIII.1 и новой главе XIII.2 ФКЗ о КС РФ. Профессор А.С. Исполинов считает, что это своего рода реакция на решение третейского суда в Гааге в 2014 г. по делу компании «ЮКОС». Напомним, что в 2014 г. арбитраж в Гааге признал Россию

кон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 50. Ст. 6670.

ответственной за неправомерную экспроприацию инвестиций истцов в «ЮКОС» и присудил трем заявителям сумму компенсации, которая в 50 раз превосходила предыдущий рекорд инвестарбитражей в части компенсации. А.С. Исполинов оценивает введение главы XIII.2 как не до конца проработанную меру со стороны законодателей, так как аннулировать решения международных коммерческих судов, инвестиционных арбитражей КС РФ не сможет, потому что это компетенция суда той страны, где арбитраж проводился [2]. Как показывает практика конституционного контроля, Министерство юстиции РФ лишь два раза обращалось с подобным запросом в рамках главы XIII.1 ФКЗ КС РФ⁸. Вследствие ведомственных изменений с 1 июля 2021 г. это полномочие было передано Генпрокуратуре⁹. Новый субъект еще не проявил себя в качестве заявителя.

В российском конституционном правосудии давно сложилась практика конформного толкования (конформный от лат. *conformis* – сходный, подобный, согласный) [3, с. 453], которая получила законодательное закрепление в 2016 г. в ФКЗ о КС РФ¹⁰, а

затем и в части 6 статьи 125 Конституции РФ. Законодательному установлению предшествовало издание в 2008 г. решения КС РФ, где было впервые сформулировано определение конформного толкования: «если Конституционный Суд Российской Федерации установит, что неконституционный смысл придается норме в результате не адекватного Конституции Российской Федерации ее истолкования правоприменителем, он вправе, не устраняя саму норму из правовой системы, – поскольку это может существенно повлиять на функционирование правовой системы в целом и создать трудности в правоприменении, в частности обусловленные возникшей пробельностью в правовом регулировании и необходимостью ее устранения, – восстановить ее конституционно-правовую интерпретацию, признав не противоречащей Конституции Российской Федерации в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционно-правовом смысле»¹¹. Такой прием толкования, как справедливо замечает П.Д. Блохин, является частным случаем презумпции добросовестности органов публичной власти (включая и законодателя) [4, с. 121]. Практика показывает, что потребность в использовании такого метода толкования возникает тогда, когда с точки зрения юридической техники норма безупречна, но в правоприменении ей придается неконституционное значение. Конформное толкование основывается на использовании традиционных способов интерпретации, но и предполагает долю правотворчества, рамками которого будут выступать конституционные принципы, как идеи более высокого порядка, являющиеся мерилем истинности и ложности толкования [5, с. 267].

Институт жалобы граждан и их объединений является одним из центральных в системе обращений в КС РФ (глава XII ФКЗ о КС РФ). Пик обращений в КС РФ за все

⁸ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480; По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 01.07.2021 № 265-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5093.

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28.12.2016 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

¹¹ О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 № 556-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 48. Ст. 5722.

время его функционирования пришелся на 2009 год – 20629 обращений¹². После законодатель начал сдерживать граждан путем ужесточения условий обращения в орган высшей конституционной юстиции. Институт обращения граждан в период с 2010 по 2020 г. несколько раз претерпевал изменения, были введены следующие ограничивающие новеллы: граждане могут обращаться в КС РФ только после завершения рассмотрения дела в суде; установлен годичный срок для подачи жалобы после завершения рассмотрения дела в суде, который нельзя восстановить; добавлено условие исчерпаемости всех внутригосударственных средств судебной защиты. В последующие годы количество жалоб заметно снизилось. Так, за первые полгода 2025 г. в Суд поступило только 5785 обращений. Но все-таки следует согласиться, что введение таких критериев объяснимо. Статистика отказных определений показывает, что далеко не все граждане понимают роль КС РФ и воспринимают данный Суд как один из возможных, а не исключительных вариантов разрешения спорной ситуации. Так, в период с 1 января по 31 июля 2025 г. по 2291 обращению граждан и юридических лиц, 1 – от депутатов Государственной Думы, 2 – от органов исполнительной власти субъектов РФ, 6 – от судов, 1 – от иных государственных органов, 7 – от органов местного самоуправления Судом было вынесено 2147 отказных определений¹³.

В настоящее время подавляющее большинство определений формулирует именно Секретариат КС РФ. В связи с этим юристы-практики высказывают идеи по поводу опубликования обращений, поступивших в КС РФ [6]. Это позволит наглядно убедиться, как следует оформлять обращения, а каких ошибок следует избегать. Это хорошее предложение, но все-таки, чтобы не засорять

информационное пространство некачественными документами, следует публиковать наиболее показательные, юридически грамотно составленные, соответствующие установленным требованиям обращения. Полезными могут являться аналитические обобщения практики рассмотрения обращений Секретариатом с рекомендациями для заявителей [7]. Соглашусь с мнением коллег, публикация обращений сделает работу Суда более прозрачной, значительно реже будет возникать вопрос о том, почему Суд не рассмотрел тот или иной аспект проблемы, не дал оценку тому или иному аргументу, который кажется очевидным. Появление такой подборки обращений будет направлено на содействие, прежде всего, тем гражданам, которые не имеют возможности воспользоваться помощью квалифицированного представителя при обращении в КС РФ.

Право на толкование Конституции РФ впервые было закреплено за КС РФ в части 5 статьи 125 Конституции РФ в 1993 г. и затем в главе XIV ФКЗ о КС РФ. Наибольшая активность рассмотрения данной категории дел наблюдалась с 1994 по 2000 г. В результате КС РФ прокомментировал 23 статьи Конституции РФ, результаты толкования были сформулированы в 13 постановлениях (последнее решение – 2015 г.). Как видим, полномочие по поводу толкования Конституции РФ активно использовалось КС РФ в начальный период ее действия, в период реформирования и становления новой государственно-правовой системы. Оценки учеными-конституционалистами итогов толкования за этот период выявили проблемы, которые связаны с отсутствием законодательно установленных критериев допустимости запроса и пределов толкования. Профессор М. Краснов в своей статье высказывает справедливое мнение, что грань, отделяющая толкование Конституции РФ от фактического создания новой конституционной нормы, очень тонка и в некоторых случаях пересекается Конституционным Судом [8, с. 89]. В этой связи я солидарна с мнением ученых, которые предлагают законодательно уточнить критерии допустимости запроса и пределы толкования Конституции РФ.

В 2020 г. была расширена сфера предварительного нормоконтроля за счет наделе-

¹² Количество обращений в Конституционный Суд РФ по годам // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-year.php> (дата обращения: 01.07.2025).

¹³ Определения Конституционного Суда РФ // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. URL: www.ksrf.ru/Decision/statistic_definition.php (дата обращения: 01.07.2025). Количество определений не совпадает с количеством обращений, так как некоторые определения вынесены по нескольким обращениям.

ния полномочиями по проверке конституционности федеральных законов до их подписания Президентом РФ, региональных законов – до их опубликования (глава XVII ФКЗ о КС РФ). Сенатор РФ А.А. Клишас выявил восемь объектов предварительного конституционного контроля [9, с. 13], установленных в статье 110.6 ФКЗ о КС РФ. Проанализировав перечень, можно заметить, что критерии классификации неоднозначны, носят смешанный характер, например, первые семь объектов контроля выделены в зависимости от стадии законодательного процесса, вида закона (законопроекта), его содержания. Последним в качестве объекта контроля заявлен порядок принятия и рассмотрения Закона о поправках к Конституции РФ. Но следует обратить внимание, что право на осуществление предварительного нормоконтроля закона КС РФ получил раньше, нежели оно было установлено в Конституции РФ и ФКЗ о КС РФ. Так, не вступившие в силу статьи 1 и 2 Закона о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. подлежали предварительному контролю КС РФ на основании статьи 3 указанного закона¹⁴.

Нельзя умолчать о том, что Конституционный Суд наделен в силу части 1 статьи 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения, которого он старательно избегает. Примеры внесения законопроекта КС РФ весьма редки¹⁵. Кроме того, КС РФ имеет возможность предоставления предложений по законопроектам по просьбе ведомств, осуществляющих их разработку. Это можно продемонстрировать на примере проекта федерального закона «О внесении дополнений и

изменений в закон РФ «О государственной охране высших органов государственной власти РФ и их должностных лиц» (утратил силу в 1996 г.), подготовленного Главным Управлением охраны Президента РФ. Так как проект касался и судей КС РФ, то разработчик запросил у него замечания и предложения. Просьба вызвала дискуссию среди судей, в результате предложения и замечания формулировал Секретариат КС РФ.

Впервые в 2020 г. одно полномочие КС РФ, которое закреплялось в части 3 статьи 100 Конституции РФ, было ликвидировано – это Послание Федеральному Собранию РФ. Можно сказать, что Послание КС РФ предполагалось как форма взаимодействия законодательной и судебной власти, оно должно было стать информативным источником для совершенствования правовой системы. В период, когда велась полемика о роли и юридической природе Послания КС РФ, в одном из своих интервью Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин ответил, что каждое решение Конституционного Суда РФ это и есть мини-послание Федеральному Собранию [10].

Заключение

Как ни парадоксально, несмотря на уменьшение количества судей, объем компетенции КС РФ в целом увеличился за счет установления новых объектов конституционного контроля. Развитие правового статуса Конституционного Суда РФ происходит под влиянием социальных, экономических, политических, исторических факторов. Способы формирования судейского корпуса, его структура, персональный состав, объем компетенции способны повлиять на расстановку политико-правовых сил как внутри государства, так и на позицию государства на международной арене. В этом плане оправдано возвращение к конституционному закреплению такого уровня для Конституционного Суда РФ, как высший судебный орган конституционного контроля. Расширение полномочий и субъектного состава сторон конституционного процесса укрепляет гарантии судебной защиты прав и свобод граждан и их объединений, а с другой стороны, государство укрепляет верховенство национального права в ответ на размывание границ суверенитета механизмами между-

¹⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹⁵ О внесении в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.1994 № П-1/5/11 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=41258#Rfm0vxU1xfvNiuNB> (дата обращения: 12.06.2025).

народного правосудия. Это дает основание говорить, что конституционное правосудие занимает уникальное место в системе современного правопорядка, выработка наи-

более оптимальной и эффективной модели конституционной юстиции является важной целью для любого современного государства, в том числе и для России.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1-12. <https://elibrary.ru/zeinvx>
2. Исполинов А.С. Незамеченная поправка к Конституции: след дела «ЮКОСа» и новая роль Конституционного Суда РФ в определении публичного порядка // Информационно-правовой портал «Закон.ру». 20.03.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/20/nezamechennaya_popravka_k_konstitucii_sled_dela_yukosa_i_novaya_rol_konstitucionnogo_suda_rf_v_opred
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Блохин П.Д. Методы конституционного правосудия. Опыт России, Германии и США. Москва: Проспект, 2025. 352 с. <https://elibrary.ru/gauruy>
5. Блохин П.Д. Конституционно-конформное толкование: доктрина и практика // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами / под ред. И.И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2024. 412 с.
6. Федонина Ю. В. О деятельности высшей судебной инстанции в особом режиме // Адвокатская газета. 2018. № 17 (274). URL: <https://www.advgazeta.ru/pechatnaya-ag/274/>
7. Ермоленко А. Деятельность Конституционного Суда должна быть открытой и гласной // Адвокатская газета. 2018. № 17 (274). URL: <https://www.advgazeta.ru/pechatnaya-ag/274/>
8. Краснов М. Толкование Конституции как ее фактические правки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 77-91. <https://elibrary.ru/tkgwef>
9. Клишас А.А. О роли Конституционного суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 5. С. 10-22. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-5-10-22>, <https://elibrary.ru/vatipm>
10. Зорькин В.Д. Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия (1991–2006): интернет-интервью с Председателем Конституционного Суда // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/>

References

1. Zorkin V.D. (2017). Constitutional Identity of Russia: Doctrine and Practice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, no. 4, pp. 1-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zeinvx>
2. Ispolinov A.S. An Unnoticed amendment to the Constitution: the YUKOS affair and the new role of the Constitutional Court of the Russian Federation in defining public policy. *Informatsionno-pravovoi portal «Zakon.ru»*. = *Information and Legal Portal “Zakon.ru”*. 20.03.2020. (In Russ.) URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/20/nezamechennaya_popravka_k_konstitucii_sled_dela_yukosa_i_novaya_rol_konstitucionnogo_suda_rf_v_opred
3. Kuznetsov S.A. comp., gen. ed. (2000). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg, Norint Publ., 1536 p. (In Russ.)
4. Blokhin P.D. (2025). *Methods of Constitutional Justice. Experience of Russia, Germany and USA*. Moscow, Prospekt Publ., 352 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gauruy>
5. Blokhin P.D. (2024). Constitutional conformist interpretation: doctrine and practice. *Normativnost' v prave: ponyatie, interpretatsii, vzaimosvyaz' s drugimi pravovymi svoistvami = Normativity in Law: Concept, Interpretations, and Relationship with Other Legal Properties*, St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 412 p. (In Russ.)
6. Fedonina Yu.V. (2018). On the activities of the Highest Court in a special regime. *Advokatskaya gazeta = Advocate Newspaper*, no. 17 (274). (In Russ.) URL: <https://www.advgazeta.ru/pechatnaya-ag/274/>
7. Ermolenko A. (2018). The activities of the Constitutional court must be open and public. *Advokatskaya gazeta = Advocate Newspaper*, no. 17 (274). (In Russ.) URL: <https://www.advgazeta.ru/pechatnaya-ag/274/>
8. Krasnov M. (2016). Interpretations of the constitution as its actual amendments. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, no. 1, pp. 77-91. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tkgwef>

9. Klishas A.A. (2021). On the role of the constitutional court of Russia in the context of its new powers for preliminary constitutional control. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, no. 5, pp. 10-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-5-10-22>, <https://elibrary.ru/vatipm>
10. Zor'kin V.D. Preliminary results of the work of the Constitutional Court of the Russian Federation on the threshold of 15th anniversary (1991–2006). Internet interview with the Chairman of the Constitutional Court. *KonsultantPlyus = ConsultantPlus*. (In Russ.) URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/>

Поступила в редакцию / Received 01.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-557-566>

Шифр научной специальности 5.1.2

Конституционно-правовые основы понятия «здоровье нации»

Рагозина Наталья Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А, г. Санкт-Петербург, 191023, Российская Федерация; педагог дополнительного образования, Центр внешкольной работы с детьми, молодежью и взрослыми Центрального района Санкт-Петербурга, ул. Ярославская, 15, г. Санкт-Петербург, 191124, Российская Федерация, SPIN-код: 7531-4424, РИНЦ AuthorID: 1022114, Researcher ID: GSI-9118-2022, <https://orcid.org/0000-0002-1257-5288>, ragozina777@bk.ru

Аннотация

Статья 41 Конституции Российской Федерации устанавливает право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Может показаться, что понятие «здоровье нации» связано исключительно с медициной, но на самом деле это не так. Оно включает в себя несколько составляющих, в частности, можно говорить о психологическом здоровье, профилактике заболеваний и формировании здорового образа жизни. Реализация анализируемого понятия связана с использованием мер правового, экономического и социального характера. Особую тревогу вызывает современная демографическая ситуация, на фоне увеличения смертности сокращается рождаемость, что приводит к естественной убыли населения. В этой связи ставится цель формирования нового подхода к понятию «здоровье нации», сделанное на основе анализа конституционных норм, положений действующего законодательства, а также правоприменительной практики судебных органов Российской Федерации. Исследование проводилось с использованием общенаучных и специально-юридических методов, главным из которых выступил анализ. Сделан вывод о необходимости выстроить систему оценки индикаторов здоровья нации, которая позволит максимально эффективно реализовать комплекс профилактических мероприятий.

Ключевые слова

здоровье нации, конституционные основы, государственная политика, сохранение российского народа, административно-предупредительные меры, национально-правовой уровень охраны здоровья, правовая концепция

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.А. Рагозина – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Рагозина Н.А. Конституционно-правовые основы понятия «здоровье нации» // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 557-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-557-566>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-557-566>

OECD 5.05; ASJC 3308

Constitutional and legal foundations of the concept of “health of the nation”

Natalia A. Ragozina,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Saint-Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal Emb., Bld. A, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; Additional Education Teacher, Center for Extracurricular Activities with Children, Youth, and Adults of the Central District of St. Petersburg, 15 Yaroslavskaya St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation, SPIN-code: 7531-4424, RSCI AuthorID: 1022114, Researcher ID: GSI-9118-2022, <https://orcid.org/0000-0002-1257-5288>, ragozina777@bk.ru

Abstract

Article 41 of the Constitution of the Russian Federation establishes the right of everyone to health protection and medical care. It might seem that the concept of “health of the nation” is solely related to medicine, but in reality, this is not the case. It includes several components, in particular, we can talk about psychological health, the prevention of diseases and the formation of a healthy lifestyle. The implementation of the analyzed concept is associated with the use of legal, economic and social measures. The current demographic situation is of particular concern, as the birth rate is decreasing against the background of an increase in mortality, which leads to a natural decrease in the population. In this regard, the goal is to form a new approach to the concept of “health of the nation”, based on an analysis of constitutional norms, provisions of current legislation, and the law enforcement practice of the judicial bodies of the Russian Federation. The study was conducted using general scientific and specialized legal methods, the primary one being analysis. The conclusion is drawn regarding the need to develop a system for assessing national health indicators that will enable the most effective implementation of a range of preventive measures.

Keywords

health of the nation, constitutional foundations, state policy, protection of the Russian people, administrative and preventive measures, national legal level of health protection, legal concept

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.A. Ragozina – research idea and concept development, collection and analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Ragozina, N.A. (2025). Constitutional and legal foundations of the concept of “health of the nation”. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 557-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-557-566>

Введение

Человека окружает множество негативных факторов, начиная от результатов антропогенного воздействия на окружающую природную среду, заканчивая изменениями в биофизической среде, экосистемах, биоразнообразии и природных ресурсах. Порой сам человек из-за погони за прибыльностью производимой продукции вносит изменения в технологические производственные про-

цессы с целью минимизации затрат. Примером может служить производство всем хорошо известной «докторской колбасы». Изначально ее рецептура включала в себя исключительно натуральные продукты, которые должны были поправить здоровье трудящихся, пострадавших в борьбе с царизмом. Все это регламентировалось государственным стандартом (ГОСТ), причем требования были очень жесткими, и любое откло-

нение от установленной технологии предусматривало меры ответственности для производителя, вплоть до уголовной. Например, статья 152 УК РСФСР предусматривала ответственность за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции¹. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. Сейчас достаточно заплатить пошлину в размере нескольких тысяч рублей и можно разработать собственные технические условия, которые могут уменьшить себестоимость выпускаемой продукции.

Особое внимание следует обратить и на психическое здоровье нации. По состоянию на 2024 год в России психическими расстройствами страдают почти 4 миллиона человек, из которых две трети составляют пациенты с депрессией и тревожными расстройствами. Одной из наиболее распространенных форм тревожных расстройств является «офисный синдром», связанный с сидячим образом жизни, усталостью, головными болями, нарушениями сна и концентрации².

Таким образом, возник целый комплекс вопросов, которые прямо или косвенно связаны с понятием «здоровье нации», требующих систематизации и законодательного регулирования с учетом конституционных постулатов, определенных в статье 41 Конституции РФ³. Как верно отмечает О.В. Казакова, огромный массив законодательства, который также быстрыми темпами развивается и увеличивается, способствует скорее возникновению новых проблем, нежели полноценному регулированию общественных отношений [1, с. 35].

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² По данным Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Медицинский университет инновации и развития». URL: <https://медуниверситет.рф/news/chislo-stradayushchikh-psikhicheskimi-rasstroystvami-lyudey-v-rossii-dostiglo-pochti-chetyrekh-milli/> (дата обращения: 01.05.2025).

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

Вопросы изучения и правового анализа понятия «здоровье нации», охраны здоровья и его юридической природы изучали С.А. Авакьян, М.В. Баглай, А.П. Герасимов, С.Э. Жилинский, О.Е. Кутафин, М.Н. Милеинова, А.В. Тихомиров, В. Е. Чиркин и многие другие.

Кроме того, в исследовании Г.Б. Романовского, Е.А. Романовской и А.И. Дасаевой затрагивались вопросы опыта некоторых зарубежных стран в вопросах публично-правового регулирования биомедицины (на примере Республики Польша) [2, с. 227].

Цель настоящего научного исследования заключается в анализе понятия «здоровье нации» с точки зрения конституционно-правового регулирования.

Методы исследования

Методологической основой настоящей статьи стал нормативно-правовой анализ, а также анализ юридической литературы. Особое внимание уделяется применению конституционных норм и норм права, регулирующих механизм реализации понятия «здоровье нации».

Результаты исследования и их обсуждение

Анализируя конституционное право на охрану здоровья, М.И. Литовкина определяет, что реализация концепции «здоровье нации» является важным направлением в достижении национальной безопасности [3, с. 145]. Это вытекает из положений статьи 7 и статьи 41 Конституции РФ⁴. Анализируя эти нормы в их системной взаимосвязи, можно сделать вывод о том, что, исходя из того, что Российская Федерация является социальным государством, основная его цель состоит в обеспечении права граждан на здравоохранение.

Прослеживается прямая связь здравоохранения со здоровьем. Пока человек здоров, он может работать, а работоспособность определяется его полным физическим, психологическим и социальным благополучием.

Здоровье нации представляет общегосударственную ценность, потому что от него зависит состав и качество трудоспособного населения страны. От него зависит и демографическая ситуация в целом. В качестве

⁴ Там же.

примера можно привести ситуацию с таким заболеванием сердечно-сосудистой системы, как инфаркт миокарда (сердечный приступ). В 2024 г. показатель смертности от этой болезни в нашей стране снизился до 450 на 100 000 человек [4]. Это связано с улучшением системы здравоохранения и использованием новых методов в лечении сердечно-сосудистых заболеваний и развитием сосудистой хирургии. То есть благодаря достижениям науки медицинская отрасль получила новые методы диагностики и лечения многих заболеваний, которые раньше могли привести к ранней смерти.

Еще одна норма Конституции Российской Федерации связана с понятием «здоровье нации» – это статья 44, где сказано о свободе научного и технического творчества. Более детальную реализацию эта конституционная норма получила в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ⁵.

Таким образом, в качестве конституционной основы формирования понятия «здоровье нации» следует выделить три нормы – статьи 7, 41 и 44 Конституции Российской Федерации.

Указанные конституционные нормы легли в основу законодательного регулирования рассматриваемого понятия. В законодательстве Российской Федерации можно выделить целый блок законов, которые прямо или косвенно регулируют вопросы здоровья нации. По мнению А.О. Спицыной, именно Конституция РФ является базисом для гарантированной бесплатной медицинской помощи [5, с. 286]. Важно, что на конституционном уровне закреплены равные права как государственных, так и частных медицинских учреждений, это определено в части 2 статьи 8 Конституции РФ. Единственное различие между государственными и частными медицинскими учреждениями заключается в том, что основной частью государственной помощи является социальное обеспечение. При этом общее между ними – это создание условий, которые будут спо-

собствовать противостоянию болезням и травмам.

Как отмечает А.Б. Новиков, конституционная концепция оздоровления нации представляет собой целую группу взаимосвязанных правовых норм и тезисов, которые являются базисом для формирования целостной системы, направленной на физическое и духовно-нравственное здоровье граждан [6, с. 8].

Все правовое регулирование здоровья нации можно условно разделить на несколько блоков.

Во-первых, блок регулирования общих вопросов оказания медицинской помощи. Прежде всего, это Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ)⁶. В нем определены общие правовые начала формирования системы охраны здоровья граждан, закрепление прав и обязанностей в области охраны здоровья и т. п. (статья 1 указанного нормативного акта).

Во-вторых, блок, регулирующий вопросы страховой медицины. В Российской Федерации сформирована система страховых фондов, цель которых состоит в обеспечении финансирования медицинской помощи населению. Основным законодательный акт этого блока – это Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (далее – Федеральный закон № 326-ФЗ)⁷. В его основу положена Конституция РФ и регламенты Федерального закона № 323-ФЗ, несмотря на то, что он был принят позже на целый год. Благодаря этому законодательному акту получило развитие обязательное и добровольное медицинское страхование. Принято считать, что благодаря страховой медицине пациенты получили новые преимущества при оказании меди-

⁵ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 № 48. Ст. 6724.

⁷ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6422.

цинской помощи, но эта точка зрения вызывает много споров.

В-третьих, блок, регулирующий проведение профилактических мероприятий, в частности речь идет о Федеральном законе «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (далее – Федеральный закон № 38-ФЗ)⁸. Принятый еще в 1995 г. этот закон сформировал базис для профилактики и борьбы с таким опасным заболеванием, как ВИЧ-инфекция («чума XX века»). В этот блок следует включить следующие Федеральные законы: «Об иммунной профилактике инфекционных болезней» от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ; «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ; «Об охране атмосферного воздуха» от 04 мая 1999 г. № 96-ФЗ; «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» от 23 февраля 2013 г. №15-ФЗ и т. д.

В-четвертых, блок, который связан с правовым регулированием оборота лекарственных средств. Сюда следует включить два законодательных акта: Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (далее – Федеральный закон № 61-ФЗ)⁹; Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ)¹⁰. Тем самым государство на законодательном уровне взяло под контроль не только оборот лекарственных препаратов, но и

их использование в нарушение законодательства о наркотических препаратах.

Пятый блок – это законодательные акты, направленные на социальную защиту инвалидов в нашей стране, речь идет о Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ¹¹. Эта категория граждан получила дополнительные гарантии в рамках социальной защиты инвалидов, то есть, как сказано в статье 2 Федерального закона № 181-ФЗ, – это система гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. Основная задача анализируемого закона состоит в создании таких условий для инвалидов, чтобы они чувствовали себя равноправными членами общества.

В рамках настоящего научного исследования предлагается выделить еще один блок законодательных актов – это ветеринарное законодательство, которое представлено Законом РФ «О ветеринарии» от 14 мая 1993 г. № 44979-1¹². Данная точка зрения основана на следующем. Всемирно известный академик Павлов говорил, что медицинский врач лечит человека, а ветеринарный – человечество. Это связано с тем, что имеется целый перечень заболеваний животных, которые представляют опасность для человека, а именно:

- сибирская язва, одно из самых опасных заболеваний;
- бешенство, практически неизлечимое заболевание, летальность составляет 100 % в связи с тем, что отсутствуют методы лечения;
- бруцеллез, это заболевание оказывает негативное воздействие на опорно-двигательную, нервную и половую систему,

⁸ О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция): Федеральный закон от 30 марта 1995 года № 38-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 14. Ст. 1212.

⁹ Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.

¹⁰ О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 1 января 1998 года № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

¹¹ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.

¹² О ветеринарии: Закон Российской Федерации от 14 мая 1993 года № 4979-1 (ред. от 28.12.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.

практически человек становится инвалидом;
– лейкоз, возможность заражения не доказана, но молоко коров, зараженных вирусом этого заболевания, вызывает негативное влияние на организм человека.

Существуют и другие заболевания, которые представляют угрозу для человека. Некоторые болезни из этого списка могут использоваться в качестве бактериологического оружия, например, во время Второй мировой войны милитаристская Япония разрабатывала оружие на основе сибирской язвы.

Таким образом, включение законодательства о ветеринарии в систему законодательного регулирования понятия «здоровье нации» будет содействовать развитию конституционно-правового регулирования этого понятия.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что создана система правового регулирования здравоохранения в нашей стране, которая реализуется в концепции «здоровье нации». Конечно, нельзя говорить о том, что эта система совершенна, она требует определенной доработки и совершенствования в свете появления новых угроз и вызовов для здоровья человека.

Отдельного внимания заслуживает вопрос психологического здоровья. Это связано с тем, что здоровье нации напрямую связано с общественным здоровьем.

В начале 90-х гг. XX века Ю.П. Лисицын установил, что на общественное здоровье важное влияние оказывает образ жизни [7, с. 148]. С данной точкой зрения трудно не согласиться и вот почему.

Общественное здоровье напрямую связано с тремя составляющими:

- ответственность государства за создание системы здравоохранения;
- формирование системы финансирования здравоохранения;
- реализация личностью своих прав и обязанностей в сфере здравоохранения.

Итак, *государство* путем реализации конституционно-правовых норм *создает основу для создания и развития системы здравоохранения*, которая формирует определенную инфраструктуру: подготовка медицинских кадров; сеть медицинских учреждений, включая поликлиники, больницы, частные

лечебные учреждения; поддержка медицинской науки; обеспечение лекарственными средствами; проведение профилактических мероприятий; контроль за безопасными условиями труда и т. п. Каждое из этих направлений государственной деятельности имеет определенную правовую основу, о чем ранее говорилось в настоящем исследовании.

Формирование системы финансирования здравоохранения. Государство ежегодно тратит значительные средства на развитие и поддержание системы здравоохранения в нашей стране. Конечно, важное место в этом занимает система социального страхования. Ее цель минимизировать социальные риски, которыми могут быть подвергнуто население. Это заболевания, временная потеря трудоспособности, старость и т. п. Среди перечисленных социальных рисков болезни не зависят от человека, они всегда были связаны с ним. В этой связи особое место в системе финансирования занимает проведение профилактических мероприятий, направленных на оздоровление нации.

Реализация личностью своих прав и обязанностей в сфере здравоохранения. Каждый гражданин нашей страны наделен конституционным правом на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом имеет место халатное отношение граждан к своему здоровью. Несвоевременное прохождение медицинского обследования может привести к неблагоприятным последствиям и стать причиной серьезных заболеваний. Конечно, можно сослаться на то, что охрана здоровья и медицинская помощь являются правом, а не обязанностью гражданина, но в то же время необходимо на законодательном уровне закрепить недопустимость халатного отношения к своему здоровью. Конечно, можно сослаться на статью 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где сказано, что граждане обязаны заботиться о своем здоровье. При этом диспозиция данной статьи не раскрывает, как это должно происходить. Положения части 1 статьи 27 указанного федерального закона в большей степени направлены на реализацию самосознания, формирование ответственности за собственное здоровье с целью сохранения оптимальной работоспособности и жизнедеятельности.

В рамках реализации положения статьи 41 Конституции РФ предлагается дополнить положения статьи 27 Федерального закона № 323-ФЗ положением, которое обязывает граждан заботиться о своем здоровье. Конечно, можно сослаться на конституции ряда стран, где закреплена обязанность такой заботы, например, Конституция Монголии. В статье 17 прямо сказано, гражданин обязан заботиться о своем здоровье, но такую обязанность можно посчитать как ограничивающую социальные и общественные права человека. Не следует также закреплять административную или уголовную ответственность за отсутствие такой заботы. Это вступает в противоречие с положениями статьи 55 Конституции РФ, где речь идет о недопустимости ущемления общепризнанных прав и свобод. В этой связи следует закрепить в статье 27 Федерального закона № 323-ФЗ обязанность ежегодного обследования и не только в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 27 указанного закона. В обоснование данной точки зрения следует упомянуть о том, что, говоря о формировании концепции «здоровье нации» как конституционно-правового понятия, следует не забывать о том, что оно является важной составляющей формирования национальной безопасности Российской Федерации.

Казалось бы, на законодательном уровне все вопросы правового обеспечения здоровья нации урегулированы, но, вместе с тем, имеется ряд пробелов и недостатков, требующих отдельного внимания.

Основной недостаток правового регулирования понятия «здоровье нации» заключается в том, что оказание медицинской помощи перешло в разряд услуг. Предлагается отказаться от понятия «медицинская услуга».

В статье 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определены сразу два понятия, во-первых, медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; во-вторых, медицинская услуга – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реа-

билитацию и имеющих самостоятельное законченное значение.

Существует точка зрения, что медицинская услуга – это часть медицинской помощи, при этом последнее – это разовое действие, происходящее в случае экстренной необходимости [8, с. 43].

В области здравоохранения оказание медицинских услуг является публичной деятельностью, что вытекает из положения статьи 41 Конституции РФ.

Еще одна особенность медицинской услуги состоит в том, что она является неделимой. Кроме того, медицинская услуга носит комплексный характер, поскольку это совокупность их различных видов. Все эти действия направлены на достижение одной цели – это постановка диагноза.

При оказании медицинской услуги задействованы два субъекта: первый – медицинский работник; второй – пациент. Их взаимодействие направлено на достижение определенного результата.

Медицинская услуга имеет стоимостное выражение, которое оплачивается по обязательному медицинскому страхованию, для чего у каждого гражданина имеется страховой полис.

Закономерно возникает вопрос о качестве медицинских услуг, которые имеют комплексную составляющую. В частности, они включают в себя вовремя оказанную медицинскую помощь, выбор используемых методов профилактики, которые в полной мере позволяют выбрать способы лечения, диагностику, лечение и реабилитацию.

Все это в единой взаимосвязи направлено на достижение конкретного результата – восстановление здоровья пациента.

Не всегда медицинская услуга отвечает требованиям качества и соответствия стандартам медицинской помощи.

Само понятие «медицинская услуга» в большей степени ассоциируется с понятием «гражданско-правовой услуги». Они обе подпадают под действие Федерального закона «О защите прав потребителей». При этом не учитывается, что, обращаясь в медицинское учреждение, пациент получает именно медицинскую помощь, а не услугу, и все правоотношения регламентируются специальными нормативно-правовыми актами.

Все вопросы медицинского вмешательства происходят в рамках полиса обязательного медицинского страхования (ОМС), а это уже следует рассматривать только с точки зрения понятия «медицинская помощь». Услуга носит больше возмездный характер. Пациент заключает договор гражданско-правового характера, который носит возмездный характер. При этом возникает закономерный вопрос, а каким образом будет обеспечиваться безопасность медицинской услуги и насколько она безопасна для пациента? Именно некачественное оказание данного вида услуг приводит к наиболее неблагоприятным последствиям в виде причинения вреда здоровью. Возникает ситуация, когда действия врачей квалифицируются в рамках уголовного законодательства по статье 238 УК РФ (Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающим требованиям безопасности).

Еще один момент, на который следует обратить внимание, что российское законодательство не относит медицинского работника к категории субъектов оказания медицинской услуги. Больной вступает в правоотношения именно с медицинской организацией, которая оказывает именно медицинскую помощь, то есть оказание дополнительной медицинской помощи, которая не предусмотрена полисом ОМС, будет рассматриваться как услуга.

Отказ от использования понятия «медицинская услуга» позволит в определенной степени декриминализовать медицинских работников.

В научно-практической литературе можно встретить точку зрения, что в современных условиях отсутствует система управления здравоохранения [9, с. 222]. Конечно, в противовес данной точки зрения можно сослаться на то, что существует многоуровневая система управления здравоохранением, в которую входят государственное, региональное и местное управление. Кроме того, в стране действует система контролирующих органов, которые выполняют контролируемую функцию.

В данном случае речь идет не о системе органов государственного управления, а об управлении системы обеспечения здоровья нации.

Итак, любая система должна управляться, тем более что здоровье нации является стратегическим ресурсом для социально-экономического развития страны. Это происходит через реализацию мер по укреплению здоровья и профилактики заболеваемости в стране. Получается, что эта система осталась без надлежащего управления в рамках понятия «здоровье нации».

И.В. Бородушко, анализируя фактор здоровья в структуре индекса человеческого развития, отметил, что здоровье нации является максимально слабым звеном в общей структуре качественных характеристик населения страны [10, с. 72]. Это может быть связано с недостаточным развитием системы управления.

Если рассматривать систему управления здоровьем нации с точки зрения управления здравоохранением, то ее можно представить как многоуровневую, только с одной существенной особенностью. Основным элементом этой системы является сам человек. Именно он является тем субъектом, который управляет своим здоровьем. Основная цель – это создать такие условия, которые будут способствовать поддержанию здоровья для удовлетворения человеком своих потребностей. Его можно определить, как основной управляющий субъект.

Второй элемент этой системы – работники медицинских учреждений. Они связаны с основным управляющим субъектом через реализацию их компетенции оказания медицинской помощи. Специалист помогает получить доступ к оценке здоровья, определить верный диагноз и выстроить сценарий управления человеком своим здоровьем. Особенность действий медицинского работника в рамках управления заключается в том, что человек – это не обязательно пациент, это может быть иное лицо, которое поддерживает свое здоровье.

Третий элемент – юридическое лицо, в котором трудится человек. Это может быть и учебное заведение. Основная задача руководства состоит в создании условий, обеспечивающих нормальную работоспособность человека. Это достигается благодаря обеспечению питанием, регулярных физических нагрузок, санаторно-курортного оздоровления и других мер.

Таким образом, основной составляющей системы управления здоровьем нации является человеческий фактор, который основан на четко определенном правовом регулировании. Это определено в системной взаимосвязи статей 2, 41 Конституции РФ, поскольку права и свободы невозможно представить без охраны здоровья и качественной медицинской помощи.

Заключение

Говоря о формировании концепции «здоровье нации» как конституционно-правового понятия, следует не забывать о том, что оно является важной составляющей формирования национальной безопасности Российской Федерации. По мнению ряда авторов, государство несет прямую ответственность за здоровье нации [11, с. 154].

Применительно к теме настоящей научной публикации формирование конституционно-правовых основ понятия «здоровье нации» напрямую связано с властной волей государства. Этот довод имеет под собой правовую основу, которая нашла свою реализацию в многочисленных законодательных актах, которые предложено условно разделить на несколько блоков. Это поможет более четко регулировать каждое направление правового регулирования концепции «здоровье нации».

Важное место в системе правового регулирования здоровья нации занимает блок законодательства, которое регулирует пищевую безопасность граждан Российской Федерации. В частности, детального совершенствования требует Закон РФ «О ветеринарии». Это связано с тем, что здоровье нации напрямую связано с защитой конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, которое определено статьей 42 Конституции РФ.

В рамках конституционно-правового регулирования понятия «здоровье нации» необходимо отдельно закрепить оказание именно медицинских услуг населению. Поскольку услуга соотносится с гражданско-правовым регулированием и нормами законодательства о защите прав потребителей, в роли которых выступают лица, желающие получить дополнительные медицинские услуги, не предусмотренные ОМС, то необходимо выделить это понятие в отдельный предмет законодательного регулирования.

Проведенный анализ позволяет сделать еще один важный вывод – необходимо выстроить систему оценки индикаторов здоровья нации, которая позволит максимально эффективно реализовать комплекс профилактических мероприятий.

Список источников

1. Казакова О.В. Проблемы кодификации законодательства // Вопросы современной юриспруденции: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф.. Новосибирск, 2011. С. 33-38.
2. Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И. Публично-правовое регулирование в сфере биомедицины в Республике Польша // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 226-235. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-226-235>, <https://elibrary.ru/zgdecs>
3. Литовкина М.И. Конституционное право на охрану здоровья в фокусе национальной безопасности // Право и безопасность. 2013. № 1-2. С. 144-150. <https://elibrary.ru/szwadb>
4. Звартау Н.Э. Состояние и перспективы развития кардиологической помощи в Российской Федерации в рамках реализации региональных программ «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» // Высшая школа организации и управления здравоохранением. URL: https://www.vshouz.ru/upload/iblock/8f6/3_Zvartau%20Н.Э._25.05.2019_final.pdf (дата обращения: 08.04.2025)
5. Спицына А.О. Правовые основы регулирования здравоохранения в РФ // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф.. Курск, 2018. С. 286-292. <https://elibrary.ru/yuytpx>
6. Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Оздоровление нации: философско-правовой этюд. Санкт-Петербург: Изд-во «Инфо-да», 2022. 156 с. <https://elibrary.ru/ggiktv>
7. Лисицын Ю.П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. Проблемные лекции. Москва: Медицина, 1992. 512 с.
8. Горбунов А.Е. Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» в контексте российского законодательства // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 43-44. <https://elibrary.ru/wghqkx>

9. Губайдуллина А.Р. Организация взаимодействия органов государственной власти в управлении здравоохранением: основные проблемы // Наука через призму времени. 2018. № 1 (10). С. 221-224. <https://elibrary.ru/ylwbxl>
10. Бородушко И.В. Фактор здоровья в структуре индекса человеческого развития: концептуальная модель и эмпирические закономерности в России и мире // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 4 (36). С. 71-76. <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-2021-4-71-76>, <https://elibrary.ru/shbuwm>
11. Дистанова А.А., Хадеев Д.А., Толмачев Д.А. Ответственность государства за здоровье нации // Modern Science. 2019. № 11-2. С. 153-156. <https://elibrary.ru/waomgh>

References

1. Kazakova O.V. (2011). Problems of Law Codification. *Sbornik nauchnykh statei po materialam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Voprosy sovremennoi yurisprudentsii» = Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the III International Scientific and Practical Conference “Issues of Modern Jurisprudence”*. Novosibirsk, pp. 33-38. (In Russ.)
2. Romanovskii G.B., Romanovskaya E.A., Dasaeva A.I. (2025). Public law regulation in the field of biomedicine in the Republic of Poland. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 226-235. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-226-235>, <https://elibrary.ru/zgdecs>
3. Litovkina M.I. (2013). Constitutional law on health protection in focus of national security. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, no. 1-2, pp. 144-150. (In Russ.) <https://elibrary.ru/szwadb>
4. Zvartau N.E. (2019). The State and Prospects for the Development of Cardiac Care in the Russian Federation within the Framework of Implementing Regional Programs “Combating Cardiovascular Diseases”. *Vysshaya shkola organizatsii i upravleniya zdavookhraneniem = Higher School of Healthcare Organization and Management*. (In Russ.) URL: https://www.vshouz.ru/upload/iblock/8f6/3_Zvartau%20N.E._25.05.2019_final.pdf (accessed: 08.04.2025)
5. Spitsyna A.O. (2018). Legal foundations of healthcare regulation in the Russian Federation. *Sbornik nauchnykh trudov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye podkhody k transformatsii kontseptsii gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh» = Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference “Modern Approaches to the Transformation of Concepts of State Regulation and Management in Socio-Economic Systems”*. Kursk, pp. 286-292. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yuytpx>
6. Novikov A.B., Ragozina N.A. (2022). *The Nation's Recovery: A Philosophical and Legal Essay*. St. Petersburg, “Info-da” Publ., 156 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ggiktv>
7. Lisitsyn Yu.P. (1992). *Social Hygiene and Healthcare Organization. Problem-based Lectures*. Moscow, Meditsina Publ., 512 p. (In Russ.)
8. Gorbunov A.E. (2016). The relationship between the concepts of “medical service” and “medical care” in the context of Russian legislation. *Nauchnyi poisk = Scientific Research*, no. 2.1, pp. 43-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wghqkx>
9. Gubaidullina A.R. (2018). Organization of interaction between government bodies in healthcare management: key issues. *Nauka cherez prizmu vremeni = Science Through the Prism of Time*, no. 1 (10), pp. 221-224. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylwbxl>
10. Borodushko I.V. (2021). Health factor in the structure of the human development index: a conceptual model and empirical regulations in Russia and the world. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*, no. 4 (36), pp. 71-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-2021-4-71-76>, <https://elibrary.ru/shbuwm>
11. Distanova A.A., Khadeev D.A., Tolmachev D.A. (2019). The state's responsibility for the nation's health. *Modern Science*, no. 11-2, pp. 153-156. (In Russ.) <https://elibrary.ru/waomgh>

Поступила в редакцию / Received 22.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-567-576>

Шифр научной специальности 5.1.4

Совершенствование уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики

Репникова Элла Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор кафедры «Международное право», Тамбовский государственный технический университет, 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, SPIN-код: 6667-8146, РИНЦ AuthorID: 626756, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

Кузнецов Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 194064, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, SPIN-код: 2523-3451, РИНЦ AuthorID: 1018786, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>, kuznetsova69@mail.ru

Макурин Павел Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовного и гражданского права, Липецкий государственный технический университет, 398055, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30, SPIN-код: 3731-9527, РИНЦ AuthorID: 844394, <https://orcid.org/0009-0005-6570-2163>, p_makurin@mail.ru

Аннотация

В настоящее время наблюдается повышенная научная и практическая значимость исследования преступных посягательств на объекты атомной энергетической инфраструктуры, в особенности правонарушений, связанных с несоблюдением норм радиационной безопасности. Действующий уголовно-правовой подход квалифицирует данные деяния как представляющие повышенную общественную опасность. Уголовная ответственность за преступные посягательства на ядерную и радиационную безопасность установлена в статьях 215, 220, 221 УК РФ. В системной связи с ними находятся положения статей 246, 247 УК РФ. Казалось бы, что составы преступлений, предусмотренные указанными нормами уголовного законодательства, не должны вызывать много вопросов у представителей доктрины уголовного права, вместе с тем имеет место некоторая правовая неопределенность, в частности, при определении субъективной стороны рассматриваемого преступления. Цель исследования состоит в том, чтобы на основании проведенного анализа существующих уголовно-правовых мер сформировать предложения по совершенствованию уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики. Методы исследования включают в себя общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и частнонаучные (формально-логический, структурный, анализ документов). Основным результатом исследования стала разработка авторского определения понятия «ядерная безопасность» и «состояние защищенности», а также предложения о необходимости модернизации уголовного законодательства в сфере ядерной и радиационной безопасности. Основное значение настоящей работы состоит в том, что исключается двоякое толкование правовых норм, а также устраняются пробелы и противоречия в уголовном законодательстве.

Ключевые слова

ядерная и радиационная безопасность, уголовно-правовые меры, объекты атомной энергетики, общественная безопасность, обеспечение безопасности гражданского населения, источники радиоактивного загрязнения, некорректное размещение

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Э.Ю. Репникова – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, утверждение окончательного варианта статьи, научный анализ материалов, обобщение полученных результатов. А.А. Кузнецов – разработка концепции исследования, окончательное редактирование рукописи, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи. П.С. Макурин – разработка концепции исследования, окончательное редактирование рукописи, сбор и обработка нормативных документов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Репникова Э.Ю., Кузнецов А.А., Макурин П.С. Совершенствование уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 567-576. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-567-576>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-567-576>

OECD 5.05; ASJC 3308

Expanding criminal liability for violation of nuclear and radiation safety rules at nuclear power facilities

Ella Yu. Repnikova,

Dr. Sci. (Law), Professor of the “International Law” Department, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, SPIN-code: 6667-8146, RSCI AuthorID: 626756, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

Alexander A. Kuznetsov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Politekhnikeskaya St., St. Petersburg, 194064, Russian Federation, SPIN-code: 2523-3451, RSCI AuthorID: 1018786, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>, kuznetsovaa69@mail.ru

Pavel S. Makurin,

Senior Lecturer of the Criminal and Civil Law Department, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russian Federation, SPIN-code: 3731-9527, RSCI AuthorID: 844394, <https://orcid.org/0009-0005-6570-2163>, p_makurin@mail.ru

Abstract

Currently, there is an increased scientific and practical significance in researching criminal acts related to attacks on nuclear power facilities, in particular, violations of radiation safety rules and requirements. The legislator considers these acts to be particularly socially dangerous. Criminal liability for criminal attacks on nuclear and radiation safety is established in Articles 215, 220, and 221 of the Criminal Code of the Russian Federation. These articles are systemically linked to Articles 246 and 247 of the Criminal Code of the Russian Federation. It would seem that the elements of the crimes provided for in these criminal laws should not raise many questions among representatives of the criminal law doctrine, but there is some legal uncertainty, particularly in determining the subjective aspect of the crime in question. The aim of the study is to formulate proposals for improving criminal liability for violations of nuclear and radiation safety regulations at nuclear power plants based on the

analysis of existing criminal law measures. Research methods include general scientific methods (analysis, synthesis, and deduction) and specific scientific methods (formal-logical, structural, and document analysis). The main result of the research is the development of an author's definition of the concept of "nuclear safety", as well as suggestions for the need to modernize criminal legislation in the field of nuclear and radiation safety. The main significance of the work is that it eliminates the ambiguous interpretations of legal norms and addresses gaps and contradictions in criminal legislation.

Keywords

nuclear and radiation safety, criminal law measures, nuclear power facilities, public safety, ensuring the safety of the civilian population, sources of radioactive contamination, incorrect placement

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

E.Yu. Repnikova – scientific supervision, theoretical substantiation of the study, approval of the final version of the manuscript, scientific analysis of the materials, summarization of the results obtained. A.A. Kuznetsov – research concept development, final version of the manuscript revision, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation. P.S. Makurin – research concept development, final version of the manuscript revision, normative documents selection and analysis.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Repnikova, E.Yu., Kuznetsov, A.A., & Makurin, P.S. (2025). Expanding criminal liability for violation of nuclear and radiation safety rules at nuclear power facilities. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 567-576. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-567-576>

Введение

Анализ приговоров по уголовным преступлениям, которые содержатся в справочных правовых базах «КонсультантПлюс» и «Гарант», показал, что из их общего числа отсутствуют прецеденты рассмотрения обвинений по статьям 215, 220, 221, 246, 247 УК РФ¹. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, на территории Российской Федерации не зафиксировано серьезных инцидентов на объектах атомной энергетики, а во-вторых, создана действенная система мер контроля и надзора на объектах атомной энергетики.

Вместе с тем в связи с проведением специальной военной операции (СВО) возникла необходимость принять действенные меры безопасности, контроля и дополнительно проанализировать составы преступлений и их квалификацию, ответственность за которые предусмотрена анализируемыми статьями уголовного закона.

Как отмечает Н.М. Наумова в своем диссертационном исследовании, посвященном вопросам криминологическим и уголовно-правовым аспектам ядерной и радиационной безопасности, основная проблема заключается в отсутствии законодательно закрепленного понятия «радиационная и ядерная безопасность». Автор определяет «радиационную безопасность как комплекс мер, направленных на обеспечение безаварийного функционирования объектов атомной энергетики, при котором исключается возможность возникновения и развития аварийных нарушений установленных режимов с последующим наступлением общественно опасных последствий» [1, с. 54].

Анализируя основные научные труды по реализации мер уголовной ответственности по обеспечению ядерной и радиационной безопасности, можно сделать вывод о том, что это наиболее полное определение рассматриваемых понятий.

Вместе с тем с учетом современных реалий формирования концепции ядерной и радиационной безопасности они требуют определенной корректировки и дополнения. Это необходимо для формирования полно-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ценной уголовно-правовой характеристики понятия «радиационная и ядерная безопасность» и формирования научно-практических предложений по совершенствованию уголовной ответственности.

Кроме того, много вопросов возникает при квалификации преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 215, 220, 221, 246, 247 УК РФ. Например, О.Л. Дубовик предлагает преступление по статье 215 УК РФ квалифицировать как экологическое [2, с. 80].

Методы исследования

При подготовке настоящего научного исследования была использована следующая методология:

- посредством формально-логического метода была осуществлена догматическая реконструкция и систематизация уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на ядерную и радиационную безопасность;
- применение метода системного анализа обеспечило выявление специфики и раскрытие характерных особенностей и устойчивых тенденций, присущих процессам формирования и реализации уголовно-правовых норм, охраняющих ядерную и радиационную безопасность, и определения их системной корреляции;
- с помощью анализа юридической литературы определена основная проблематика в рамках темы настоящего исследования;
- метод нормативно-правового анализа позволил изучить законодательные, нормативно-правовые акты, судебные акты и доктринальные труды по вопросу уголовной ответственности за посягательство на ядерную и радиационную безопасность, выделить основные проблемные вопросы и пути их решения.

Результаты исследования и их обсуждение

Для того чтобы предложить собственное определение термину «радиационная и ядерная безопасность», необходимо определить ряд важных моментов, которые тесно связаны с этим понятием.

Бесспорной является концепция о том, что объекты атомной энергетики должны функционировать в безаварийном режиме. Это значит, что должна быть исключена лю-

бая возможность возникновения и развития аварийной ситуации, причиной которой будет наступление общественно опасных последствий в виде радиационного облучения.

В целях определения и ранжирования всех возможных вариантов возникновения ситуаций, связанных с облучением человека, Международная комиссия по радиационной защите (The International Commission on Radiological Protection – ICRP) определяет их основные типы:

во-первых, получение облучения, связанное с профессиональной деятельностью, например, на рабочем месте или производственной и научной деятельностью, это так называемое профессиональное облучение;

во-вторых, облучение в связи с оказанием медицинской помощи или в связи с проводимыми в отношении пациента диагностических и лечебных мероприятий – медицинское облучение;

в-третьих, облучение населения, связанное не только с двумя первыми типами, но и иными возможными видами облучения людей, которое включает в себя три подтипа: планируемое облучение (действие источников, захоронение отходов и т. п.); аварийное облучение (непредвиденная ситуация); существующее облучение (природное облучение, облучение, связанное с прошлой практической деятельностью).

Такая градация необходима для того, чтобы правильно определить место в системе правового регулирования противоправных действий, связанных с нарушением правил ядерной и радиационной безопасности.

Анализируя вопросы радиационной безопасности, А.П. Черняев, М.В. Желтоножская и С.М. Варзарь предложили целую группу контрольных мер, которые непосредственно связаны с поименованными выше типами облучения.

«Профессиональное облучение контролируется на следующих уровнях:

- контроль физической защиты, то есть контроль на уровне источника;
- контроль уровня окружающей среды;
- контроль на уровне работника, то есть это безопасности производства, организация методики работы и обеспечение защитной одеждой.

Медицинское облучение также контролируется на трех аналогичных моментах, но дополнено диагностическими и лечебными целями» [3, с. 27].

Основное внимание на формирование системы контроля за облучением населения делается на его источнике, то есть что стало причиной, приведшей к возникновению критической ситуации. При этом нельзя забывать и о возможных превышениях норм и параметров доз облучения окружающей среде, что также может привести к негативному воздействию на организм человека.

Таким образом, при определении понятия «радиационная и ядерная безопасность» в рамках раскрытия цели и задач анализа основных направлений совершенствования уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики необходимо учитывать эти три типа облучения, которые позволят сформировать более четкое и конкретное определение данного понятия.

На законодательном уровне определение «радиационная безопасность» сформулировано в статье 1 Федерального закона «О радиационной безопасности населения»². Радиационная безопасность населения (далее – радиационная безопасность) – состояние защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения.

Основной упор в этом определении делается на такой признак, как состояние защищенности, понятийное определение которого не представлено на законодательном уровне.

В принятом в марте 1992 г. Законе РФ № 2446-I «О безопасности» понятие «состояние защищенности» определялось через соотношение с понятием «безопасность». Такое соотношение позволяло определить состояние защищенности или безопасность, как состояние, которое обеспечивало безопасность важнейших интересов личности,

общества и государства от внутренних и внешних угроз³.

В 2010 г. Закон РФ от 05 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» утратил силу, что стало причиной правовой неопределенности многих понятий, которые прямо или косвенно связаны с понятием «состояние защищенности». Это касается и законов, и научных исследований.

Еще одна особенность определения понятия «радиационная безопасность», представленного в статье 1 ФЗ «О радиационной безопасности», состоит в том, что в ней указан только один вид воздействия – это ионизирующее излучение. Другие связанные с ним понятия, которые необходимо учитывать в рамках законодательного регулирования, не указаны, и на них нет ни прямых, ни косвенных ссылок. Например, это естественный радиационный фон, техногенно измененный радиационный фон, эффективная доза и т. п. Следует отметить, что результатом ионизирующего излучения будет посягательство на анатомическое и физиологическое состояние человека.

В рамках реализации цели настоящей научной статьи предлагается следующее определение понятия радиационная безопасность – это система научно-обоснованных мер, направленная на реализацию состояния защищенности людей от посягательства на их анатомическое и физиологическое состояние, которое происходит в результате нарушения нормированных параметров облучения при ионизирующем излучении.

Конечно, может показаться, что предложенное определение является более расширенной трактовкой понятия «радиационная безопасность», которое дано в статье 1 Федерального закона «О радиационной безопасности». На самом деле основной упор делается на нарушение нормированных параметров облучения при ионизирующем излучении. Как уже ранее говорилось авторами, Международная комиссия по радиационной защите (ICRP) определила три типа облучения. Любое нарушение контрольных мер влечет за собой превышение погло-

² О радиационной безопасности населения: Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 141.

³ О безопасности: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

щающей дозы ионизирующего излучения, что приводит к серьезным мутациям и негативным изменениям в организме человека и животных, а также растений.

Еще одно понятие, которое связано с радиационной безопасностью, – это ядерная безопасность. На официальном сайте Министерства чрезвычайных ситуаций представлен список терминов, среди которых есть «безопасность ядерная». «Во-первых, это система организационно-технических мероприятий, проводимых на ядерно-опасных объектах в целях максимального снижения и исключения возможностей по возникновению опасных и вредных факторов воздействия на людей и окружающую среду. Основное место их проведения – предприятия и организации, которые непосредственно связаны с хранением и использованием ядерных технологий, в которые входят реакторы ядерных энергетических установок, хранилища ядерных отходов, а также хранение и применение ядерного оружия. Во-вторых, свойство объектов, содержащих источники ядерной опасности, – не допускать их проявления с требуемой вероятностью в течение заданного времени»⁴.

Если сравнивать два понятия радиационная и ядерная безопасность, то первое связано с состоянием защищенности человека от негативного воздействия ионизирующего излучения. Второе – это система мероприятий, которые реализуются в рамках конкретных предприятий и объектов, которые связаны с оборотом ядерных материалов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2018 г. № 585 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» можно выделить основные задачи радиационной и ядерной безопасности.

Задача радиационной безопасности состоит в ограничении вреда, который человек может получить как при нормальном ис-

пользовании, так и при аварийной ситуации, связанных с источниками ионизирующего излучения.

Решение задачи обеспечения ядерной безопасности заключается в формировании системы условий, обеспечивающих снижение до социально приемлемого уровня рисков использования ядерных технологий, что в конечном итоге призвано гарантировать защиту от радиационной угрозы для личности, имущества и окружающей среды. Можно сказать, что эти, казалось бы, на первый взгляд разные задачи формируют единую систему безопасности и защищенности человека в связи с нарушением нормированных параметров облучения при ионизирующем излучении.

Любое понятие должно быть основано на определенных принципах, нарушение которых приведет к применению мер уголовной ответственности к их нарушителю.

В теории государства и права принципы представляют собой основополагающие идеи права, которые в силу их закрепления имеют общеобязательное значение. Применительно к уголовному законодательству основополагающим принципом является принцип гуманизма, который определен в статье 7 УК РФ. Это значит, что «наказание, применяемое к преступнику, должно служить целям воспитания, а не унижения. Полное и неуклонное проведение принципа гуманизма позволяет надеяться на исправление преступника и возвращение его к социально-активной правомерной жизни» [4, с. 55].

Основополагающими принципами радиационной безопасности являются следующие.

1. Принцип обоснования, это значит, что все действия, которые связаны с использованием ионизирующего излучения или иных источников повышенной радиационной опасности, должны быть обоснованы исходя из потребностей приносить пользу, а не вред. Например, использование в медицинских целях лучевой терапии основано на клинических показаниях и рекомендациях врачей. То есть речь идет о нарушении определенного порядка и контроля за обращением указанных предметов с целью причинения вреда здоровью человеку и урону окружающей среде. Принцип обоснования

⁴ Термины МЧС России. Безопасность ядерная // Министерство чрезвычайных ситуаций РФ: официальный сайт. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1962> (дата обращения: 12.05.2025).

можно назвать принципом защитных мероприятий, поскольку он реализуется путем недопустимости превышения нормированной дозы облучения.

2. Принцип оптимизации заключается в том, что на человека должна воздействовать минимальная доза излучения, которая не причинит ему вреда. Например, 98 % общей дозы, которые получают люди, связано с медицинским облучением. Превышение предельно допустимой нормы ионизирующего излучения может привести к серьезным мутациям и негативным изменениям в организме человека. При определении уровня индивидуальных доз облучения для населения необходимо учитывать экономические и социальные факторы, которые могут выступать в роли причин для создания условий облучения людей.

3. Принцип нормирования определяет, что при любом использовании ионизирующего излучения и других источников облучения не должно допускаться превышение установленных пределов, то есть должны быть установлены конкретные уровни допустимого излучения. Принцип нормирования является обязательным для соблюдения всеми субъектами, которые связаны с обращением ядерных материалов и радиоактивных веществ. От его реализации будет зависеть уровень дозы облучения людей.

Таким образом, эти три основных принципа имеют особое значение для обеспечения радиационной безопасности. Каждый из них имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с нарушением правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики.

Еще одним немаловажным моментом, который необходимо учитывать при изучении направлений совершенствования мер уголовной ответственности за нарушение правил ядерной и радиационной безопасности, является учет особенностей понятия «объект атомной энергетики».

К категории объектов атомной энергетики следует отнести несколько категорий, которые закреплены на законодательном уровне. В частности, в статье 3 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» среди таких объектов поименованы

ядерные установки, которые определяются как сооружения и комплексы с ядерными реакторами. К ядерным установкам относятся атомные станции, атомные суда, а также космические и летательные аппараты.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 1494 «Об утверждении Положения об отнесении объектов использования атомной энергетики к отдельным категориям и определении состава границ таких объектов»⁵ закреплён порядок отнесения к указанным категориям.

Объекты атомной энергетики причислены к категории техногенных объектов, которые имеют определенный жизненный цикл. А.Ф. Нечаев и В.В. Прояев определили, что в них включены, во-первых, определение необходимости возведения объекта атомной энергетики, разработка проекта и его строительство; во-вторых, безопасная эксплуатация в соответствии с техническими требованиями и стандартами безопасности в интересах конкретного субъекта для получения прибыли или иной выгоды; в-третьих, завершение использования и вывод из эксплуатации [5, с. 107].

Каждый этап жизненного цикла объекта атомной энергетики имеет свои особенности, которые существенно отличают его от жизненных циклов иных объектов. Важно, что при нарушении хотя бы одной составляющей технологического процесса может произойти аварийная ситуация, при которой возникнут негативные последствия как для человека, так и для окружающей среды.

Стадии жизненного цикла объектов атомной энергетики позволяют определить те преступные действия, которые приведут к возникновению уголовной ответственности:

- нарушение санитарных требований для данной категории объектов, что приведет к заражению населенных пунктов и водоемов;
- возникновение конструктивных дефектов в процессе возведения объекта атом-

⁵ Об утверждении Положения об отнесении объектов использования атомной энергии к отдельным категориям и определении состава и границ таких объектов: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 1494 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 2. Ст. 99.

ной энергетики, что приведет к утечке радиации;

- наличие строительного дефекта защитных конструкций, ограждающих конструкций или монтажа;

- эксплуатационные ошибки, которые могут привести к неконтролируемой утечке радиации;

- несоблюдение требований правил хранения или транспортировки источников излучения, что может привести к необратимым негативным последствиям для организма человека.

Как известно, детерминирующим фактором для уголовно-правового регулирования в данной сфере выступает присущий объектам атомной энергетики жизненный цикл. Именно в его рамках реализуется состав преступлений, связанных с нарушением правил ядерной и радиационной безопасности, которые характеризуются длящимся характером. Например, при проектировании объекта атомной энергетики были допущены отклонения от чертежей и расчетов. Казалось бы, здесь нет ничего страшного, аналогичные отклонения можно встретить и на других объектах строительства. Разница состоит в том, что это может привести к эксплуатационным ошибкам, которые могут возникнуть не сразу, а в процессе эксплуатации, что приведет к аварии.

Анализируемое преступление представляет собой серьезную угрозу обществу. Несоблюдение правил и стандартов безопасности на атомных объектах может привести к катастрофическим последствиям. Это включает в себя риск для жизни и здоровья людей, потенциальный ущерб государственным и частным учреждениям, а также негативное экологическое воздействие.

Кроме того, по мнению С.Р. Микаутадзе, «В каждом конкретном случае преступление искажает, нарушает определенные общественно полезные правовые связи, охраняемые уголовным законом, проявляет, таким образом, свой антисоциальный, вредный и опасный характер» [6, с. 91].

Заключение

Вопросы обеспечения ядерной и радиационной безопасности являются важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [7–10].

Особая общественная опасность преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 215, 220, 221, 246, 247 УК РФ, возникает потенциальная угроза не только для здоровья человека, но и животных. Генетические мутации, рост числа онкологических и генетических заболеваний – это только малая часть тех последствий, которые являются последствием нарушения правил ядерной и радиационной безопасности на объектах атомной энергетики.

Современная правовая доктрина демонстрирует устойчивую потребность в оптимизации и дифференциации юридической ответственности за противоправные деяния в сфере обеспечения ядерной и радиационной безопасности. В рамках настоящего научного исследования предложено авторское понятие радиационная безопасность. Предлагается определить ее, как систему научно-обоснованных мер, направленных на реализацию состояния защищенности людей от посягательства на их анатомическое и физиологическое состояние, которое происходит в результате нарушения нормированных параметров облучения при ионизирующем излучении.

Предложенное в статье определение понятия радиационная безопасность позволит выстроить основные направления внедрения новых правовых механизмов. Предлагается рассматривать радиационную безопасность как систему научно-обоснованных мер, направленную на реализацию состояния защищенности людей от посягательства на их анатомическое и физиологическое состояние, которое происходит в результате нарушения нормированных параметров облучения при ионизирующем излучении.

Анализ положений статей 220 и 247 УК РФ показал, что их диспозиции в какой-то мере дублируют друг друга. Так, статья 220 УК РФ признает незаконными действия, связанные с приобретением, хранением, использованием и передачей ядерных материалов и радиоактивных веществ. Статья 247 УК РФ предусматривает уголовное наказание за производство запрещенных видов опасных отходов, к перечню которых относятся и радиоактивные вещества.

Основное сходство статей 220 и 247 УК РФ, которое позволяет объединить их в одну

норму, состоит в том, что предусматривается ответственность за незаконное обращение запрещенных видов отходов, к числу которых относятся ядерные материалы, радиоактивные вещества и отходы. Статьи предусматривают схожее наказание за совершенное преступное деяние. Обе нормы относятся к преступлениям небольшой тяжести.

Конечно, обращают на себя внимание и определенные различия в этих нормах. Так, у статьи 220 и статьи 247 УК РФ различный предмет преступления. В первом случае – это ядерные материалы или радиоактивные вещества, а во втором – радиоактивные вещества и отходы. Предлагается изменить анализируемые нормы и установить более строгие меры уголовной ответственности в случае, когда преступные деяния в рамках статей 220 и 247 УК РФ привели к смерти человека.

Через реализацию положений статей 220 и 247 УК РФ в рамках правоприменительной практики Верховного суда РФ разъяснить, какие конкретные деяния подпадают под формулировку «иное обращение ядерных материалов, радиоактивных веществ и

отходов». Это позволит более четко и более правильно квалифицировать преступное деяние. В целях систематизации уголовно-правовых запретов представляется целесообразной унификация правового регулирования посредством имплементации нормы, образующей основной состав статьи 247 УК РФ, в структуру статьи 220 УК РФ, регламентирующую вопросы радиационной и ядерной безопасности.

В завершение представляется необходимым закрепить в рамках Постановления Пленума Верховного суда РФ легальное определение понятия «состояние защищенности». Его формулировка должна охватывать комплекс организационно-технических, социальных и правовых мер, направленных на защиту жизни и здоровья настоящего и будущих поколений от вредного воздействия ионизирующего излучения на всех этапах обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами, независимо от целей их использования. Данная дефиниция создаст единообразный правовой критерий, что будет способствовать точной квалификации преступных деяний в указанной сфере.

Список источников

1. Наумова Н.М. Ядерная и радиационная безопасность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. 252 с. <https://elibrary.ru/nlhrlh>
2. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. Москва: Спарк, 1998. 352 с. <https://elibrary.ru/ppmkhp>
3. Черняев А.П., Желтоножская М.В., Варзарь С.М. Радиационная безопасность. Москва: ООП физического факультета МГУ, 2019. 98 с.
4. Бошно С.В. Принципы права: понятие и классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53-59. <https://doi.org/10.14420/ru.2019.4.5>, <https://elibrary.ru/cusoal>
5. Нечаев А.Ф., Пролев В.В. Актуальные проблемы и перспективы радиохимической технологии заключительного этапа жизненного цикла объектов использования атомной энергии // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 2018. № 45 (71). С. 102-109. <https://elibrary.ru/yolcpj>
6. Микаутадзе С.Р. Общественные отношения как предмет правового регулирования и объект социально-правового воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 85-93. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spcxti>
7. Наумова Н.М. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности уголовно-правовыми средствами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 39-44. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A171>, <https://elibrary.ru/nykxhg>
8. Кобец П.Н. Опыт и проблемы противодействия международному терроризму на объектах атомной энергетики // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 29-39. <https://elibrary.ru/roqqud>
9. Лебедева Ю.В. Правовой механизм обращения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива в праве ЕС // Legal Concept. 2021. Т. 20. № 1. С. 39-44. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.5>, <https://elibrary.ru/tyfvve>
10. Арсеньев А.И., Новиков С.Н., Арсеньев Е.А. и др. Радиационная безопасность. Санкт-Петербург: НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова, 2024. 204 с.

References

1. Naumova N.M. (2024). *Nuclear and Radiation Safety: Criminological and Criminal Law Aspects*. Cand. Sci. (Law) diss. St. Petersburg, 252 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nlhrlh>
2. Dubovik O.L. (1998). *Environmental Crime. Commentary on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Spark Publ., 352 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ppmkhp>
3. Chernyaev A.P., Zheltonozhskaya M.V., Varzar' S.M. (2019). *Radiation Safety*. Moscow, OOP of the Faculty of Physics, Moscow State University, 98 p. (In Russ.)
4. Boshno S.V. (2019). Principles of law: concept, classification. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, no. 4, pp. 53-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.14420/ru.2019.4.5>, <https://elibrary.ru/cusoal>
5. Nechaev A.F., Proyaev V.V. (2018). Topical problems and prospects of radiochemical technology in the back-end of nuclear and radiological facilities life cycle. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta) = Journal of the Saint Petersburg State Technological Institute (Technical University)*, no. 45 (71), pp. 102-109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolcpj>
6. Mikautadze S.R. (2024). Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 85-93 (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spcxti>
7. Naumova N.M. (2023). Ensuring nuclear and radiation safety by criminal legal means. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 3 (66), pp. 39-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A171>, <https://elibrary.ru/nykxhg>
8. Kobets P.N. (2019). Experience and problems of combating international terrorism at nuclear facilities. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 2 (46), pp. 29-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/roqqud>
9. Lebedeva Yu.V. (2021). The legal mechanism for the management of radioactive waste and spent nuclear fuel in EU law. *Legal Concept*, vol. 20, no. 1, pp. 39-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.5>, <https://elibrary.ru/tyfvve>
10. Arsenyev A.I., Novikov S.N., Arsenyev E.A. et al. (2024). *Radiation safety*. St. Petersburg, N.N. Petrov National Medical Research Center of Oncology Publ., 204 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 356.3

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

Шифр научной специальности 5.1.4

Цифровые девиации представителей цифрового поколения: классификация и виды

Шуняева Вера Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, SPIN-код: 9161-1221, РИНЦ AuthorID: 626797, <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, vera1705@mail.ru

Аннотация

Дана классификация и рассмотрены виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения. Цель исследования – выявить особенности цифровых девиаций в условиях современной цифровизации, отражающейся в первую очередь на подростках. Методологической основой исследования стали разнообразные методы общенаучного и частнонаучного характера. Формально-юридический метод способствовал выявлению подходов к пониманию девиаций, в том числе и цифровых. Методы структурного анализа и синтеза способствовали выявлению признаков цифровых девиаций. Сравнительно-правовой метод применялся при формировании видов цифровых девиаций согласно категориальным критериям. Определены ключевые признаки цифровых девиаций. Обоснованы в типологии цифровых девиаций когнитивный и поведенческий уровни. Предложены виды цифровых девиаций в соответствии с различными категориями. Рассмотрены отдельные виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения. Сделаны выводы о разнообразии и постоянном обновлении цифровых девиаций несовершеннолетних, требующих своевременного и эффективного профилактического воздействия.

Ключевые слова

игровая зависимость, троллинг, фишинг, цифровые девиации, представители цифрового поколения, классификация цифровых девиаций

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

В.А. Шуняева – идея и дизайн исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Шуняева В.А. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Шуняева В.А. Цифровые девиации представителей цифрового поколения: классификация и виды // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 577-585. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

OECD 5.05; ASJC 3308

Digital deviations of the digital generation: classification and types

Vera A. Chunyaeva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., 392000, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 9161-1221, RSCI AuthorID: 626797, <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, vera1705@mail.ru

Abstract

The classification is given and the types of digital deviations of representatives of the digital generation are considered. The purpose of the study is to identify the features of digital deviations in the context of modern digitalization, which primarily affects adolescents. The methodological basis of the research is a variety of general scientific and private scientific methods. The formal legal method has helped to identify approaches to understanding deviations, including digital ones. The methods of structural analysis and synthesis contributed to the identification of signs of digital deviations. The comparative legal method was used in the formation of types of digital deviations according to categorical criteria. The key signs of digital deviations have been identified. Cognitive and behavioral levels are grounded in the typology of digital deviations. Types of digital deviations are proposed in accordance with different categories. The separate types of digital deviations of representatives of the digital generation are considered. Conclusions are drawn about the diversity and constant updating of digital deviations of minors that require timely and effective preventive measures.

Keywords

gaming addiction, trolling, phishing, digital deviations, representatives of the digital generation, classification of digital deviations

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

V.A. Chunyaeva – research idea and design, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

Vera A. Chunyaeva is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declare no other conflicts of interest.

For citation

Chunyaeva, V.A. (2025). Digital deviations of the digital generation: classification and types. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 577-585. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

Введение

Глобальные цифровые трансформации, происходящие на современном этапе развития общества, обусловлены разнообразием цифрового инструментария, включающего в себя различные meta-площадки. Новое виртуальное пространство, являясь способом социального взаимодействия, предполагает соблюдение определенных правил. Нарушение правил содержит риски развития разного рода девиаций у лиц, осуществляющих

внутривиртуальные коммуникации. Такие девиации отражают не только индивидуальные психологические черты, но и общесоциальные, характерные для этого исторического периода направления развития. При этом инкогнитость виртуальных личностей приводит к гибкости норм поведения в цифровой реальности, а также к латентности их нарушения.

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины

информационной безопасности Российской Федерации»¹ к основным информационным угрозам относит использование информационного воздействия на «индивидуальное, групповое и общественное сознание» в различных целях, в том числе с целью формирования социального напряжения. Нарушение информационной безопасности также затрагивает, согласно Доктрине, конституционные права и свободы человека и гражданина, посягая «на неприкосновенность частной жизни и личной тайны». Основные принципы, приоритетные задачи и механизм государственной политики в области информационной безопасности детей отражены в Концепции информационной безопасности детей².

Модернизация человеческого бытия меняет социальные конструкты, порождая виды девиаций, которых не было ранее. Все это привело к формированию новых модальных типов личности: Homoglobalis (человек глобальный) и Homodigitalis (цифровой кочевник) [1]. Такие личности приобретают новые черты, новые возможности самовыражения, новые средства коммуникации, и уже сами становятся новыми «законодателями» тех правил, которые устанавливаются в виртуальном мире.

Это в первую очередь касается представителей цифрового поколения, так как именно они больше времени проводят в виртуальном пространстве, в отличие от взрослых, именно они тестируют различные цифровые конструкты в коммуникациях, именно они формируют новые тенденции различных отклонений, а проходя стадии социализации, подростки решают свои возрастные задачи. При этом «социальная неопределенность стимулирует активизацию саморегуляционных процессов в молодежной среде в форме конструирования новых нормативных структур. Молодые люди сами определяют для се-

бя границы допустимого и дозволенного, распространяя данное правило, в том числе, и на регуляцию социальных взаимодействий в молодежных группах» [2].

Методы исследования

В ходе исследования автор изучал труды специалистов в различных областях знания: уголовное право, криминология, психология, социология (А.В. Толстокорова [1, с. 730], О.В. Сорокин [2, с. 86], Я.И. Гилинский [3, с. 70], Маккаги Ч. с соавт. [4], М.В. Костоломова [5, с. 41], Н.В. Богданович, В.В. Делибалт [6, с. 45], И.Ю. Клубников [7, с. 5], Г.Ф. Голубева, Е.М. Фещенко, Ю.В. Ерещенко, А.А. Зюзя [8, с. 509], С.Р. Асянова, Я.И. Жигалова [9, с. 245], С. Джутит [10], М.Ю. Сидорова, Д.Г. Мацепуро, А.З. Гайбуллаев [11, с. 93], Т.Л. Шкляр, А.В. Попова [12, с. 1335], А.В. Майоров [13, с. 376], В.В. Брюно [14, с. 113].

В исследовании использованы формально-юридический метод (способствовал выявлению подходов к пониманию девиаций, в том числе и цифровых), методы структурного анализа и синтеза (способствовали выявлению признаков цифровых девиаций), сравнительно-правовой метод (применялся при формировании видов цифровых девиаций согласно категориальным критериям). Определены: ключевые признаки цифровых девиаций; обоснованы в типологии цифровых девиаций когнитивный и поведенческий уровни; предложены виды цифровых девиаций в соответствии с различными категориями; рассмотрены отдельные виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения.

Результаты исследования и их обсуждение

Что же понимается под девиациями? Во-первых, понятие «девиация» используется в различных науках – биологии, физике, социологии, психологии, криминологии и т. д. О многообразии видов девиаций говорит и Я.И. Гилинский: «девиации... являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы» [3].

Девиация независимо от сферы применения термина трактуется как некое отклонение. С точки зрения социологии девиантное поведение не соответствует социальным

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 016 г. № 50. Ст. 7074.

² Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71167034/> (дата обращения: 19.06.2025).

ожиданиям, которые установили некие эталонные представления о нем. Такие представления во многом обусловлены культурным кодом этого социума. При этом отклоняющееся, то есть девиантное поведение может быть как групповым, так и индивидуальным [4]. В сфере криминологии девиация рассматривается как отклонение от правомерного поведения в сторону противоправного (криминального), то есть такого поведения, которое нарушает нормы, предусмотренные законом и установленными определенными санкциями.

Во-вторых, в современных условиях развития общества особое значение приобретает цифровая девиация, как феномен, обусловленный виртуализацией окружающего человека пространства, позволяющего подросткам по-разному реализовать себя, в том числе нарушая общепринятые нормы морали и права в цифровой среде. М.В. Костоломова предлагает под «цифровой девиацией и цифровым девиантным поведением понимать совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия» [5].

Цифровые девиации, на наш взгляд, обусловлены рядом ключевых признаков:

- место проявления – виртуальная реальность, то есть место, неограниченное территориальными границами. Это место доступно в любой части света. Оно не имеет четких географических границ и зависит лишь от наличия доступа к сети Интернет;
- инструментарий реализации связан с цифровыми технологическими возможностями. Наряду с фото- и видеоинструментами для реализации девиантного поведения используются специальные компьютерные программы, а также искусственный интеллект;
- неограниченный круг участников. Любой человек на планете Земля, имеющий доступ к сети Интернет, может стать свидетелем, непосредственным участником, а также инициатором любых цифровых девиаций;

- быстрота распространения девиантных тенденций. Скорость передачи данных на сегодняшний день исчисляется секундами, а не днями, месяцами, а когда-то и годами при распространении информации. В настоящий момент то, что стало трендом девиантных форм в одном месте земного шара, уже может повториться через несколько минут на другом его конце;

- содержание цифровых девиаций может быть классифицировано по различным критериям (например, криминального и не криминального характера; исключительно виртуального и дуального характера; направленного на себя или на других лиц и т. д.);

- цифровая анонимность предполагает практически невозможность установления реальной девиантной личности, скрывающейся за цифровым фасадом;

- латентность, порожденная как нежеланием жертвы заявлять о том, что она подверглась различным формам девиантного воздействия, так и тщательным скрыванием своей личности самих девиантов, а также сложностью выявления в безграничном виртуальном пространстве лиц, участвующих в цифровых девиациях;

- большая вероятность безнаказанности. В связи с латентностью, а также сложностью поиска реального лица, спрятанного за виртуальным аккаунтом, создаются условия, при которых невозможно привлечь к ответственности всех лиц, участвующих в девиациях криминального характера.

М.В. Костоломова предлагает следующую типологию видов цифровых девиаций:

«1. Эмоциональный уровень – «отчужденный в цифровой толпе».

2. Физический уровень – «цифровая деменция».

3. Коммуникативный уровень – «цифровой нарциссизм».

4. Социальный уровень – «виртуальный эскапизм».

5. Интеллектуальный уровень – «знаю все и ничего».

6. Ценностно-мировоззренческий уровень – «кто я» [5].

На наш взгляд, в данную типологию необходимо добавить:

- когнитивный уровень. На этом уровне происходят серьезные негативные изме-

нения когний подростков, непосредственно связанные с мыслительными процессами. Являясь базовыми элементами познания мира, искажаясь при устойчивых формах девиаций, они меняют глубинные положительные убеждения на негативные автоматические мысли, формирующие дальнейший жизненный путь представителя цифрового поколения;

– поведенческий уровень. Формируясь и развиваясь в результате взаимодействия с той или иной средой (в данном случае цифровой), вырабатывается стереотип допустимого девиантного поведения, подкрепленный определенными стимулами (например, одобрением со стороны значимого для девианта сообщества или различного рода виртуальными реакциями на доступную неограниченному количеству лиц продемонстрированную форму девиации).

Рассматривая классификацию различных форм цифровой девиации, отметим, что, в зависимости от категорий, их разделяют на: кибераддикции, киберкриминальное, киберагрессию, киберсамоповреждение, киберрискованное, кибервиктимное [6; 7], к данным категориям стоит отнести и киберсексуальную, как самостоятельную катего-

рию, так как она обладает индивидуальными характеристиками (табл. 1).

Приведенные категории содержат далеко неполный список всех видов цифровых девиаций, однако в табл. 1 приведены наиболее распространенные.

Проанализируем некоторые из каждой категории.

Игровая зависимость – это вид цифровой аддикции, проявляющийся в неконтролируемом желании играть в игры на различных цифровых устройствах. Она разделяется на лудоманию, связанную с азартными играми и тотализаторами, а также на гейм-аддикцию, проявляющуюся в увеличении онлайн- и видеоигр. При этом игры, к которым стремятся подростки, не направлены на развитие логики, мышления и других полезных когнитивных функций. Как правило, предпочитаемые игры связаны с участием в сражениях, боевых действиях, где противниками могут быть как существа выдуманные (зомби), так и прототипы людей. В таких играх используются различные виды оружия, и основная цель заключается в уничтожении противника. Исследования показали наличие корреляционных связей между уровнем компьютерной игровой зависи-

Таблица 1. Классификация цифровых девиаций
Table 1. Classification of Digital Deviations

Цифровые аддикции	игровая зависимость, зависимость от социальных сетей, информационная зависимость
Цифровой криминал	распространение вирусов, вредоносных программ, DoS-атаки, фишинг (мошеннические действия при помощи ложной информации), кража онлайн личности, участие в деструктивных онлайн-сообществах (экстремизм, терроризм, религиозное сектанство)
Цифровая агрессия	кибертравля, кибер-сталкинг (регулярное нарушение личных границ в киберпространстве), гриффинг (игровой кибервандализм), кибертроллинг (создание споров в онлайн-сообществах), фаббинг (постоянное отвлечение на гаджеты в процессе общения)
Цифровое самоповреждение	self-harm (самоповреждение с фиксацией при помощи сети Интернет), цифровое самоповреждение, цифровые группы смерти
Цифровой риск	опасные фотоавтопортреты, онлайн-заработки с риском, видеотрансляции зацепинга
Цифровая виктимность	открытость цифрового профиля, открытость геоданных пользователей сети Интернет
Цифровые сексуальные отклонения	грумминг (нападения онлайн-педофилов), секстинг (распространение материалов интимного характера, интимные онлайн-трансляции)

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author

мости и агрессией подростков в реальном, а не виртуальном мире [8, с. 509].

Фишинг, являясь видом цифровой преступности, предполагает мошеннические действия путем обмана, введения в заблуждение, в ходе которых злоумышленники узнают конфиденциальную информацию у интернет-пользователей с целью ее использования в своих корыстных интересах. «Фишинг составил 30–50 % всех кибератак (атаки, направленные на получение конфиденциальной информации, такой как пароли и данные кредитных карт). По данным отчета APWG (Anti-Phishing Working Group), в 2022 г. было зафиксировано более 1,5 миллиона фишинговых атак» [9, с. 245]. При этом несовершеннолетние могут быть как жертвами подобного рода преступлений, так и непосредственными или опосредованными исполнителями преступных действий. Наличие разного рода информации, в том числе криминального характера, в свободном доступе на бескрайних и малоконтролируемых информационных ресурсах, а также определенный уровень знаний и навыков представителей цифрового поколения в сфере компьютерных технологий позволяет им стать участниками подобного рода противоправных деяний.

Троллинг является одной из разновидностей агрессивного поведения, реализуемого на виртуальной площадке анонимно, в отличие от буллинга, который исходит от конкретных известных лиц. Создание недостоверных, так называемых «фейковых» аккаунтов позволяет их создателям сохранить свою личность, но при этом позволяет почувствовать свою защищенность и безнаказанность. Троллинг проявляется в различных социальных провокациях, виртуальных издевательствах, направленных на формирование особых переживаний у жертвы (приступов страха, постоянной тревоги и т. д.). В основе троллинга лежит акцент на особенностях жертвы – лишний вес (недостаток веса), национальность и т. д. Регулярно подчеркивая выбранную специфику жертвы, осуществляется эмоциональное давление на жертву, в результате чего у нее развивается паранойя [10]. В троллинге участвуют подростки, жертвами которых становятся другие несовершеннолетние. Желание дестаби-

лизировать другого человека или целое интернет-сообщество, не будучи идентифицированным, лишь усиливают рост троллинга в современной цифровой среде.

К категории цифрового самоповреждения относятся *cybersuicide* и цифровой *self-harm*. Указанные виды проявляются в поиске информации в сети Интернет, позволяющей причинить себе боль, осуществить реальное или виртуальное самоубийство. Такая информация получается в группах, где подобного рода идеи формируют негативные смыслы, обсуждаются и культивируются. На подобных интернет-площадках даются конкретные советы, укрепляются нездоровые мысли о собственном самоуничтожении или причинении себе боли как в физическом плане, так и в виртуальном. «Любые красноречивые примеры *digital self-harm* служат лишь иллюстрацией того, что Интернет демаргинализует подобные практики, делает их более видимыми и позволяет людям легче и быстрее к ним присоединиться» [11, с. 93]. Находя единомышленников в таком желании, подросткам гораздо легче перейти к непосредственной реализации самоуничтожения, а желание стать «звездой» Интернета, выложив ролик со своей смертью или результатом самоповреждения, еще более мотивирует. Опасение вызывает исследовательская статистика данного девиативного проявления. Так, некоторые исследования доказывают, что число случаев цифрового самоповреждения растет. Например, в США в 2017 г. этот показатель составлял 6 %, в 2019 г. – уже 9 %³, к 2021 г. таких подростков стало уже 12 %⁴.

Цифровые рискованные девиации проявляются в создании видео- или фотоконтента, сопряженного с рискованными обстоятельствами, в ходе которых происходит запечатление подростками себя на телефон в местах и на объектах повышенной опасности (на высоте, на транспорте (зацепинг),

³ Цифровое самоповреждение: что это и как перестать уничтожать самого себя? 26.12.2022. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/535254.php> (дата обращения: 19.06.2025).

⁴ С 2016 по 2021 год число случаев цифрового самоповреждения среди подростков в США резко возросло. URL: <https://globalhealthnewswire.com/public-health/2024/07/09/digital-self-harm-surges-among-u-s-teens-from-2016-to-2021> (дата обращения: 19.06.2025).

рядом с опасными животными, во время стихийных бедствий и т. д.), с последующим распространением в социальных сетях. Такие фотографии иллюзорно закрывают потребности в самоутверждении и превосходстве над другими людьми. При этом последствия таких фото сессии могут носить как криминальный характер (проникновение на объекты повышенной опасности), так и трагический. «Первое сообщение о смерти из-за селфи появилось в СМИ в марте 2014 г. С тех пор в процессе съемки селфи погибло 127 человек: в 2014 г. их было 15, в 2015 г. – 39, за первые восемь месяцев 2016 г. – уже 73. Индия стала рекордсменом по количеству смертей в процессе съемки селфи – 76 жителей страны погибли в 2017 г. Соседний Пакистан на втором месте: 9 случаев. Замыкают «тройку» США – 8 смертей за тот же год» [12, с. 1335-1336].

Виктимность – это свойство личности, повышающее вероятность стать жертвой преступления. Она зависит от физиологических, психологических, социальных и иных особенностей подростка. С расширением цифрового пространства к таким детерминантам добавилась цифровая незащищенность персональных данных. Регистрируясь на разных интернет-площадках без соблюдения необходимых мер предосторожности, представители цифрового поколения создают свой цифровой профиль, который может быть легко доступным для лиц криминальной направленности. «Цифровой профиль является наиболее важной частью цифровой личности, представляющей собой совокупность персональных и иных связанных с ними данных индивида в виртуальном пространстве, содержащихся в информационных базах, уполномоченных на их обработку субъектов. Именно цифровой профиль личности и является тем самым уязвимым звеном, обладающим определенным уровнем виктимности потенциальной жертвы цифрового преступления» [13]. Потеря цифровой личности может привести к шантажу, вымогательству со стороны похитителей, к использованию цифрового профиля с криминальными намерениями с целью скрыть реальных преступников. Чаще всего именно подростки становятся жертвами и теряют свою цифровую личность.

Цифровые сексуальные отклонения в настоящее время весьма разнообразны. Среди них особое место занимает определенный способ интимной коммуникации в виде передачи фото- и видеоматериалов интимного характера между знакомыми (секстинг). Однако появляется все больше молодых людей, в том числе несовершеннолетних, пересылающих свои интимные фото незнакомым людям [14]. Такие действия уже можно квалифицировать, как криминальные, заключающиеся в распространении материалов порнографического характера. Передача своих интимных фотографий незнакомым людям может привести к включению этих фото-объектов в оборот детской порнографии.

Приведенные виды цифровых девиаций содержат одну ключевую особенность – они либо уже являются, либо потенциально могут стать криминальными.

Современное развитие общества в условиях глобальной цифровизации способствует ее масштабной трансформации. И, в первую очередь, этим изменениям подвержены представители цифрового поколения, те несовершеннолетние, которые быстрее погружаются в виртуальную реальность, часто заменяя ею реальную.

Такие преобразования невозможны без конфликта старых и новых представлений о поведении, но с опорой на нравственные основы права [15, с. 49]. В связи с чем возникают различного рода у подростков цифровые девиации, которые, как уже отмечалось, могут носить криминальный характер и существенно изменить жизнь не одного подростка.

Заключение

Исследуя цифровые девиации, нами были выделены следующие признаки: место проявления – виртуальная реальность; инструментарий реализации связан с цифровыми технологическими возможностями; неограниченный круг участников; быстрота распространения девиантных тенденций; содержание цифровых девиаций может быть классифицировано по различным критериям; цифровая анонимность; латентность; большая вероятность безнаказанности.

К типологии цифровых девиаций мы посчитали необходимым добавить когнитивный и поведенческий уровень. Такие

уровни позволяют наиболее полно выявить проявления в сферах влияния цифровой реальности на жизнь представителей цифрового поколения.

Приведенная классификация включила наиболее распространенные виды цифровых девиаций. К категориям мы отнесли: цифровую аддикцию, цифровой криминал, цифровую агрессию, цифровое самоповреждение,

цифровой риск, цифровую виктимность, цифровые сексуальные отклонения.

Анализ конкретных видов цифровых отклонений показал, что каждое из них потенциально может стать криминальным.

Таким образом, исследование цифровых девиаций необходимо продолжать с целью выработки эффективных мер их профилактики.

Список источников

1. Толстокорова А.В. Человеческое измерение глобализации: модальные типы личности // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2015. С. 730-739.
2. Сорокин О.В. Девиация в процессе регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII междунар. соц. Грушин. конф. Москва, 2017. С. 86-90. <https://elibrary.ru/upxxqm>
3. Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 70-73. <https://elibrary.ru/ktukol>
4. McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Boston, Allyn and Bacon, 2000. 400 p.
5. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, <https://elibrary.ru/uieqqc>
6. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 45-66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>, <https://elibrary.ru/dphxdg>
7. Клубников И.Ю. Девиантное поведение подростков: анализ роли современных медиа и цифровых технологий // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4. № 7. С. 5-12. <https://elibrary.ru/xownws>
8. Голубева Г.Ф., Феценко Е.М., Ереценко Ю.В., Зюзя А.А. Взаимосвязь игровой компьютерной зависимости и агрессивности подростков // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 6 (220). С. 505-510. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.06.p505-510>, <https://elibrary.ru/rjlomj>
9. Асянова С.Р., Жигалова Я.И. Спуфинг как угроза кибербезопасности: понятие, виды, меры противодействия // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 11. С. 242-247. <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.78.32.143>, <https://elibrary.ru/sckkuo>
10. Judith S. Donath, Identity and Deception in the Virtual Community. London, 2010.
11. Сидорова М.Ю., Маценуро Д.Г., Гайбуллаев А.З. Киберсамоубийство и цифровой селфхарм: общая проблематика и компьютерные решения. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 3. С. 92-104. <https://elibrary.ru/uymzmq>
12. Шкляр Т.Л., Попова А.В. Гибридная реальность: психологический и правовой аспект // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1331-1344. <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39330>, <https://elibrary.ru/yltkhz>
13. Майоров А.В. Виктимность цифровой личности (цифровая виктимология) // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень, 2024. С. 376-380. <https://elibrary.ru/ugbsqu>
14. Брюно В.В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1 (25). С. 113-126. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6273>, <https://elibrary.ru/myzbwv>
15. Моисеева О.В. Нравственные основы права: корреляция воззрений Бориса Николаевича Чичерина с современными правовыми трендами // Российская юстиция. 2023. № 10. С. 45-50. https://doi.org/10.52433/01316761_2023_10_45, <https://elibrary.ru/izdews>

References

1. Tolstokorova A.V. (2015). The human dimension of globalization: modal personality types. *Materialy XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya»* = *Proceedings of the 18th International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience"*. Ekaterinburg, pp. 730-739. (In Russ.)
2. Sorokin O.V. (2017). Deviation in the process of regulating social interactions among young people. *Materialy VII mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovaniye v sotsiologicheskikh issledovaniyakh»* = *Proceedings of the 7th International Social Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*. Moscow, pp. 86-90. <https://elibrary.ru/upxxqm>
3. Gilinskii Ya.I. (2009). Sociology of deviations (nova and outlook). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 70-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktukol>
4. McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. (2000). *Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups*. Boston, Allyn and Bacon Publ., 400 p.
5. Kostolomova M. V. (2020). Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 8, no. 2, pp. 41-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, <https://elibrary.ru/uieqqc>
6. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. (2024). Deviant online behavior: from the classification of types to an analysis of assistance programmes and technologies. *Psikhologiya i pravo* = *Psychology and Law*, vol. 14, no. 2, pp. 45-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>, <https://elibrary.ru/dphxdg>
7. Klubnikov I.Yu. (2023). Deviant behavior of teenagers: analysis of the role of modern media and digital technologies. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii* = *Actual Problems of Pedagogy and Psychology*, vol. 4, no. 7, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xownws>
8. Golubeva G.F., Feshchenko E.M., Ereshchenko Yu.V., Zyuzya A.A. (2023). Diagnostics of the correlation between the dependence of teenagers on computer games and their aggressiveness. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* = *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*, no. 6 (220), pp. 505-510. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.06.p505-510>, <https://elibrary.ru/rjlmj>
9. Asyanova S.R., Zhigalova Ya.I. (2024). Spoofing as a threat to cybersecurity: concept, types, countermeasures. *Journal of Monetary Economics and Management*, no. 11, pp. 242-247. (In Russ.) <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.78.32.143>, <https://elibrary.ru/scckuo>
10. Judith S. Donath, *Identity and Deception in the Virtual Community*. London, 2010.
11. Sidorova M.Yu., Matsepuro D.G., Gaibullaev A.Z. (2018). Cybersuicide and digital selfharm: general issues and computer solutions. Part 1. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya* = *Social and Clinical Psychiatry*, vol. 28, no. 3, pp. 92-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uymzmq>
12. Shklyar T.L., Popova A.V. (2018). Hybrid reality: psychology and legal aspect. *Kreativnaya ekonomika* = *Creative Economy*, vol. 12, no. 9, pp. 1331-1344. <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39330>, <https://elibrary.ru/yltkhz>
13. Maiorov A.V. (2024). Victimization of the digital person ("digital victimology"). *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma «VI Sibirskie pravovye chteniya» «Pravo v epokhu iskusstvennogo intellekta: perspektivnye vyzovy i sovremennye zadachi»* = *Collection of Scientific Article on proceedings of International Scientific and Practical Forum "The 6th Siberian Legal Readings" "Law in the Era of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern Tasks"*. Tyumen, pp. 376-380. (In Russ.)
14. Bryuno V.V. (2019). Risky sexual behavior of modern teenagers in Russia. Part II. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no. 1 (25), pp. 113-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6273>, <https://elibrary.ru/myzbwv>
15. Moiseeva O.V. (2023). Moral foundations of law: correlation of Boris Nikolaevich Chicherin's views with modern legal trends. *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 10, pp. 45-50. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2023_10_45, <https://elibrary.ru/izdews>

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.58

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-586-597>

Шифр научной специальности 5.1.4

Проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными

Латыпова Эльвира Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», 420102, Российская Федерация, г. Казань, ул. Московская, 42, SPIN-код: 2287-3883, РИНЦ AuthorID: 669104, Scopus Author ID: 6603118210, <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>, elatypova@ieml.ru

Гильманов Руслан Эдуардович,

аспирант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», 420102, Российская Федерация, г. Казань, ул. Московская, 42, SPIN-код: 4817-1489, РИНЦ AuthorID: 1176152, <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>, REGilmanov@ieml.ru

Артемьева Надежда Маратовна,

лаборант кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», Бугульминский филиал, 423234, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Бугульма, ул. Газинура Гафиатуллина, 23, <https://orcid.org/0009-0007-2152-278X>, nadya.artemeva.2001@gmail.com

Аннотация

Жестокое обращение в отношении животных является «лакмусовой бумагой» для определения нравственного и морального состояния общества. Именно дружелюбное обращение с животными, понимание их поведенческих особенностей говорит о высоком уровне эмпатии человека. Ребенок обычно сам тянется к животным, ему интересно погладить кошку или собаку, да и животные обычно положительно реагируют на это. Однако ошибки в воспитании детей часто приводят к тому, что ребенок испытывает агрессию к животному, может его ударить, не понимает особенностей позы, принятой животным (сигнализирующей о страхе или агрессии). Это приводит к тому, что дети становятся фигурантами в эпизодах жестокого обращения с животными, а подростки могут снимать такие эпизоды на видео и выкладывать в сеть Интернет. Однако именно незрелость психики малолетних и несовершеннолетних делает возможной эффективную профилактику жестокого обращения путем объяснения им основ бережного обращения с животными. В исследовании подчеркнута негативное влияние окружающей среды и средств массовой информации на формирование девиантного поведения подростков. Выделена опасность совершения подобных преступлений в присутствии малолетних детей. Акцентируется, что систематическое проявление жестокости к животным формирует опасные психологические паттерны поведения и создает благоприятную почву для эскалации насилия в обществе. Полагаем, что требуется активное продвижение ответственного обращения с животными, с этой целью необходимо подготовить соответствующие программы на уровне как отдельных субъектов РФ, так и России для реализации Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С целью подробного исследования заявленной

проблемы проанализирована специальная литература и нормативно-правовые акты, регламентирующие обращение с животными, выявлены их недостатки исходя из избранной методологии исследования. Анализ проводился с учетом диалектического и материалистического подхода, а равно сравнительно-правового метода исследования правовых норм. Использован также и контент-анализ информации из сети Интернет.

Ключевые слова

уголовная ответственность несовершеннолетних, жестокое обращение с животными, общественная нравственность, возрастной ценз, насилие к животным, агрессия животных, административная преюдиция, публичная демонстрация

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Э.Ю. Латыпова – идея, определение и формулировка проблемы, научное руководство, формулировка выводов. Р.Э. Гильманов – подбор и анализ научной литературы и судебной практики по исследуемой теме, анализ особенностей понимания жестокого обращения с животными в смежных с правом научных областях, написание черновика рукописи. Н.М. Артемьева – исследование проблемы жестокого обращения с животными со стороны несовершеннолетних, контент-анализ информации, размещенной в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Артемьева Н.М. Проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 586-597. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-586-597>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-586-597>

OECD 5.05; ASJC 3308

Problems of bringing minors to criminal responsibility for cruelty to animals

Elvira Yu. Latypova,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Criminal Law and Procedure Department, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, 42 Moskovskaya St., Kazan, 420102, Russian Federation, SPIN-code: 2287-3883, RSCI AuthorID: 669104, Scopus Author ID: 6603118210, <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>, elatypova@ieml.ru

Ruslan E. Gilmanov,

Post-Graduate Student, Lecturer at the Theory and History of State and Law Department, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, 42 Moskovskaya St., Kazan, 420102, Russian Federation, SPIN-code: 4817-1489, RSCI AuthorID: 1176152, <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>, REGilmanov@ieml.ru

Nadezhda M. Artemyeva,

Laboratory Assistant at the Criminal Law and Procedure Department, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Bugulma Branch, 23 Gazinur Gafiatullin St., Bugulma, 423234, the Republic of Tatarstan, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-2152-278X>, nadya.artemeva.2001@gmail.com

Abstract

Animal cruelty is a “litmus test” for determining the moral and moral state of society. It is the friendly treatment of animals and the understanding of their behavioral characteristics that indicates a high level of human empathy. A child usually reaches out to animals himself, he is interested in petting a cat or dog, and animals usually respond positively to this. However, mistakes in parenting often lead to the fact that the child experiences aggression towards the animal, may hit it, does not understand the specifics of the pose adopted by the animal (signaling fear or aggression). This leads to the fact that children become involved in episodes of animal cruelty,

and teenagers can film such episodes on video and post them on the Internet. However, it is precisely the immaturity of the psyche of minors that makes it possible to effectively prevent abuse by explaining to them the basics of caring for animals. The study highlights the negative impact of the environment and the media on the formation of deviant behavior in adolescents. The danger of committing such crimes in the presence of young children is highlighted. It is emphasized that the systematic manifestation of cruelty to animals forms dangerous psychological patterns of behavior and creates favorable conditions for the escalation of violence in society. We believe that active promotion of responsible treatment of animals is required, and for this purpose it is necessary to prepare appropriate programs at the level of both individual subjects of the Russian Federation and Russia for the implementation of Federal Law No. 498-FZ of December 27, 2018 On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. In order to study the stated problem in detail, the special literature and regulatory legal acts regulating the treatment of animals were analyzed, and their shortcomings were identified based on the chosen research methodology. The analysis was carried out taking into account the dialectical and materialistic approach, as well as the comparative legal method of studying legal norms. Content analysis of information from the Internet was also used.

Keywords

criminal liability of minors, cruelty to animals, public morality, age restriction, violence against animals, aggression of animals, administrative prejudice, public demonstration

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

E.Yu. Latypova – idea, problem definition and formulation, scientific supervision, formulation of conclusions. R.E. Gilmanov – scientific literature and judicial practice selection and analysis on the topic, analysis of the features of understanding animal cruelty in scientific fields related to law, writing – original draft preparation. N.M. Artemyeva – research on the problem of cruelty to animals by minors, content analysis of information posted on the Internet and other information and communication networks.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Latypova, E.Yu., Gilmanov, R.E., & Artemyeva, N.M. (2025). Problems of bringing minors to criminal responsibility for cruelty to animals. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 586-597. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-586-597>

Введение

В современном обществе вопросы, касающиеся защиты животных, становятся все более актуальными. Жестокое обращение с животными, особенно в случае освещения в средствах массовой информации, привлекает больше внимания и влечет бурные обсуждения, когда высказываются диаметрально противоположные позиции – от «собаку в каждый дом», до полного запрета домашних питомцев. Однако правовое регулирование обращения с домашними животными остается недостаточным, особенно применительно к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными.

Содержание статьи 245 «Жестокое обращение с животными» Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ отражает важный этап развития правосознания общества, демонстрируя неприемлемость подобных форм поведения с позиции современной гуманистической парадигмы. Данная норма выполняет не только охранительную, но и превентивную функцию, формируя ценностные ориентиры в обществе [1, с. 97]. Согласимся с мнением Г.Ш. Аюповой в том, что «результаты анализа изменений норм российского уголовного законодательства свидетельствуют о постоянном ужесточении ответственности за жестокое обращение с животными. Вместе с тем эффектив-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 9. Ст. 860.

ность указанных норм существенно не повышается» [2, с. 40].

В уголовно-правовых исследованиях анализ жестокого обращения с животными обычно сосредоточивается на исследовании объекта и предмета данного преступления [3, с. 147; 4, с. 36; 5, с. 20] (особенно уточнения содержания самого термина «животное» [6, с. 155], которое пока является дискуссионным в связи с отнесением к животным рыб, насекомых или моллюсков, или исключения их из данной группы [7, с. 33]). Другая часть исследователей анализирует особенности жестокого отношения и в чем выражается жестокость. Третье направление анализирует соотношение понятий «увечье», «вред здоровью» и «гибель», и особенности понимания данных терминов, если они причисляются именно животным [8, с. 54; 9, с. 48]. В работах психологического характера исследуются особенности психики подростков, и делается вывод о недостатках и пробелах «в воспитании подростков и несовершеннолетних», если они проявляют жестокое отношение к животным [10, с. 79]. В ряде случаев высказываются мнения об отрицательном воздействии Интернета и социальных сетей [11, с. 110]. Имеются исследования, где указано на отклонения в психике и поведении лиц, которые жестоко обращаются с животными [12, с. 608]. Для нас интерес представляет рассмотрение особенностей жестокого обращения с животными со стороны несовершеннолетних, что ранее уже становилось предметом анализа со стороны других исследователей, однако акцент, с которым связывается научная новизна, будет сделан на использовании информационных технологий, а также наличие возможных корыстных побуждений, чем будет обосновано предложение и обоснование мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших указанные деяния.

Проведенный анализ заявленной проблемы базируется на диалектическом подходе к исследованию выявленных закономерностей, обращении к сравнительно-правовому анализу источников нормативно-правовых предписаний, а также контент-анализу размещенной в сети Интернет информации.

Результаты исследования

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, является необходимость учитывать возрастные и психологические особенности подростков, что соответствует принципу гуманизма, закрепленному в уголовном законе [13, с. 358].

В соответствии с действующим законодательством несовершеннолетние могут привлекаться к уголовной ответственности по статье 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными». Возраст уголовной ответственности, согласно статье 20 УК РФ, составляет шестнадцать лет. Контент-анализ средств массовой информации показал, что регулярно публикуются сообщения о вопиющих случаях особо жестокого обращения с животными именно со стороны самых юных, а именно – лиц, не достигших шестнадцати лет; при этом отмечено увеличение случаев детского садизма в отношении не только животных, но и иных детей, что говорит о социальных проблемах общества и сложностях социализации детей. По свидетельству Е.В. Бочарова, «наиболее уязвимой возрастной группой является возраст от 14 до 17 лет. Именно в этом подростковом возрасте совершается около 40 % из всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 245 УК РФ» [14, с. 147].

Несовершеннолетние, как группа, подвержены влиянию различных факторов, включая окружение, а также средства массовой информации. В условиях, когда жестокость и насилие становятся частью повседневной жизни, подростки могут воспринимать такие действия как нормальное поведение. Существенно возрастает опасность жестокого поведения при наличии квалифицирующих признаков. Так, если при эпизоде жестокого обращения с животным присутствует малолетний ребенок, его психическое и эмоциональное здоровье может серьезно пострадать, в некоторых случаях – даже послужить «спусковым крючком» для дальнейшего агрессивного поведения пострадавшего ребенка в отношении других животных. Так, есть наблюдения, что лица с жестоким или агрессивным поведением в

детстве сами мучили животных или присутствовали при причинении животным мучений и страданий, что становится их привычной моделью поведения в дальнейшем [15, с. 103].

Приведем пример. Житель Волгоградской области подарил 11-летнему сыну на день рождения попугая. Однако, когда через некоторое время поругался с женой, свернул попугая шею на глазах у сына, после чего выбросил мертвую тушку с балкона. Против мужчины возбуждено уголовное дело по статье 245 УК РФ².

Также нужно учитывать, что жестокое отношение к животным может провоцировать ранее осуществляемое жестокое отношение к ребенку [16, с. 92], когда ребенок, причиняя вред животному, транслирует свои психические и физические травмы.

Систематическое проявление насилия по отношению к беззащитным существам формирует эмоциональную тупость и равнодушие к страданиям, разрушает эмпатические способности личности и создает благоприятную почву для эскалации насилия в человеческом обществе. Это создает определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку необходимо находить баланс между необходимостью наказания и возможностью исправления и реабилитации несовершеннолетнего. В этом контексте важным является вопрос о том, какие меры могут быть применены к несовершеннолетним правонарушителям, чтобы не только наказать их, но и помочь им осознать неправомерность своих действий и изменить свое поведение.

Знаковым событием, повлиявшим на ужесточение уголовного законодательства, в 2016 г. стало дело двух несовершеннолетних жителей Хабаровска³. Особую общественную реакцию вызвал не только сам факт систематических издевательств над животными, но и их демонстративное выставление в социальных сетях, что свидетельствовало о

глубокой нравственной деформации подростков. Судебное разбирательство завершилось обвинительным приговором, ставшим прецедентом в правоприменительной практике. Здесь уместно отметить, что влияние Интернета, социальных сетей и неограниченного использования разнообразного контента (без учета возрастных особенностей) также может спровоцировать жестокость у несовершеннолетних [17, с. 63], которую они могут причинять как друг другу, так и более слабым (младшим детям или животным). К сожалению, именно несовершеннолетние склонны вести так называемые «стримы» (прямые трансляции) процесса причинения животным мучений или издевательств, а в ряде случаев делают это за вознаграждение («донаты») [18, с. 186]. Полагая, что наличие корыстной мотивации в данном случае должно усиливать уголовную ответственность, квалифицируясь как отягчающее обстоятельство. Указанное нововведение потребует изменения формулировки части второй статьи 245 УК РФ, в виде дополнения его пунктом «е» – «из корыстных и иных низменных побуждений».

В связи с активным развитием информационно-телекоммуникационных технологий нельзя не учитывать и тот факт, что демонстрация животных на видео собирает значительное количество «лайков» и комментариев, что побуждает пользователей социальных сетей размещать такие сюжеты. Такие видео также могут коммерциализироваться, особенно если автор контента имеет большую аудиторию (в том числе молодежную или детскую) и получает за свою деятельность денежное или иное вознаграждение, но нужно разграничивать, когда видео действительно является забавным и вызывает положительные эмоции, а когда оно влечет негативную оценку, так как демонстрируется насилие и жестокость в отношении животного.

В связи с рассмотрением информации, размещаемой в сети Интернет, не можем не указать на случаи различного рода мошенничества, совершаемого в социальных сетях [19, с. 442], так как иногда несовершеннолетние выступают участниками такого мошенничества [20, с. 159], собирая денежные средства на, якобы, лечение больных и по-

² Хуже зверей. 10 историй о живодерах и их жертвах. URL: <https://staryiy.livejournal.com/874187.html> (дата обращения: 15.07.2025).

³ «Живодерок Хабаровска в тюрьму»: зоозащитники запустили всероссийский флешмоб. 24.10.2016. URL: <https://www.vesti.ru/article/1640307> (дата обращения: 15.07.2025).

калеченных животных (к сожалению, иногда сами эти же несовершеннолетние калечат животных), либо становятся жертвами, когда домашний любимец, купленный через Интернет, вырастет в нечто другое (например, вместо карликового питомца вырастет нечто крупное). Возможны и иные варианты мошенничеств в отношении домашних животных [21, с. 110], участниками или потерпевшими в которых могут оказаться несовершеннолетние.

Хабаровский случай⁴ послужил катализатором для законодательных изменений, что подчеркивает его значение как социально-правового феномена. Проведенные криминологические исследования выявили тревожную закономерность: жестокость к животным часто становится «пробным камнем» для будущих преступлений против личности.

Схожие подходы демонстрируют А.М. Балафендиев, Н.Н. Рыбушкин, Г.М. Гарайшина: «нельзя считать оптимальным и регламентированным в статье 20 УК РФ возрастная порог субъекта данного преступления: полагаем, что любой подросток, достигший 14 лет, не имеющий психического расстройства, лишаяющего возможности осознавать фактический характер и общественную опасность собственных поступков и контролировать их, в состоянии понять, что издевательство над живым существом является негуманным, бесчеловечным и противоправным. Подростки должны и способны понимать то, что люди и животные обладают одними и теми же биологическими свойствами, и всякое животное испытывает такой же страх, физические страдания, как и человек» [22].

Ранее Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в 2019 г. вносило в Государственную Думу Российской Федерации проект Федерального закона о снижении возраста уголовной ответственности для деяния, предусмотренного статьей 245 УК РФ, однако это нововведение получило отрицательную

оценку⁵, что объясняется нежеланием законодателя отходить от принципов гуманизма в отношении несовершеннолетних. Отметим, что применение к несовершеннолетним наказания, особенно лишения свободы, также может вызывать определенные проблемы [23, с. 80], что также иногда связывают с проявлением принципа гуманизма [24, с. 344].

К сожалению, заявленное расширение воспитательных мер не дает желаемого эффекта, что подтверждается случаями жестокого обращения с животными подростками, освещенными в СМИ. Также нужно учитывать, что трансляции в СМИ могут оказывать организующее воздействие на несовершеннолетних, создавая определенный информационный фон и формируя поведение отдельных групп лиц [11, с. 109]. Так, приведенный выше случай с «хабаровскими живодерками», с одной стороны, вызвал высокую активность защитников животных, создавших общественный резонанс, приведший к изменению уголовного законодательства, но, с другой стороны, некоторое количество несовершеннолетних «повторило» жестокие действия в отношении беспризорных собак и кошек с целью «прославиться» и мало представляя себе уголовно-правовые последствия таких деяний.

Как отмечают исследователи, систематическое проявление жестокости к беззащитным существам формирует опасные психологические паттерны поведения. Так, Р.Б. Осокин обращает внимание на деструктивное влияние таких действий на нравственное развитие личности [25, с. 73], особенно в подростковой среде, где жестокость к животным часто становится первым шагом к полной утрате эмпатии и развитию агрессивных наклонностей. Более того, Р.Б. Осокин проводит параллели с незаконной охотой, совершенной особо жестоким спосо-

⁴ Хабаровские живодерки: что стало с двумя девушками, которые истязали щенков на «заброшке» и снимали на видео // Комсомольская правда – Хабаровск. 25.11.2022. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27476.5/4683031/> (дата обращения: 15.07.2025).

⁵ О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: Проект федерального закона № 750685-7, внесенного Законодательным Собранием Санкт-Петербурга; О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: Заключение Правового управления Государственной Думы РФ по проекту федерального закона № 750685-7, внесенного Законодательным Собранием Санкт-Петербурга // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7> (дата обращения: 15.07.2025).

бом, присутствие при которой также может привести к психологической травме малолетнего [26, с. 95].

Интересно выявление И.В. Русаковой прямой корреляции между количеством бездомных собак и иных безнадзорных животных и детей в возрасте до шести лет – чем больше детей данной возрастной группы, тем больше наблюдается брошенных животных [27, с. 87].

Полагаем, что в данном случае необходимо работать с будущими хозяевами – люди должны иметь информацию о том, как воспитывать животное, ухаживать за ним, какие могут быть особенности в общении и дрессировки животного (мы умышленно не указываем, что это только собаки или кошки, так как в настоящее время в качестве домашнего любимца все чаще выступают кролики, морские свинки, хомячки, крысы, карликовые свинки, козы, черепашки и т. п. – и все они могут стать безнадзорными при определенном негативном стечении обстоятельств). Именно на информирование будущих владельцев о возможной ответственности при ненадлежащем обращении с животными направлен Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Также нужно учитывать, что безнадзорные животные сами по себе могут представлять значительную опасность для общества [28, с. 12].

Необходимо учитывать возраст и психическое развитие подростка при привлечении его к уголовной ответственности [29, с. 576]. Также нельзя допускать нарушения принципов справедливости и индивидуализации назначения наказания, либо принудительных мер воспитательного характера, что иногда вызывает трудности на практике [30, с. 339]. Полагаем, что интересным и действенным способом перевоспитания несовершеннолетних, способствующим их пересмотру отношения к животным, в том числе

безнадзорным, может быть предложенный Т.Э. Гильмановым вариант (у автора – при совершении преступлений и правонарушений против исторической памяти – привлечение несовершеннолетних к реставрационным работам на территории места жительства [31, с. 382]) – соответственно, можно предложить несовершеннолетних, совершающих жестокое обращение с животными, привлекать к работам по уходу или кормлению животных в приютах, зоологическом уголке, на конюшне, в природном заповеднике или заказнике и др. – в зависимости от возможностей местной администрации и особенностей здоровья и психического состояния несовершеннолетнего. Такого рода переключение поведения несовершеннолетнего от деструктивного к созидательному [32, с. 184; 33, с. 795] является достаточно эффективным и позволяет отвлекать и перенастраивать несовершеннолетних на более общественно одобряемые формы поведения. Полагаем, что именно положительное, гуманное, милосердное отношение к животным, без какого-либо проявления жестокости, наиболее полным образом соответствует традиционным ценностям, характерным для российского общества [34, с. 192].

Заключение

Подытожим: необходимо комплексно рассмотреть особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних при их жестоком обращении с животными, учитывая как законодательные, так и иные (социальные, психологические и культурные) факторы. Полагаем, что:

1. Ситуации, при которых несовершеннолетние и иные лица совершают жестокое обращение с животным из корыстных побуждений, должно квалифицироваться как совершенное при отягчающих обстоятельствах (что потребует дополнения части 2 статьи 245 УК РФ соответствующим квалифицирующим обстоятельством).

2. Необходимо контролировать контент, с которым знакомится несовершеннолетний в социальных сетях и информационно-телекоммуникационных сетях Интернет, с целью недопущения как просмотра роликов, публично демонстрирующих жестокое обращение с животными, так и запрещения создания таких роликов самим несовершенно-

⁶ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (в ред. от 20.03.2025 № 33-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424.

нолетним. Это должны обеспечивать родители, иные близкие родственники, или лица, на которых возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего.

3. Требуется развивать воспитательные меры, направленные на формирование у несовершеннолетних и молодежи уважительного и гуманного отношения к животным, путем создания соответствующих образова-

тельных муниципальных и федеральных программ во исполнение ФЗ «Об ответственном обращении с животными».

4. В качестве одной из мер по воспитательному и исправительному воздействию на несовершеннолетних предложить работу с животными в условиях приютов, зоологических уголков, конюшен и тому подобных организаций.

Список источников

1. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 93-99. <https://elibrary.ru/tnhwss>
2. Аюпова Г.Ш. К вопросу о толковании отдельных объективных признаков состава жестокого обращения с животными // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 4. С. 39-52. <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.4.34787>, <https://elibrary.ru/gtryzi>
3. Карпов А.А., Никулина О.А., Головкин Р.Б. К вопросу об особенностях уголовно-правового регулирования ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2021. № 4. С. 144-154. <https://elibrary.ru/ifimfb>
4. Мирошниченко В.С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 218 с. <https://elibrary.ru/suqcxp>
5. Свиридов Р.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 26 с.
6. Артемьева Н.М. Понятие животного как предмета уголовного преступления // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирязова – 2024: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов: в 6 т. Казань, 2025. Т. 3. С. 155-157.
7. Власова Е.Л., Шабанов Р.Т., Весельев Д.А. Правовые аспекты регулирования безнадзорных животных: вызовы и решения в административном праве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (28). С. 30-42. <https://elibrary.ru/crqjtn>
8. Шаранов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51-61. <https://elibrary.ru/daisbn>
9. Арчвадзе М.Г. Проблемы применения уголовного законодательства за жестокое обращение с животными // Международные научные студенческие чтения – 2025: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2025. С. 46-49. <https://elibrary.ru/vnmfct>
10. Сулейманова М.С. Анализ зарубежного законодательства в сфере уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Oeconomia et Jus. 2024. № 3. С. 77-86. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-3-77-86>, <https://elibrary.ru/ausgyk>
11. Гильманов Р.Э., Азаров Э.Е. СМИ как инструмент влияния на общественное мнение и ответственность за его использование // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань, 2024. Т. 4. С. 107-111. <https://elibrary.ru/slihqi>
12. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Клейн М.С. Биологические процессы и особенности, влияющие на преступное поведение в антропологическом аспекте // Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2024. С. 604-612. <https://elibrary.ru/lonbyv>
13. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 355-360. <https://doi.org/10.24420/KUI.2019.23.36.015>, <https://elibrary.ru/fskmot>
14. Бочаров Е.В. Криминологическая характеристика жестокого обращения с животными // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 10 (056). С. 147-151. <https://elibrary.ru/rlnokj>
15. Латыпова Э.Ю., Клейн М.С., Гильманов Р.Э. Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние // Oeconomia et Jus. 2024. № 1. С. 95-109. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>, <https://elibrary.ru/idazdj>

16. Гончарова Н.Н. Нетерпимость к жестокому обращению с ребенком, или традиционные ценности // Семья и традиционные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2025. С. 89-95. <https://elibrary.ru/kywykh>
17. Гончарова Н.Н., Борознова Е.М. Домашнее насилие в отношении несовершеннолетних в цифровую эпоху // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань, 2023. Т. 2. С. 58-71. <https://elibrary.ru/tbvqzt>
18. Мусина Р.Р., Гильманов Р.Э., Собровина А.А. Жестокое обращение с животными и его особенности в связи с использованием средств Интернета в законодательстве зарубежных стран и России // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань, 2023. Т. 3. С. 186-191. <https://elibrary.ru/rutzft>
19. Латыпова Э.Ю. О способах мошенничества, совершенного в отношении домашних животных // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2023. С. 439-444. <https://elibrary.ru/cmnnpq>
20. Латыпова Э.Ю. Использование цифровых средств при совершении преступлений, совершаемых в отношении домашних животных // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань, 2023. Т. 2. С. 157-161. <https://elibrary.ru/hadhpz>
21. Юрченко И.А. Уголовная ответственность за мошенничество с домашними животными в России и за рубежом // Юридическая наука. 2022. № 7. С. 105-114. <https://elibrary.ru/puvxze>
22. Балафендиев А.М., Рыбушкин Н.Н., Гарайшина Г.М. Нравственно-правовые и криминологические аспекты проблемы ответственности несовершеннолетних за жестокое обращение с животными // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 49-53. <https://elibrary.ru/cgzggm>
23. Гильманов Э.М., Гильманов Р.Э. О некоторых проблемах, связанных с применением к несовершеннолетним уголовного наказания // Семья и традиционные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2025. С. 76-84. <https://elibrary.ru/krhzzk>
24. Латыпова Э.Ю. Принцип равенства и принцип гуманизма и их особенности в уголовном праве // Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2019. С. 341-346. <https://elibrary.ru/gcgpqh>
25. Осокин Р.Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 71-74. <https://elibrary.ru/vksjxx>
26. Осокин Р.Б. Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу // Вестник Московского университет МВД России. 2014. № 2. С. 91-97. <https://elibrary.ru/rzohpl>
27. Русякова И.В. Влияние демографических процессов на численность безнадзорных животных в российских городах // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 73-90. <https://elibrary.ru/zwhoab>
28. Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Тухватуллина К.М. Современные проблемы правового регулирования популяции безнадзорных животных // Jus Strictum. 2025. № 3. С. 7-16. <https://doi.org/10.18323/3034-2945-2025-3-62-1>, <https://elibrary.ru/dlagno>
29. Кузьменко Э.Ю., Ментюкова М.А. К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и структуре преступности (региональный аспект) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4 (32). С. 576-586. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
30. Кольцов М.И., Попова Е.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних путем применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 337-348. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-337-348>, <https://elibrary.ru/qxuyeu>
31. Гильманов Т.Э. Об информировании несовершеннолетних о преступлениях против исторической памяти // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирязова – 2024: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов: в 6 т. Казань, 2025. Т. 3. С. 381-382.
32. Гильманов Э.М. Диггерство и сталкерство как формы противоправного и опасного поведения несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 180-185. <https://elibrary.ru/xmivrr>

33. Гильманов Э.М. Противодействие противоправным и опасным формам поведения несовершеннолетних // Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Альметьевск, 2018. С. 792-795. <https://elibrary.ru/dhmqfc>
34. Желинский А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственного единства народов Российской Федерации: правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2 (35). С. 188-195. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>, <https://elibrary.ru/evigbe>

References

1. Latypova E.Yu., Gilmanov E.M., Abdullina A.E., Gilmanov R.E. (2022). The influence of moral norms on the content of criminal law norms in the criminal code of Russia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 1, pp. 93-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tnhwss>
2. Ayupova G.Sh. (2021). On the issue of interpreting particular constituent elements of cruelty to animals. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activity*, no. 4, pp. 39-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.4.34787>, <https://elibrary.ru/gtryzi>
3. Karpov A.A., Nikulina O.A., Golovkin R.B. (2021). On the question of the peculiarities of criminal law regulation of responsibility for cruelty to animals. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, no. 4, pp. 144-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ifimfb>
4. Miroshnichenko V.S. (2013). *Zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty)*. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 218 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/suqexp>
5. Sviridov R.V. (2019). *Zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi: ugolovno-pravovaya kvalifikatsiya i otgraniichenie ot inykh pravonarushenii*. Cand. Sci. (Law) diss. abstr. Moscow, 26 p. (In Russ.)
6. Artem'eva N.M. (2025). The concept of an animal as the subject of a criminal offense. *Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov «Kazanskije nauchnye chteniya studentov i aspirantov imeni V.G. Timiryasova – 2024»: v 6 t. = Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference of Students and Post-Graduates “Kazan Scientific Readings of V.G. Timiryasov Students and Post-Graduates – 2024”: in 6 vols. Kazan, vol. 3*, pp. 155-157. (In Russ.)
7. Vlasova E.L., Shabanov R.T., Vesel'ev D.A. (2025). Legal aspects of regulation of street animals: challenges and solutions in administrative law. *Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific Digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, no. 2 (28), pp. 30-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/crqjtn>
8. Sharapov R.D. (2019). Criminal liability for animal cruelty. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 1 (47), pp. 51-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/daisbn>
9. Archvadze M.G. (2025). Problems of application of criminal legislation for cruelty to animals. *Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mezhdunarodnye nauchnye studencheskie chteniya – 2025» = Collection of Articles of the 2nd International Scientific and Practical Conference “International Scientific Student Readings – 2025”*. Petrozavodsk, pp. 46-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnmfct>
10. Suleimanova M.S. (2024). Analysis of foreign legislation in the field of criminal liability for cruelty to animals. *Oeconomia et Jus*, no. 3, pp. 77-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-3-77-86>, <https://elibrary.ru/ausgyk>
11. Gil'manov R.E., Azarov E.E. (2024). *The media as an instrument of influence on public opinion and responsibility for its use*. *Sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t. = Collection of Scientific Papers of the 3rd International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”: in 6 vols. Kazan, vol. 4*, pp. 107-111. (In Russ.) <https://elibrary.ru/slihqi>
12. Latypova E.Yu., Musina R.R., Klein M.S. (2024). Biological processes and features influencing criminal behavior in the anthropological aspect. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sem'ya i traditsionnye semeinye tsennosti kak dukhovno-nravstvennaya osnova razvitiya obshchestva i gosudarstva» = Proceedings of International Scientific and Practical Conference “Family and Traditional Family Values as a Spiritual and Moral Basis for the Development of Society and the State”*. Cheboksary, pp. 604-612. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lonbyy>
13. Latypova E.Yu., Nechaeva E.V. (2019). Controversial issues of the content of humanism in criminal law. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, no. 3 (37), pp. 355-360. (In Russ.) <https://doi.org/10.24420/KUI.2019.23.36.015>, <https://elibrary.ru/fskmtot>

14. Bocharov E.V. (2013). Criminological characteristic of ill treatment of animals. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 10 (056), pp. 147-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rlnokj>
15. Latypova E.Yu., Klein M.S., Gilmanov R.E. (2024). Anthropological approaches to the study of crime: history and current state. *Oeconomia et Jus*, no. 1, pp. 95-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>, <https://elibrary.ru/idazdj>
16. Goncharova N.N. (2025). Intolerance for child abuse or traditional values. *Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sem'ya i traditsionnye semeinye tsennosti kak dukhovno-nravstvennaya osnova razvitiya obshchestva i gosudarstva» = Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Family and Traditional Family Values as a Spiritual and Moral Basis for the Development of Society and the State"*. Cheboksary, pp. 89-95. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kywykh>
17. Goncharova N.N., Boroznova E.M. (2023). Domestic violence against minors in the digital age. *Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t. = Collection of Scientific Papers of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Digital Technologies and Law": in 6 vols.* Kazan, vol. 2, pp. 58-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tbvqzt>
18. Musina R.R., Gilmanov R.E., Sobrovina A.A. (2023). Cruelty to animals and its features in connection with the use of the Internet in the legislation of foreign countries and Russia. *Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t. = Collection of Scientific Papers of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Digital Technologies and Law": in 6 vols.* Kazan, vol. 3, pp. 186-191. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rutzft>
19. Latypova E.Yu. (2023). About the methods of fraud committed against pets. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obrazovanie, vospitanie i pravo v kontekste global'nykh vyzovov» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Education, Upbringing and Law in the Context of Global Challenges"*. Cheboksary, pp. 439-444. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cmnnpq>
20. Latypova E.Yu. (2023). The use of digital means in the commission of crimes committed against pets. *Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t. = Collection of Scientific Papers of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Digital Technologies and Law": in 6 vols.* Kazan, vol. 2, pp. 157-161. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hadhpz>
21. Yurchenko I.A. (2022). Criminal liability for domestic animals fraud in Russia and abroad. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, no. 7, pp. 105-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/puvxze>
22. Balafendiev A.M., Rybushkin N.N., Garaishina G.M. (2021). Criminological aspect of the problem of responsibility of minors for animal cruelty. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3, pp. 49-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cgzggm>
23. Gilmanov E.M., Gilmanov R.E. (2025). About some problems related to the application of criminal punishment to minors. *Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sem'ya i traditsionnye semeinye tsennosti kak dukhovno-nravstvennaya osnova razvitiya obshchestva i gosudarstva» = Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Family and Traditional Family Values as a Spiritual and Moral Basis for the Development of Society and the State"*. Cheboksary, pp. 76-84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/krhzkk>
24. Latypova E.Yu. (2019). The principle of equality and the principle of humanism and their features in criminal law. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i razvitie pravovoi sistemy gosudarstva: obshcheteoreticheskie i otraslevye aspekty» = Proceedings of International Scientific and Practical Conference "The Constitution of the Russian Federation and the Development of the Legal System of the State: General Theoretical and Sectoral Aspects"*. Kazan, pp. 341-346. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gcgpqx>
25. Osokin R.B. (2016). The necessity to improve standards on liability for cruelty to animals. *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 2, pp. 71-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vksjxx>
26. Osokin R.B. (2014). Delimitation cruel treatment of animals from crimes and offences, adjacent with it on structure. *Vestnik Moskovskogo universitet MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 91-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rzohpl>
27. Rusakova I.V. (2017). Influence of demographic processes on the number OF homeless animals in Russian cities. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya = Petersburg Sociology Today*, no. 8, pp. 73-90. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zwhoab>
28. Latypova E.Yu., Gilmanov R.E., Tukhvatullina K.M. (2025). Contemporary problems of legal regulation of stray animal population. *Jus Strictum*, no. 3, pp. 7-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.18323/3034-2945-2025-3-62-1>, <https://elibrary.ru/dlagno>

29. Kuzmenko E.Yu., Mentyukova M.A. (2024). On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 576-586. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>, <https://elibrary.ru/ybeiao>
30. Koltsov M.I., Popova E.A. (2022). Problems of exemption from penal responsibility of minors by applying compulsory measures of educational influence to them. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 3 (23), pp. 337-348. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-337-348>, <https://elibrary.ru/qxuyeu>
31. Gilmanov T.E. (2025). The principle of equality and the principle of humanism and their features in criminal law. *Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov «Kazanskie nauchnye chteniya studentov i aspirantov imeni V.G. Timiryasova – 2024»: v 6 t. = Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference of Student and Post- Graduates “The Constitution of the Russian Federation and the Development of the Legal System of the State: General Theoretical and Sectoral Aspects”*: in 6 vols. Kazan, vol. 3, pp. 381-382. (In Russ.)
32. Gilmanov E.M. (2018). The digger and the stalking has as a form wrongful and dangerous behavior of minors. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoi gosudarstvennoi politiki» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Social and Legal Protection of Childhood as a Priority Area of Modern State Policy”*. Cheboksary, pp. 180-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xmivrr>
33. Gilmanov E.M. (2018). Counteraction to unlawful and dangerous forms of behavior of minors. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya neftegazovoi otrasli» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Achievements, Problems and Prospects of the Oil and Gas Industry Development”*. Al'met'evsk, pp. 792-795. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dhnqfc>
34. Zhelinskii A.I. (2025). Traditional spiritual and moral values as the basis of the state unity of the peoples of the Russian Federation: legal aspect. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2 (35), pp. 188-195. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-188-195>, <https://elibrary.ru/evigbe>

Поступила в редакцию / Received 17.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-598-612>

Шифр научной специальности 5.1.4

Актуальные вопросы производства следственных действий в условиях цифровизации уголовного судопроизводства

Бархозов Марат Германович,

лейтенант юстиции, следователь Следственного отдела, Отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Черкесску, 369000, Российская Федерация, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ворошилова, 69, SPIN-код: [5998-0214](#), РИНЦ AuthorID: [1256537](#), <https://orcid.org/0009-0003-5708-4460>, Marat3932@mail.ru

Токбаев Аюб Амербиевич,

кандидат экономических наук, подполковник полиции, старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, 360016, Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123, SPIN-код: [5720-8917](#), РИНЦ AuthorID: [681506](#), <https://orcid.org/0000-0001-7895-6860>, hamelion13@mail.ru

Аннотация

Проведено исследование правовых, криминалистических и технологических аспектов внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации. Проанализированы существующие в научной литературе различные точки зрения на перспективы и методы цифровизации уголовного процесса. Проведен анализ воздействия современных информационных технологий на проведение следственных действий. Выявлены как расширение возможностей получения информации, так и трансформации в установленных процессуальных рамках. Отмечено, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит достаточно гибкий набор инструментов для получения доказательств в новых условиях. В связи с этим предложена поэтапная стратегия внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, включающая законодательное закрепление правил использования цифровых технических средств, введение электронного формата уголовного дела и создание специализированных баз данных, а также разработку соответствующих цифровых платформ. Цель исследования – анализ поэтапной стратегии внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, основанный на изучении нормативно-правовой базы, научной литературы и практического опыта как в Российской Федерации, так и в дружественных странах. Обоснована необходимость поэтапного подхода к цифровизации, с приоритетом модернизации средств фиксации хода и результатов следственных действий для оптимизации рутинных операций и повышения эффективности деятельности следственных органов. Методология включает сравнительно-правовой, формально-юридический и системный подходы, позволяя выявить особенности регулирования, определить правовые проблемы и предложить их возможные решения. В итоге, предложен поэтапный подход к цифровизации, с приоритетом модернизации средств фиксации хода и результатов следственных действий для оптимизации рутинных операций и повышения эффективности деятельности следственных органов.

Ключевые слова

цифровизация, уголовное судопроизводство, досудебное производство, следственные действия, цифровые доказательства, информационные технологии, процессуальное закрепление, электронное уголовное дело, цифровые платформы, модернизация, поэтапный подход

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

М.Г. Бархозов – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, научный анализ материалов, обобщение полученных результатов, утверждение окончательного варианта статьи. А.А. Токбаев – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, окончательное редактирование рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Бархозов М.Г., Токбаев А.А. Актуальные вопросы производства следственных действий в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 598-612. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-598-612>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-598-612>

OECD 5.05; ASJC 3308

Current issues of investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings

Marat G. Barkhozov,

Lieutenant of Justice, Investigator of the Investigative Department, Cherkessk Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 69 Voroshilova St., 369000, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, Russian Federation, SPIN-code: [5998-0214](#), RSCI AuthorID: [1256537](#), <https://orcid.org/0009-0003-5708-4460>, Marat3932@mail.ru

Ayub A. Tokbaev,

Cand. Sci. (Economy), Police Lieutenant Colonel, Senior Lecturer of the Internal Affairs Activities in Special Conditions Department, North Caucasion Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 123 Malbakhova St., 360016, Nalchik, Russian Federation, SPIN-code: [5720-8917](#), RSCI AuthorID: [681506](#), <https://orcid.org/0000-0001-7895-6860>, hamelion13@mail.ru

Abstract

A study was conducted on the legal, forensic, and technological aspects of implementing digital technologies in the criminal justice system of the Russian Federation. Various perspectives on the prospects and methods of digitalizing criminal proceedings that exist in the scientific literature have been analyzed. An analysis was conducted on the impact of modern information technologies on the conduct of investigative actions. Both the expansion of information access and transformations within the established procedural framework have been identified. It was noted that the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation contains a sufficiently flexible set of tools for obtaining evidence in the new conditions. In this regard, a step-by-step approach for implementing digital technologies in criminal proceedings has been proposed, including the legislative establishment of rules for using digital technical means, the introduction of an electronic format for criminal cases and the creation of specialized databases, as well as the development of corresponding digital platforms. The aim of the study is to analyze a step-by-step strategy for implementing digital technologies in criminal justice, based on an examination of the regulatory framework, scientific literature, and practical experience in both the Russian Federation and friendly countries. The necessity of a step-by-step approach to digitalization is justified, with priority given to modernizing the means of recording the progress and results of investigative actions to optimize routine operations and increase the efficiency of investigative bodies. The methodology includes comparative legal, formal legal, and systemic approaches, allowing for the identification of regulatory features, the definition of legal problems, and the proposal of their possible solutions. In conclusion, a step-by-step approach to digitaliza-

tion is proposed, prioritizing the modernization of tools for recording the progress and results of investigative actions to optimize routine operations and increase the efficiency of investigative bodies.

Keywords

digitalization, criminal proceedings, pre-trial proceedings, investigative actions, digital evidence, information technology, procedural consolidation, electronic criminal case file, digital platforms, modernization, step-by-step approach

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

M.G. Barkhozov – scientific supervision, theoretical substantiation of the study, scientific analysis of materials, summarizing the study results, approving the final version of the manuscript. A.A. Tokbaev – research concept development, collection and processing of normative documents, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, final manuscript revision.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Barkhozov, M.G., & Tokbaev, A.A. (2025). Current issues of investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 598-612. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-598-612>

Введение

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях цифровой трансформации общества. Этот процесс затрагивает правовые, криминалистические и технологические аспекты, требуя системного подхода, учитывающего как национальные особенности, так и международный опыт.

В эпоху «четвертой промышленной революции», характеризующейся повсеместным внедрением цифровых технологий и трансформацией различных сфер общественной жизни [1], уголовное судопроизводство также претерпевает существенные изменения. Цифровизация этой области открывает новые возможности для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, обеспечения прав участников уголовного процесса и оптимизации сроков рассмотрения дел. Однако этот процесс является сложным и многоаспектным, требующим не только значительных финансовых вложений, но и тщательного научного анализа правовых, криминалистических и технологических аспектов.

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием цифровых технологий, вопрос их интеграции в различные сферы общественной жизни становится все более актуальным. Уголовное судопроизводство, как сложная и многогранная система, также не остается в стороне от этого процесса. Цифровизация открывает новые горизонты для повышения эффективности расследования преступлений, расширения возможностей получения и анализа доказательственной информации, а также оптимизации процессуальных процедур. Вместе с тем внедрение цифровых технологий в уголовный процесс порождает ряд правовых, криминалистических и технологических вопросов, требующих детального изучения и решения.

Настоящая статья посвящена исследованию актуальных аспектов внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации. В рамках исследования будут проанализированы различные научные подходы к определению перспектив и методов цифровизации уголовного процесса, рассмотрено воздействие современных информационных технологий на проведение следственных действий. Особое внимание уделено выявлению как расширения возможностей получения инфор-

мации, так и трансформации устоявшихся процессуальных рамок. Подчеркивая наличие в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ¹ (далее – УПК РФ) гибкого набора инструментов для работы с доказательствами в условиях цифровой среды, предлагается поэтапная стратегия внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Данная стратегия включает законодательное закрепление правил использования цифровых технических средств, введение электронного формата уголовного дела, создание специализированных баз данных и соответствующих цифровых платформ. Обосновывается необходимость поэтапного подхода к цифровизации, с приоритетом модернизации средств фиксации хода и результатов следственных действий, что позволит оптимизировать рутинные операции и повысить эффективность деятельности следственных органов. Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных рекомендаций по внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации, направленных на повышение его эффективности, прозрачности и справедливости.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил нормативно-правовой анализ, а также анализ юридической литературы. Особое внимание уделяется применению нормативных правовых регламентов для эффективной организации цифровизации уголовного судопроизводства.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретические основы цифровизации уголовного судопроизводства

В контексте теоретического осмысления цифровизации уголовного судопроизводства необходимо учитывать стратегические цели развития информационного общества, определенные на государственном уровне. Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на пе-

риод 2017–2030 гг.² одним из ключевых приоритетов является создание и совершенствование технологий, обеспечивающих электронное взаимодействие между гражданами, организациями и органами государственной и муниципальной власти [2].

Данное положение имеет прямое отношение к уголовному судопроизводству, поскольку предполагает создание условий для более эффективного и прозрачного взаимодействия граждан с правоохранительными и судебными органами в цифровой среде. Это включает в себя:

1. Гарантирование информационного доступа участников уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты. В контексте цифровизации уголовного судопроизводства особое значение приобретает обеспечение гарантированного доступа участников процесса к релевантной информации. Это предполагает создание системы, при которой потерпевшие, свидетели, подозреваемые и обвиняемые имеют возможность оперативно и беспрепятственно получать сведения о состоянии уголовного дела, принятых процессуальных решениях, планируемых следственных действиях и других значимых событиях через специализированные электронные каналы связи.

Реализация принципа обеспечения доступа к информации о ходе уголовного дела способствует повышению прозрачности и открытости уголовного судопроизводства, позволяя участникам процесса более эффективно реализовывать права, предусмотренные УПК РФ. Например, своевременное получение информации о назначении экспертизы в порядке, установленном статьями 195–199 УПК РФ, дает возможность стороне защиты реализовать права, предусмотренные статьей 198 УПК РФ, в частности, заявить отвод эксперту или ходатайствовать о проведении дополнительной или повторной экспертизы в другом экспертном учреждении.

Реализация права на информационный доступ в цифровой среде требует учета ряда теоретико-правовых аспектов в соответст-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

вии с требованиями законодательства Российской Федерации, включая Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ³ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ⁴. Во-первых, необходимо четко определить объем информации, подлежащей раскрытию участникам процесса, с учетом требований сохранения тайны предварительного расследования (статья 161 УПК РФ), защиты государственной и иной охраняемой законом тайны, а также защиты персональных данных. Во-вторых, необходимо обеспечить надежную аутентификацию и идентификацию пользователей в соответствии с требованиями Федерального закона «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ⁵, чтобы исключить несанкционированный доступ к информации о деле. В-третьих, необходимо разработать удобные и интуитивно понятные интерфейсы электронных каналов связи в соответствии с требованиями ГОСТ Р 52653-2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения»⁶ (в части доступности информации), чтобы обеспечить доступ к информации для всех участников процесса, независимо от их уровня цифровой грамотности и наличия инвалидности. В-четвертых, необходимо предусмотреть административные и судебные механизмы обжалования нарушений права на информационный доступ в соот-

ветствии с главой 16 УПК РФ и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)⁷, чтобы обеспечить эффективную защиту прав участников уголовного процесса.

2. Электронное обращение в уголовном судопроизводстве: оптимизация процессуальных сроков и повышение доступности. Одним из ключевых направлений цифровизации уголовного судопроизводства является обеспечение возможности подачи заявлений, ходатайств и иных процессуальных документов в электронном виде. Данный аспект имеет значительный потенциал для оптимизации процессуальных сроков, упрощения процедуры обращения в правоохранительные органы и повышения удобства для граждан, являющихся участниками уголовного процесса.

Переход к электронному документообороту позволяет значительно сократить временные затраты, связанные с традиционным бумажным документооборотом. Электронные документы могут быть мгновенно доставлены в правоохранительный орган, независимо от местонахождения заявителя, что особенно актуально для дел, связанных с преступлениями, совершенными в разных регионах или странах. Кроме того, электронная подача документов позволяет избежать ошибок, связанных с неправильным оформлением или утерей документов, поскольку системы электронного документооборота, как правило, предусматривают автоматическую проверку правильности заполнения форм и гарантируют сохранность документов.

С научной точки зрения, внедрение электронного обращения в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как реализацию концепции «электронного правительства», направленной на повышение эффективности государственного управления за счет использования информационных технологий. При этом важно учитывать не только технологические, но и правовые аспекты, связанные с обеспечением юридиче-

³ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁵ Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

⁶ ГОСТ Р 52653-2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2006 № 419-ст) // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901-db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 27.05.2025).

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

ской значимости электронных документов, защитой персональных данных и соблюдением процессуальных прав участников уголовного процесса в соответствии с требованиями УПК РФ и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Необходимо также учитывать, что упрощение процедуры обращения в правоохранительные органы может привести к увеличению количества необоснованных или заведомо ложных заявлений, что потребует разработки эффективных механизмов фильтрации и проверки поступающей информации, с соблюдением принципов законности и обоснованности процессуальных решений.

Реализация этих целей требует не только внедрения новых технологий, но и разработки соответствующих правовых норм и организационных механизмов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Важно, чтобы цифровизация уголовного судопроизводства способствовала повышению доверия граждан к правоохранительным и судебным органам, а не создавала новых рисков и угроз.

Развивая эту мысль, следует отметить, что, как подчеркивают О.В. Качалова и Ю.А. Цветков, цифровизация уголовного судопроизводства должна развиваться в двух взаимосвязанных направлениях: внедрение инновационных информационных технологий для повышения открытости, доступности и оперативности правосудия, а также упрощение самого процесса путем сокращения излишней формализации [3]. Таким образом, цифровизация должна не только автоматизировать существующие процедуры, но и способствовать их оптимизации и упрощению, что позволит повысить эффективность уголовного процесса и снизить издержки.

Влияние цифровых технологий на проведение следственных действий

Начало XXI века характеризовалось повсеместным внедрением концепции информатизации, однако, в дальнейшем, научный дискурс претерпел трансформацию, сместив фокус на процессы цифровизации. Данный феномен, получивший широкое распространение, оказал существенное влияние на раз-

личные аспекты жизнедеятельности современного человека, включая социально-экономическую, правовую, политическую и духовно-культурную сферы. В настоящее время цифровые технологии активно внедряются в системы государственного управления, экономические структуры предприятий, механизмы регулирования трудовых отношений, а также в секторах здравоохранения, образования и иных областях деятельности.

Российские правоохранительные и правоприменительные органы накопили значительный опыт в использовании информационных технологий для борьбы с преступностью, что подтверждается ежегодными отчетами МВД РФ, СК РФ, ФСБ РФ и других ведомств, а также обширной научной литературой, обосновывающей необходимость применения передовых технологий для эффективного противодействия преступности, включая киберпреступления. Однако текущий уровень автоматизации и информатизации уголовного судопроизводства находится на начальной стадии формирования цифровых платформ в правоохранительной и судебной сферах. В этой связи актуальной задачей является не только дальнейшее развитие и внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, но и создание единой теоретической базы, определяющей принципы, цели и задачи цифровизации, а также обеспечивающей соответствие инновационных решений требованиям законности, обоснованности и справедливости.

Прежде чем приступить к анализу предмета исследования, целесообразно определить содержание понятия «цифровые технологии». В.А. Семенцов определяет цифровые технологии как технологии, функционирующие на основе специализированного программного обеспечения и предназначенные для осуществления процессов создания, хранения, обработки и распространения информации посредством вычислительных средств [4]. Разделяя в целом данный подход, представляется необходимым отметить, что понятие «цифровые технологии» в контексте уголовного судопроизводства требует более широкой трактовки, охватывающей не только технические средства и программное обеспечение, но и совокупность организаци-

онных и правовых норм, регулирующих их применение. Таким образом, цифровые технологии в уголовном процессе представляют собой комплексное явление, включающее в себя технические, программные, организационные и правовые компоненты, направленные на повышение эффективности и справедливости судопроизводства.

Внедрение цифровых технологий в процесс проведения следственных действий открывает широкие перспективы для повышения эффективности, оптимизации временных затрат и укрепления доказательственной базы. Существующее законодательство Российской Федерации, в частности часть 6 статьи 164 УПК РФ, допускает применение технических средств при производстве следственных действий, что создает правовую основу для дальнейшего развития цифровых технологий в данной сфере. Однако потенциал цифровых технологий выходит далеко за рамки простого технического обеспечения и подразумевает комплексную трансформацию всего процесса расследования, которая должна быть направлена на обеспечение полноты, объективности и всесторонности расследования (статья 73 УПК РФ). В этой связи перспективными направлениями применения цифровых технологий представляются следующие:

1. Дистанционное участие в следственных действиях. Использование видео-конференц-связи для допроса свидетелей, потерпевших, а также проведения очных ставок, особенно в случаях, когда участники процесса находятся в разных регионах или странах. Это позволит существенно сократить временные и финансовые издержки, а также обеспечить возможность участия в следственных действиях для лиц с ограниченными возможностями, что соответствует принципам доступности правосудия и равенства всех перед законом (статья 4 УПК РФ). Необходимо внесение изменений в УПК РФ, регламентирующих порядок проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи, с учетом требований обеспечения защиты прав участников процесса и аутентификации личности, в соответствии с принципами, закрепленными в статьях 6 и 9 УПК РФ (обеспечение прав личности и состязательности сто-

рон). Например, необходимо установить требования к качеству видео- и аудиосвязи, порядку идентификации участников, а также к обеспечению конфиденциальности информации.

2. Автоматизированный сбор и анализ данных, осуществляемые с использованием специализированного программного обеспечения, позволяют обрабатывать значительные объемы информации, полученной в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Это открывает возможности для выявления закономерностей, связей и новых доказательств, которые могли бы остаться незамеченными при использовании традиционных методов расследования.

Вместе с тем широкое применение анализа больших данных в уголовном судопроизводстве требует разработки четких правовых норм, регулирующих порядок сбора, хранения и использования таких данных, с учетом требований защиты персональных данных (Федеральный закон «О персональных данных») и обеспечения тайны предварительного расследования (статья 161 УПК РФ). Императивным требованием является установление четких критериев допустимости использования информации, полученной в результате анализа больших данных, в качестве доказательств. Отсутствие таких критериев порождает риски произвольного использования информации, нарушения неприкосновенности частной жизни и тайны личных сведений, охраняемых законом.

Использование больших данных должно соответствовать требованиям Федерального закона «О персональных данных» и принципу соразмерности, обеспечивая баланс между эффективностью расследования и защитой прав граждан. Необходимо также обеспечить защиту от утечки информации, составляющей тайну предварительного расследования (статья 161 УПК РФ). Критерии допустимости должны учитывать надежность и валидность методов анализа, возможность проверки результатов независимыми экспертами, а также порядок представления результатов в суде, обеспечивающий возможность их оценки сторонами и судом. Кроме того, необходимо гарантировать право на обжалование решений, приня-

тых на основе анализа больших данных, с обеспечением эффективной защиты прав граждан. В итоге, наличие четких критериев и процедур представляет собой необходимое условие для законного, справедливого и эффективного использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, предотвращающее нарушение прав граждан и подрыв доверия к системе правосудия.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифровых технологий в следственные действия сопряжено с рядом вызовов и рисков, которые необходимо учитывать при разработке и реализации соответствующих правовых норм и организационных механизмов.

Во-первых, применение цифровых технологий в уголовном процессе не должно нарушать конституционные права участников, такие как право на защиту (статья 48 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни (статья 23 Конституции РФ) и тайну коммуникаций (статья 23 Конституции РФ). Для этого требуется разработка четких правовых норм, соответствующих Конституции РФ и международным договорам, ратифицированным РФ (например, Международный пакт о гражданских и политических правах). Необходимо регулировать порядок применения цифровых технологий, опираясь на федеральные законы, такие как Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Важно установить гарантии защиты прав, включающие право на ознакомление с цифровыми доказательствами, возможность обжалования действий должностных лиц и возмещение вреда, причиненного незаконным использованием цифровых технологий. Ключевым является создание надежного правового механизма, который обеспечит баланс между возможностями цифровых технологий в расследовании преступлений и защитой основных прав и свобод личности, исключая произвольное или необоснованное вмешательство в частную жизнь и гарантируя справедливый и законный процесс. При этом необходимо учитывать положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие порядок сбора, представления и оценки доказательств.

Во-вторых, необходимо обеспечить достоверность (статья 88 УПК РФ), допустимость (статья 75 УПК РФ) и отсутствие фальсификации доказательств, полученных с применением цифровых технологий. Решением является разработка и внедрение стандартов и процедур проверки подлинности и достоверности цифровых доказательств, что потребует внесения изменений в процессуальное законодательство, регулирующее порядок представления и оценки цифровых доказательств. Необходимо установить уголовную ответственность за фальсификацию доказательств (статья 303 УК РФ) и создать систему независимой экспертизы цифровых доказательств, что, в свою очередь, требует разработки соответствующих экспертных методик. Ключевым является создание комплексной системы, гарантирующей проверку «цифровой цепочки» от момента сбора данных до их представления в суде, с обеспечением неотвратимости наказания за любые попытки фальсификации, тем самым повышая доверие к цифровым доказательствам и обеспечивая справедливое судебное разбирательство.

В-третьих, необходимо обеспечить защиту информационных систем, используемых в уголовном судопроизводстве, от киберугроз (несанкционированный доступ, взлом, заражение вирусами и др.). Решением является разработка и внедрение комплексных мер по кибербезопасности информационных систем в соответствии с требованиями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и нормативными актами, регулирующими защиту информации, составляющей государственную тайну. Необходимо обучать сотрудников правоохранительных органов навыкам работы в условиях киберугроз. Ключевым является создание многоуровневой системы защиты, включающей технические, организационные и правовые меры, а также специализированные подразделения по кибербезопасности в правоохранительных органах. Необходимо также развивать международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью, обмениваясь информацией и опытом, что позволит оперативно реагировать на новые угро-

зы и обеспечит стабильность и безопасность информационных систем правосудия.

Опыт применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве в дружественных РФ странах представляет ценность для анализа. В Китае, например, активно используются системы распознавания лиц и анализа больших данных для борьбы с преступностью, а в странах БРИКС развиваются совместные проекты по кибербезопасности.

Адаптация зарубежного опыта к российским реалиям является ключевым фактором успеха, требующим учета особенностей правовой системы, культуры и геополитических интересов. Критический анализ и адаптация, а не слепое копирование должны стать основой внедрения зарубежных практик.

Важно учитывать не только технические, но и правовые и этические аспекты применения цифровых технологий, а также соответствие Федеральному закону «О персональных данных» и другим нормативным актам, регулирующим обработку и защиту информации. Необходимо создать систему оценки эффективности и рисков внедрения зарубежных технологий, обеспечивая их модификацию и адаптацию к российским условиям. Для этого требуется разработка методологической базы и привлечение экспертов в области права, информационных технологий и социологии. Данный подход позволит обеспечить гармоничное внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, соблюдая баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав и свобод граждан.

В целях практической реализации указанных принципов и для закрепления на законодательном уровне возможности использования цифровых технологий в следственных действиях, необходимо внесение изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), направленных на:

1. Легализацию использования видеоконференц-связи при проведении следственных действий (статьи 164–208 УПК РФ), с установлением четких требований к порядку проведения, фиксации результатов и обеспечению прав участников. Это позволит расширить возможности проведения следственных действий, особенно в случаях уда-

ленности участников или необходимости обеспечения их безопасности, однако, требует разработки механизмов идентификации личности и защиты от несанкционированного доступа к трансляции.

2. Установление требований к допустимости и достоверности виртуальных моделей места происшествия в качестве доказательств (статьи 75, 88 УПК РФ), с разработкой методических рекомендаций по их созданию и использованию. Это позволит наглядно и точно представить картину места происшествия, облегчая анализ и оценку доказательств, однако, требует разработки критериев оценки точности и достоверности ВММП, а также гарантий от их манипулирования.

3. Обеспечение защиты прав участников уголовного процесса при применении цифровых технологий (статьи 6, 9 УПК РФ), с установлением четких гарантий прав на ознакомление с материалами, полученными с использованием цифровых технологий, на обжалование действий должностных лиц и на возмещение вреда, причиненного незаконным применением цифровых технологий. Это обеспечит соблюдение принципов справедливости и законности при использовании цифровых технологий, однако, требует разработки механизмов контроля за соблюдением прав участников и привлечения к ответственности за их нарушение, а также создания системы компенсации за возможный вред.

В результате, влияние цифровых технологий на следственные действия кардинально меняет ландшафт уголовного судопроизводства, предлагая новые инструменты для расследования преступлений, но и ставя перед правоохранительной системой сложные задачи. С одной стороны, цифровые технологии значительно повышают эффективность следственных действий, позволяя оперативно собирать, анализировать и представлять доказательства в наглядной и убедительной форме. С другой стороны, возникают новые вызовы, связанные с обеспечением законности, обоснованности и справедливости применения этих технологий, а также с защитой прав и свобод участников уголовного процесса. Ключевой задачей становится создание комплексной правовой

базы, регулирующей порядок использования цифровых технологий в следственной деятельности, а также разработка методических рекомендаций и технических стандартов, обеспечивающих эффективное и безопасное применение этих технологий. Важно обеспечить соблюдение баланса между необходимостью борьбы с преступностью и защитой прав граждан, гарантируя прозрачность, подотчетность и возможность обжалования действий должностных лиц. В конечном счете, успешное внедрение цифровых технологий в следственную практику позволит не только повысить раскрываемость преступлений и укрепить законность в обществе, но и создать более справедливую и эффективную систему уголовного правосудия, отвечающую вызовам цифровой эпохи.

Правовые, криминалистические и технологические аспекты внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство представляет собой сложный и многогранный процесс, затрагивающий правовые, криминалистические и технологические аспекты.

Правовые аспекты. Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации представляет собой перспективное направление развития, требующее комплексного правового регулирования, криминалистической адаптации и международного сотрудничества. Соблюдение принципов законности, обоснованности и справедливости, гарантированных Конституцией РФ, является основополагающим фактором, определяющим допустимость и эффективность применения инновационных методов в расследовании преступлений.

Правовое регулирование должно обеспечивать четкую регламентацию оснований, условий и порядка использования цифровых технологий, с учетом положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона «О персональных данных». Особое внимание необходимо уделить защите прав и свобод граждан, гарантированных статьями 23 и 24 Конституции РФ, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни и тайну коммуникаций. Важным аспектом является установление крите-

риев допустимости и достоверности цифровых доказательств в соответствии с требованиями статей 75 и 88 УПК РФ, а также разработка методических рекомендаций по их использованию и оценке, что может потребовать внесения изменений в соответствующие нормативные акты.

В целях повышения эффективности противодействия киберпреступности необходимо развивать международное сотрудничество, осуществляя обмен опытом и технологиями с дружественными странами, такими как Китай, страны БРИКС и СНГ. При этом следует учитывать особенности правовых систем различных государств и придерживаться принципов взаимного уважения и соблюдения международных норм, отраженных, в частности, в положениях Будапештской конвенции о киберпреступности и Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Таким образом, успешная интеграция цифровых технологий в уголовное судопроизводство требует системного подхода, сочетающего в себе разработку надежной правовой базы, адаптацию криминалистических методов и активное участие в международном сотрудничестве, с целью обеспечения баланса между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав и свобод граждан.

Криминалистические аспекты. Криминалистическое обеспечение внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство является ключевым элементом в формировании эффективной системы противодействия преступности в условиях цифровой трансформации общества. Адаптация традиционных методов расследования, разработка новых криминалистических методик, активное использование цифровой криминалистики, эффективное противодействие киберпреступности и применение искусственного интеллекта (ИИ) для анализа данных в совокупности формируют комплексный подход, позволяющий повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Разработка новых методов расследования, адаптированных к цифровой среде, требует законодательного закрепления возмож-

ности проведения следственных действий в виртуальном пространстве, а также создания процессуальных механизмов, обеспечивающих допустимость и достоверность полученных доказательств. При этом необходимо учитывать положения статей 75 и 88 УПК РФ, устанавливающих требования к допустимости и оценке доказательств.

Активное использование методов цифровой криминалистики для выявления, сбора и анализа цифровых доказательств предполагает наличие специализированного оборудования и программного обеспечения, а также квалифицированных специалистов, обладающих знаниями в области компьютерных технологий, криптографии и сетевого администрирования. Важно отметить, что проведение следственных действий, связанных с доступом к информации, хранящейся на электронных носителях, должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями УПК РФ и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Противодействие киберпреступности, включая выявление, пресечение и расследование киберпреступлений, требует координации усилий правоохранительных органов на национальном и международном уровнях. В этой связи необходимо учитывать положения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ⁸, а также нормы международного права, направленные на борьбу с киберпреступностью.

Применение искусственного интеллекта (ИИ) для анализа больших данных и выявления закономерностей в преступной деятельности требует соблюдения этических принципов и обеспечения прозрачности алгоритмов, чтобы избежать дискриминации и нарушения прав граждан. Обработка персональных данных с использованием ИИ должна осуществляться в соответствии с

требованиями Федерального закона «О персональных данных» и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Таким образом, криминалистическое обеспечение внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство требует системного подхода, основанного на соблюдении законодательства Российской Федерации, международных норм и этических принципов, а также на активном использовании современных достижений науки и техники. В качестве примера эффективного международного сотрудничества можно привести совместные инициативы в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), направленные на противодействие киберпреступности. В рамках этих инициатив осуществляются обмен информацией о новых видах киберугроз, проведение совместных учений и операций по пресечению деятельности киберпреступных групп, а также гармонизация законодательства в сфере информационной безопасности.

Вместе с тем необходимо учитывать не только криминалистические, но и технологические аспекты внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, которые определяют возможность эффективного применения разработанных методик и обеспечивают безопасность информационных систем, используемых для сбора, хранения и анализа цифровых доказательств.

Технологические аспекты внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации имеют определяющее значение для обеспечения эффективности и законности уголовного преследования в условиях цифровой трансформации общества. Это требует системного подхода, включающего разработку и внедрение специализированных программных и аппаратных средств, обеспечение кибербезопасности информационных систем, разработку стандартов и протоколов обмена информацией и, что немаловажно, подготовку квалифицированных кадров для работы с цифровыми инструментами.

Разработка и внедрение специализированных программных и аппаратных средств для проведения следственных действий в

⁸ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.

цифровой среде является необходимым условием для эффективного выявления, извлечения, анализа и представления цифровых доказательств. Разработка и внедрение таких средств должны осуществляться в соответствии с требованиями законодательства о защите информации и персональных данных, в частности, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона «О персональных данных».

Обеспечение кибербезопасности информационных систем, используемых в уголовном судопроизводстве, является критически важным для защиты от несанкционированного доступа, взлома, вирусов, вредоносного программного обеспечения и других киберугроз. При этом необходимо руководствоваться требованиями Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ⁹, если соответствующие информационные системы относятся к критической информационной инфраструктуре.

Разработка стандартов и протоколов для обмена информацией между правоохранительными органами и другими организациями, участвующими в уголовном судопроизводстве, обеспечивает эффективное расследование преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Эти стандарты и протоколы должны обеспечивать целостность, достоверность, конфиденциальность и оперативность обмена информацией, а также соответствовать требованиям законодательства о защите информации и персональных данных.

Международное сотрудничество в области технологических аспектов внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство является важным фактором для обмена опытом, технологиями и кадрами с дружественными странами, а также для участия в совместных проектах по борьбе с киберпреступностью. В этой связи необходимо учитывать положения международных дого-

воров и соглашений, заключенных Российской Федерацией в сфере противодействия преступности, а также рекомендации международных организаций, таких как ООН и ШОС.

Технологические аспекты внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации имеют определяющее значение для обеспечения эффективности и законности уголовного преследования в условиях цифровой трансформации общества. Это требует системного подхода, включающего разработку и внедрение специализированных программных и аппаратных средств, обеспечение кибербезопасности информационных систем, разработку стандартов и протоколов обмена информацией, а также подготовку квалифицированных кадров для работы с цифровыми инструментами. Международное сотрудничество в данной области также имеет большое значение.

Вместе с тем необходимо учитывать не только технологические, но и этические аспекты использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, поскольку внедрение новых технологий может затрагивать права и свободы граждан, а также создавать новые риски для правосудия. Только комплексный подход, учитывающий все эти аспекты, позволит успешно внедрить цифровые технологии в уголовное судопроизводство и повысить эффективность борьбы с преступностью, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан.

Поэтапная стратегия внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях цифровой трансформации общества. Этот процесс затрагивает правовые, криминалистические и технологические аспекты, требуя системного подхода, учитывающего как национальные особенности, так и международный опыт. Целью данного исследования является анализ поэтапной стратегии внедрения цифровых технологий в уголовное судопроиз-

⁹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4736.

водство, основанный на изучении нормативно-правовой базы, научной литературы и практического опыта как в Российской Федерации, так и в дружественных странах.

Существующий правовой фундамент, включающий УПК РФ, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и другие нормативные правовые акты, определяет общие требования к использованию цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Однако для эффективной реализации задач цифровизации необходимо разработать и внедрить специализированные программные и аппаратные средства, обеспечить кибербезопасность информационных систем, разработать стандарты и протоколы обмена информацией и подготовить квалифицированные кадры.

В этой связи предлагается поэтапная стратегия, включающая следующие этапы.

1. Анализ и планирование (6–12 месяцев). На данном этапе осуществляется анализ текущего состояния уголовного судопроизводства, определяются приоритетные направления внедрения цифровых технологий, разрабатывается концепция и план реализации стратегии, а также проводятся пилотные проекты для оценки эффективности и выявления возможных проблем.

2. Разработка и внедрение (12–24 месяца). На данном этапе разрабатывается и внедряется программное и аппаратное обеспечение, интегрируются цифровые технологии в существующую инфраструктуру, проводится обучение и переподготовка сотрудников, а также разрабатывается и внедряется нормативно-правовая база.

3. Мониторинг и развитие (постоянно). На данном этапе осуществляется мониторинг использования цифровых технологий, оценивается их эффективность, выявляются проблемы и недостатки, вносятся изменения и улучшения, а также осуществляется постоянное развитие цифровых технологий.

Анализ научных публикаций российских и зарубежных авторов (И.Л. Бачило [5], А.Ю. Головин [6], Е.В. Гриценко [7],

О.А. Зайцев [8], В.Н. Карагодин [9], Н.П. Маюров [10], Р. Сасскинд, М. Зандер, В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер и др.) свидетельствует о поддержке поэтапного подхода к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Авторы отмечают необходимость проведения предварительного анализа, разработки концепции и плана реализации, а также проведения пилотных проектов для оценки эффективности и выявления возможных проблем. Особое внимание уделяется вопросам кибербезопасности, защиты информации, разработки нормативно-правовой базы, подготовки кадров и этическим аспектам использования цифровых технологий.

Международный опыт, в частности, опыт дружественных Российской Федерации стран (Китай, страны БРИКС и СНГ), также свидетельствует о необходимости поэтапного подхода к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство. При этом учитываются такие факторы, как различия в законодательстве и правоприменительной практике, проблемы доверия, политические разногласия и ограниченные ресурсы. Соблюдение международного законодательства в сфере защиты персональных данных, а также вопросы трансграничной юрисдикции и цифрового суверенитета также имеют существенное значение.

Вместе с тем необходимо учитывать не только технологические, но и этические аспекты использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, поскольку внедрение новых технологий может затрагивать права и свободы граждан, а также создавать новые риски для правосудия. Только комплексный подход, учитывающий правовые, криминалистические, технологические и этические аспекты, позволит успешно внедрить цифровые технологии в уголовное судопроизводство и повысить эффективность борьбы с преступностью, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан.

Предложенная поэтапная стратегия внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство является важным шагом на пути к созданию эффективной и современной системы уголовного правосудия, отвечающей требованиям цифровой эпохи.

Заключение

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства актуальные вопросы производства следственных действий приобретают особую значимость. Как показал проведенный анализ, успешное внедрение цифровых технологий требует комплексного подхода, охватывающего правовые, криминалистические, технологические и этические аспекты. Цифровизация предоставляет новые возможности для сбора, анализа и использования доказательств, но вместе с тем создает и новые риски для прав и свобод граждан.

Предложенная поэтапная стратегия внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, включающая анализ и планирование, разработку и внедрение, мониторинг и развитие, является важным шагом на пути к созданию эффективной и современной системы уголовного правосудия. Реализация данной стратегии требует внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, разработки специализированного программного и аппаратного обеспечения, обеспечения кибербезопасности информационных систем, подготовки квалифицированных кадров и учета этических аспектов использования цифровых технологий.

Особое внимание следует уделить вопросам защиты прав и свобод граждан при

производстве следственных действий в цифровой среде. Необходимо обеспечить прозрачность алгоритмов обработки данных, возможность обжалования решений, принятых с использованием цифровых технологий, и соблюдение принципов справедливости, равенства и недискриминации.

Международное сотрудничество в области цифровизации уголовного судопроизводства является важным фактором для обмена опытом, технологиями и кадрами с дружественными странами, а также для участия в совместных проектах по борьбе с киберпреступностью. При этом необходимо учитывать особенности национального законодательства, проблемы доверия и политические разногласия, а также обеспечивать соблюдение прав и свобод граждан и защиту информации.

Таким образом, актуальные вопросы производства следственных действий в условиях цифровизации уголовного судопроизводства требуют дальнейшего изучения и разработки. Только комплексный подход, учитывающий правовые, криминалистические, технологические и этические аспекты, позволит успешно внедрить цифровые технологии в уголовное судопроизводство и повысить эффективность борьбы с преступностью, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан.

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо-Пресс, 2020. 288 с.
2. Богданович Н.А. Правовые аспекты формирования электронного уголовного дела: достоинства и недостатки // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Национ. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2018. С. 91-95. <https://elibrary.ru/ylumfv>
3. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95-101. <https://elibrary.ru/uabvrp>
4. Семенцов В.А. Цифровые технологии в отечественном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 97-105. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>, <https://elibrary.ru/siqyen>
5. Бачило И.Л. Глобальная информатизация – формирование новой среды правового регулирования // Право и информатизация общества: сб. науч. тр. Москва, 2002. С. 10-32. <https://elibrary.ru/pjprhb>
6. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 25-33. <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2024.2.25-33>, <https://elibrary.ru/wbxroe>
7. Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149). С. 15-36. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36>, <https://elibrary.ru/wdvvvx>

8. Зайцев О.А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 18-20. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10123>, <https://elibrary.ru/qkojpf>
9. Карагодин В.Н. Цифровизация и наука «Криминалистика» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 3. С. 35-39. <https://elibrary.ru/vubepb>
10. Трофимова Т.А., Маюров Н.П., Маюров П.Н. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Качество профессионального образования: новые перспективы: сб. тр. Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. Гатчина: Изд-во Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 212-217. <https://elibrary.ru/vellfe>

References

1. Schwab K. (2020). *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow, Eksmo-Press, 288 p. (In Russ.)
2. Bogdanovich N.A. (2018). Legal aspects of electronic criminal case formation: advantages and disadvantages. *Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Informatsionnye tekhnologii i pravo: Pravovaya informatizatsiya – 2018» = Proceedings of the 6 International Scientific and Practical Conference “Information technologies and law: Legal informatization – 2018”*. Minsk, National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, pp. 91-95. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylumfv>
3. Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. (2015). Electronic criminal case as a tool for development of criminal proceedings. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, no. 2 (106), pp. 95-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uabvvp>
4. Sementsov V.A. (2022). Digital technologies in domestic criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, no. 4, pp. 97-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>, <https://elibrary.ru/siqyen>
5. Bachilo I.L. (2002). Global informatization – the formation of a new legal regulatory environment. In: *Pravo i informatizatsiya obshchestva = Law and the Informatization of Society*. Moscow, pp. 10-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjprhb>
6. Golovin A.Yu. (2024). Artificial intelligence technologies in criminalistics: tasks to be solved. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, no. 2 (44), pp. 25-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2024.2.25-33>, <https://elibrary.ru/wbxroe>
7. Gritsenko E.V. (2022). The right to good governance in the digital transformation era. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, no. 4 (149), pp. 15-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36>, <https://elibrary.ru/wdvvxx>
8. Zaitsev O.A. (2020). Main directions of development criminal procedure legislation in terms of digitalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, pp. 18-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10123>, <https://elibrary.ru/qkojpf>
9. Karagodin V.N. (2021). Digitalization and forensic science. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, no. 3, pp. 35-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vubepb>
10. Trofimova T.A., Mayurov N.P., Mayurov P.N. (2021). *Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii «Digitalization of education: problems and prospects. Kachestvo professional'nogo obrazovaniya: novye perspektivy» = Collected Papers of the International Scientific and Practical Online Conference “The Quality of Professional Education: New Perspectives”*. Gatchina, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies Publ. House, pp. 212-217. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vellfe>

Поступила в редакцию / Received 22.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.